

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика*	Микробиология*
Агрохимия	Микроэлектроника*
Азия и Африка сегодня	Мировая экономика и международные отношения
Акустический журнал*	Молекулярная биология*
Алгебра и анализ	Наука в России
Астрономический вестник*	Научное приборостроение
Астрономический журнал*	Нейрохимия*
Биологические мембраны*	Неорганические материалы*
Биология внутренних вод*	Нефтехимия*
Биология моря*	Новая и новейшая история
Биоорганическая химия*	Общественные науки и современность
Биофизика*	Общество и экономика
Биохимия*	Океанология*
Ботанический журнал	Онтогенез*
Вестник РАН*	Оптика и спектроскопия*
Вестник древней истории	Палеонтологический журнал*
Вестник Южного научного центра	Паразитология
Водные ресурсы*	Петрология*
Вопросы истории естествознания и техники	Письма в Астрономический журнал*
Вопросы ихтиологии*	Письма в Журнал технической физики*
Вопросы философии	Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики*
Вопросы языкознания	Поверхность*
Восток	Почвоведение*
Вулканология и сейсмология*	Приборы и техника эксперимента*
Высокомолекулярные соединения (Сер. А, В, С)*	Прикладная биохимия и микробиология*
Генетика*	Прикладная математика и механика
Геология рудных месторождений*	Природа
Геомагнетизм и аэрономия*	Проблемы Дальнего Востока
Геоморфология	Проблемы машиностроения и надежности машин*
Геотектоника*	Проблемы передачи информации*
Геохимия*	Программирование*
Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология	Психологический журнал
Государство и право	Радиационная биология. Радиоэкология
Дефектоскопия*	Радиотехника и электроника*
Дискретная математика	Радиохимия*
Дифференциальные уравнения*	Расплавы
Доклады Академии наук*	Растительные ресурсы
Журнал аналитической химии*	Российская археология
Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова	Российская история
Журнал вычислительной математики и математической физики*	Российский иммунологический журнал
Журнал неорганической химии*	Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова
Журнал общей биологии	Русская литература
Журнал общей химии*	Русская речь
Журнал органической химии*	Сенсорные системы
Журнал прикладной химии*	Славяноведение
Журнал технической физики*	Социологические исследования
Журнал физической химии*	Стратиграфия. Геологическая корреляция*
Журнал эволюционной биохимии и физиологии*	США. Канада. Экономика - политика - культура
Журнал экспериментальной и теоретической физики*	Теоретическая и математическая физика
Записки Российского минералогического общества	Теоретические основы химической технологии*
Земля и Вселенная	Теория вероятностей и ее применение
Зоологический журнал	Теплофизика высоких температур*
Известия РАН. Механика жидкости и газа*	Труды Математического института имени В.А. Стеклова*
Известия РАН. Механика твердого тела*	Успехи математических наук
Известия РАН. Серия биологическая*	Успехи современной биологии
Известия РАН. Серия географическая	Успехи физиологических наук
Известия РАН. Серия литературы и языка	Физика Земли*
Известия РАН. Серия математическая	Физика и техника полупроводников*
Известия РАН. Серия физическая*	Физика и химия стекла*
Известия РАН. Теория и системы управления*	Физика металлов и металловедение*
Известия РАН. Физика атмосферы и океана*	Физика плазмы*
Известия РАН. Энергетика	Физика твердого тела*
Известия русского географического общества	Физикохимия поверхности и защита материалов*
Исследование Земли из космоса	Физиология растений*
Кинетика и катализ*	Физиология человека*
Коллоидный журнал*	Функциональный анализ и его применение
Координационная химия*	Химическая физика*
Космические исследования*	Химия высоких энергий*
Кристаллография*	Химия твердого топлива*
Латинская Америка	Цитология*
Лесоведение	Человек
Лёд и Снег	Экология*
Литология и полезные ископаемые*	Экономика и математические методы
Математические заметки*	Электрохимия*
Математический сборник	Энергия, экономика, техника, экология
Математическое моделирование	Этнографическое обозрение
Микология и фитопатология	Энтомологическое обозрение*
	Ядерная физика*

* Материалы журнала издаются группой Pleiades Publishing на английском языке

РОССИЙСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ
<http://www.naukaran.ru>

"НАУКА"

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ
СРЕДНЕЙ АЗИИ

ТИПОЛОГИЯ КЕРАМИЧЕСКИХ СФЕРОКОНУСОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

© 2014 г. З.С. Галиева

Государственный музей Востока, Москва (zamiragalieva@gmail.com)

Ключевые слова: *сферокопические сосуды, предназначение, технология изготовления, распространение, хронология и типология, эволюция форм и декора.*

The article analyses a special type of ceramic vessels, which by their form were called “sphericoconical vessels” and were widely distributed in the 10th–15th centuries. The archaeological research of the medieval towns of Central Asia and the Caucasus, as well as the Golden Horde showed that sphericoconical vessels were of mass ceramic products. The issues of the functional purpose of sphericoconical vessels and a wide range of their application are also considered. Based on the study of the large number of such objects founded in archeological monuments of Central Asia and Kazakhstan, the author analyses the evolution of the development of their forms. These forms are rather well represented in the illustration to the article. At the same time the chronological sequence of the appearance of various ornaments in sphericoconical vessels decoration is studied. The typology of the sphericoconical vessels of Middle Asia and Kazakhstan is represented in this article the first time ever.

В средневековье на обширной территории Евразии существовал особый тип керамических сосудов, за свою форму получивших в научной литературе название “сферокопусы”. Необычная форма, твердый как камень черепок, разнообразный орнамент начиная с XIX в. вызывали у исследователей особый интерес (Галиева, 2000б. С. 52; Волков, 2004. С. 145, 146). Уровень знаний того времени не позволял ответить на многие вопросы, связанные с использованием и технологией изготовления этих сосудов. В настоящее время благодаря обширному археологическому материалу и данным письменных источников в научный оборот внесена универсальная информация, позволяющая составить наиболее полное представление о локальных технологических особенностях производства, типах форм и орнамента, функциональном назначении и спектре использования сферокопусов. Исследования показывают, что данный тип керамики появился в VII–VIII вв. в Иране, позднее, возможно, в VIII–IX вв. – в Ираке и Египте (Fehérvári, 2000. P. 208, 209, 211); в IX в. – в Средней Азии, Закавказье и Восточной Европе. В дальнейшем сферокопусы широко использовались: в Азербайджане в IX–XIII вв., в Армении в X–XIII вв., на Северном Кавказе начиная с XIII в., в X–XIV вв. в Поволжье и Средней Азии (Сычев, 1947. С. 70–73; Хованская, 1954. С. 344, 359; Ахмедов, 1959. С. 222; Михальченко, 1974. С. 46; Ртвеладзе, 1974. С. 280;

Хлебникова, 1988. С. 92, 93; Недашковский, 2000. С. 100, 101; Волков, 2004. С. 145–149). Наиболее обстоятельно изучены морфология форм, типология, хронология и локальные признаки сферокопусов из Двина и Ани, Биляра, Согда и Чача (Джанполадян, 1982. С. 15–24; Халиков, 1986. С. 72–83; Галиева, 2000б. С. 53–57).

В Средней Азии, согласно данным археологических исследований, сложное и достаточно трудоемкое производство сферокопусов было освоено гончарами Согда, Чача, Хорасана, Южного Казахстана в X в. На протяжении 500 лет, с X по XIV – начало XV в., совершенствуется их форма, развиваются новые орнаментальные мотивы (Вактурская, 1959. С. 313, 314; Альбаум, 1969. С. 256–260; Атагарриев, 1971. С. 155–157; Сенигова, 1972. С. 42; Абдуллаев, 1975. С. 71; Лунина, 1978. С. 127–130; Брусенко, Галиева, 1982. С. 124–136; Шишкина, 1986. С. 26, 27).

Для среднеазиатских сферокопусов характерен серо-зеленый цвет, толстые стенки и массивное дно. Сосуды изготовлены на гончарном круге из глины без видимых примесей, в большинстве случаев орнаментированы. Качество черепка отличает большая плотность, прочность и звонкий металлический звук при ударе. Потребность в керамических изделиях с высокой механической прочностью поставила средневековых гончаров перед

Рис. 1. Сфероконусы, производственный брак (Самаркандская обл., Дуние-тепе, IX–XII вв.) (по: Tettes..., 1993).

необходимостью поиска специального обжига – клинкерного. Клинкерный обжиг – сложный многоэтапный технологический процесс, требующий от 200 до 350 ч обжига, в течение которых достигается медленное изменение (повышение и понижение) температуры, доводящее черепок до спекания. Минералогический состав глин влиял как на огнестойкость и качество обжига, так и на цвет сосуда. Доказано, что содержание окислов железа в глине при температуре 1000° придает черепку шоколадно-коричневую или красновато-бурую окраску (Соколов, 1949. С. 4, 11, 13, 14, 24). По всей видимости, этим объясняется кирпично-красный цвет сфероконических сосудов Поволжья и редко встречающихся красновато-бурых сфероконусов Кавказа (Джанполадян, 1982. С. 17; Михальченко, 1974. С. 48). Желтовато-серый и серо-зеленоватый цвет черепка, как у среднеазиатских сфероконусов, образуется от незначительного содержания окиси железа и более высокого содержания извести в глине (Соколов, 1949. С. 25).

Сложный и длительный многоэтапный технологический процесс обжига, доводящий черепок сфероконических сосудов до спекания, вынуждал гончаров усовершенствовать устройство печей. Археологические исследования в керамических кварталах помогли установить, что сфероконусы обжигались в двухъярусных гончарных горнах с круглыми или подпрямоугольными загрузочными камерами со специальными перегородками, отсекающими высокотемпературные участки (Альбаум, 1969. С. 257–259; Немцева, 1969. С. 201; Атагарриев, 1971. С. 155; Лунина, 1984. С. 82, 83). Был и другой вариант обжига, например, как на Афрасиабе в гончарной печи 2 (диаметр 2 м) в топочной камере (ширина 1.3 м; в средней части – 1.8, нижней – 1.5), напротив топочного отверстия, в особом отсеке,

отгороженном Г-образной перегородкой (высота 0.3 м), где были обнаружены целые и спекшиеся сфероконусы (Альбаум, 1969. С. 258, 259. Рис.1).

В восточной части Афрасиаба Н.Б. Немцовой были исследованы различные по конструкции гончарные печи, среди которых только в двух печах (XII – начало XIII в.) была одна большая камера, где специальная перегородка отгораживала участок топки от места для обжига (1969. С. 194, 201, 202).

Сложная технология обжига часто приводила к образованию большого количества брака. Отвалы бракованных сфероконических сосудов, зафиксированные археологами вблизи гончарных мастерских или на окраинах рабадов (рис. 1), свидетельствуют об их местном производстве (Альбаум, 1969. С. 256–259; Сенигова, 1972. С. 158; Абдуллаев, 1974. С. 83–92; Лунина, 1984. С. 80; Папахристу, Баратова, 1990. С. 168). На городище Орен-кала в Азербайджане бракованные зеленоватые сфероконические сосуды были обнаружены в камерах специальных двухъярусных подковообразных печей IX в. (Минкевич-Мустафаева, 1959. С. 178–181).

Предпринимая попытку проследить динамику развития форм и орнамента сфероконических сосудов Средней Азии и Казахстана, мы столкнулись с их протяженной датировкой, охватывающей периоды от одного до двух-трех веков. Поэтому за основу исследований были взяты четко датированные в пределах века закрытые керамические комплексы из гончарных печей, мастерских, однослойных хозяйств ремесленных кварталов, помещений частных и общественных зданий с известных памятников Узбекистана: Афрасиаб; Алтынтепе (Каршинская область), Канка (Ташкентская область), Замахшар (Хорезм); Туркмении: Мерв, Шехр-Ислам; а также других (Агеева, 1949. С. 113; 1951. С. 105; Вактурская, 1959. С. 313, 314; Лунина, 1962. С. 359–366; Альбаум, 1969. С. 256–259; Немцева, 1969. С. 201; Атагарриев, 1971. С. 155–157; Сенигова, 1972. С. 154–160; Брыкина, 1974. С. 67, 68; Брусенко, Галиева, 1982. С. 124–136; Бурякова, 1986. С. 163; Акишев и др., 1987. С. 129, 160–162).

Все известные на данный момент среднеазиатские сфероконические сосуды можно объединить в большие группы I и II. У сосудов первой группы дно оформлено в виде конуса, чаще с выступающим закругленным штырьком (рис. 2, 1–8, 11–19), сфероконусы второй группы плоскодонные (рис. 2, 20–23). В обеих группах встречаются сосуды с редкой формой тулова, венчика или горла (рис. 2, 5, 9, 10, 15, 19, 24).

Разница в пропорциях сфероконических сосудов позволяет отнести их к разным типам, а по

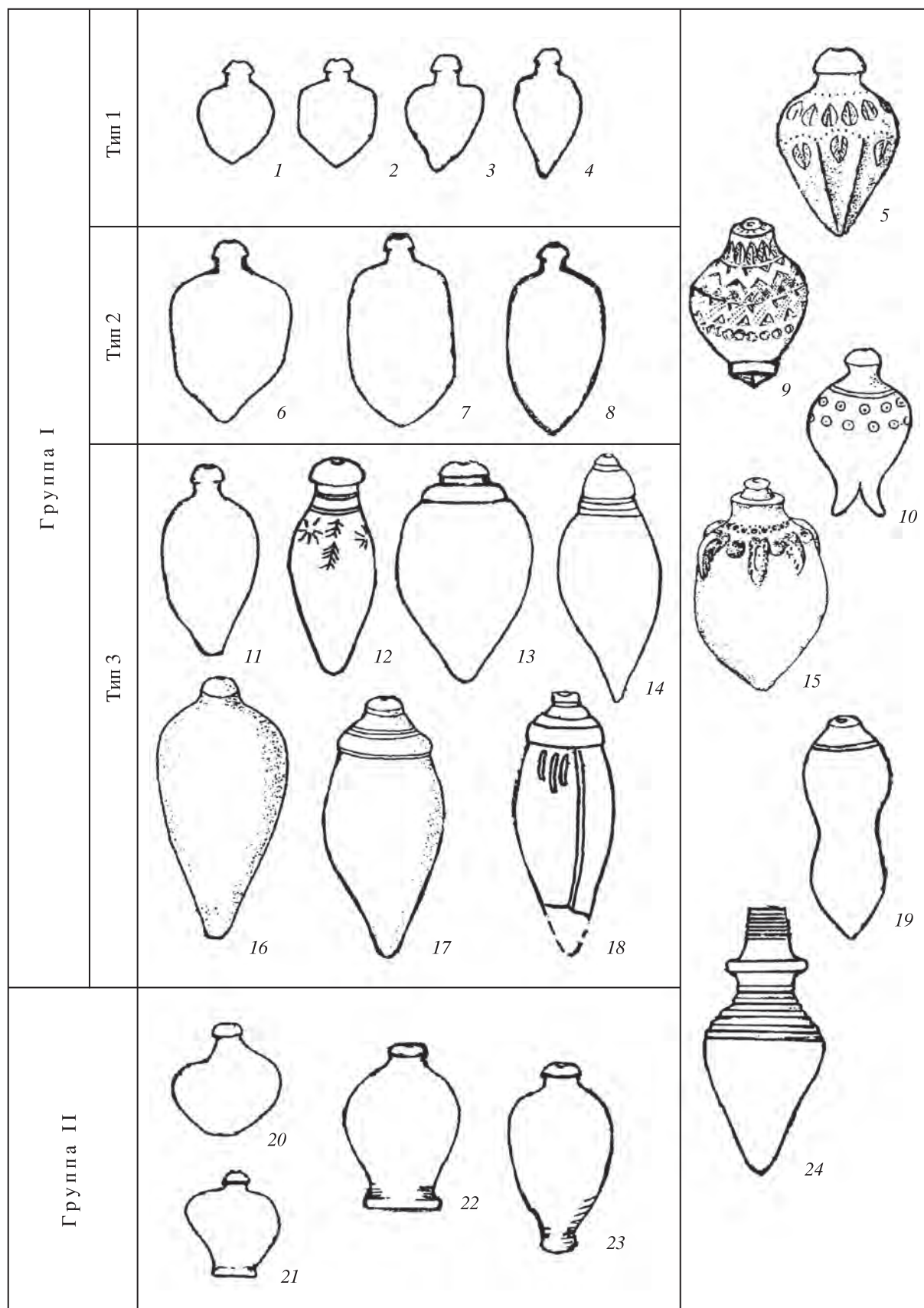

Рис. 2. Классификация форм сфероконических сосудов Средней Азии.

морфологическим отличиям тулова и донной части – выделить подтипы и варианты (ниже в цифровых обозначениях первая цифра – группа, вторая – тип, третья – подтип, четвертая – вариант).

Тип 1 составляют сфероконусы со сфероидным туловом, когда максимальный диаметр тулова (Дт) приближается к высоте (Н) от основания горла, равен или несколько более ее (рис. 2, 1–4). Тип 2 представлен сосудами с яйцевидным туловом, когда Дт больше $1/2$ Н (рис. 2, 6–8, 13, 15). Тип 3 представлен сосудами с каплевидным туловом, когда Дт несколько равен или менее $1/2$ Н и имеет сильно оттянутое основание (рис. 2, 11–18).

В подтипы выделены сфероконусы: А – с округлым абрисом тулова (I.1.A) (рис. 2, 1, 3–10, 15), Б – с угловатым абрисом тулова (I.1.B) (рис. 2, 2); В – с туловом с уступом на плечиках (I.1.B) (рис. 2, 13, 14, 17, 18). Морфологическими различиями донной части сфероконусов группы I определяются варианты: а – основание обычное, коническое; б – основание уплощенное, раздвоенное (рис. 2, 10); в – граненая нижняя часть тулова (рис. 2, 5).

Сосуды группы II определены в типы и подтипы по тем же характеристикам, что и сфероконусы первой группы. Однако варианты в группе II иные: г – плоское донце (рис. 2, 20); д – наличие поддона (рис. 2, 21, 22); е – высокая ножка (рис. 2, 23; 3, 3); ж – призматическое основание (рис. 2, 9).

В особый вид выделены разнообразие формы горла и венчика (рис. 4, 11–17): а – массивный “манжетовидный” венчик и узкое горло (рис. 4, 14); б – уступчатое широкое массивное горло (рис. 4, 11); в – венчик-валик, выделенный желобком на высоком горле (рис. 4, 12); г – 2-3-валиковое горло (рис. 4, 15–17); д – широкое, высокое горло с уступом и двухчастным венчиком (рис. 4, 13).

Группа I. Сосуды типа I.2 повсеместно встречаются с X до середины XV в. в керамических материалах Средней Азии и Казахстана (Кожемяко, 1963. С. 145–159; Брусенко, Галиева, 1982. С. 124–136). В то же время известны единичные находки ранних сфероконусов I.1.A.a (рис. 2, 1) в слоях IX–X вв. на Афрасиабе и в Ходженте (Шишкина, 1986. С. 27; Марафиев, Москаленко, 1987. С. 301).

Группа I, тип 1. Дальнейшее развитие ранних форм сфероконических сосудов (I.1.A.a) хорошо прослеживается в керамических комплексах жилого и ремесленного кварталов X – начала XI в. на городище Канка, где наряду с ранними сфероконическими формами появляются сосуды с вытянутыми пропорциями тулова (ср. рис. 2, 1, 2 и 11, 12). Здесь было обнаружено около 500 фрагментированных и более 100 целых сфероконусов (Брусенко,

Галиева, 1979. С. 93–110; 1982. С. 124–136; Брусенко, 1986. С. 33). Причем из 110 целых сосудов 85 составляют сфероконусы 1-го и 2-го типов группы I (рис. 2, 1–3, 6–8).

Сфероконусы типа I.1.A.a в XI–XII вв. находят широкое применение в соседних с Чачем регионах. Так, на городище Отрар в ходе раскопок бань XI–XII вв. была собрана коллекция сфероконических сосудов (Байпаков, 1986. С. 143, 144). К.М. Байпаков установил, что в этом комплексе сфероконусы со сферическим туловом (I.1.A-Б.a) встречаются почти в 5 раз чаще, чем сосуды с удлинённым яйцевидным туловом (I.2.A.a) и в 14 раз чаще, чем сфероконусы с удлинённым цилиндрическим корпусом (I.2.A.в). Учитывая выводы автора о влиянии Чача на отрарскую керамику, вполне допустимо, что в X–XI вв. в Средней Азии ведущей формой сфероконусов были сосуды группы I, тип 1, подтипы А–Б, вариант “а” (рис. 2, 1, 2), названные нами “классическим типом” (I.1.A-Б.a) (Байпаков, 1986. С. 143). К такому же заключению пришел А.Х. Халиков, изучая сфероконусы Биляра, которые он отнес к “классической форме”, аналогично среднеазиатским группы I, тип 1 (1986. С. 76, 77. Рис. 1, 1–3).

Сфероконические сосуды классического типа пользовались широкой популярностью и массово производились на протяжении длительного хронологического диапазона во многих регионах Средней Азии и Казахстана (рис. 2, 1–3). К этому типу можно отнести и сфероконусы Поволжья (Биляр, Булгар, Большая Толба, Хулаш и др.), основные признаки которых – красно-коричневый цвет черепка, массивное широкое и прямое горло с едва выраженным бортиком венчика, округлое тулово с коническим дном (Хованская, 1954. С. 344, 363. Табл. 16; Михальченко, 1974. С. 47, 48; Хлебникова, 1988. С. 93). Широкое использование сфероконусов классического типа отражает географию торговых связей средневековых государств Евразии.

Среди классических сфероконических сосудов группы I известны единичные экземпляры с неординарно оформленной преддонной и донной частью. Так, у сфероидных сосудов (рис. 2, 10), обнаруженных на городищах Афрасиаб и Ахсикет, основание в форме рыбьего хвоста (см. Джанполадян, 1982. С. 14. Табл. IV; XIX, 8); у сфероконуса с Канки основание в виде шестигранной пирамиды (рис. 2, 5); у сосуда с Бозсу (рис. 2, 9) в основании призма (I.1.A.ж) (Букинич, 1938. С. 57. Рис. 4, 5).

Группа I, тип 2. Анализ четко датированного комплекса сфероконусов X – начала XI в. с городища Канка показал, что здесь одновременно с классическим типом использовались сосуды группы I,

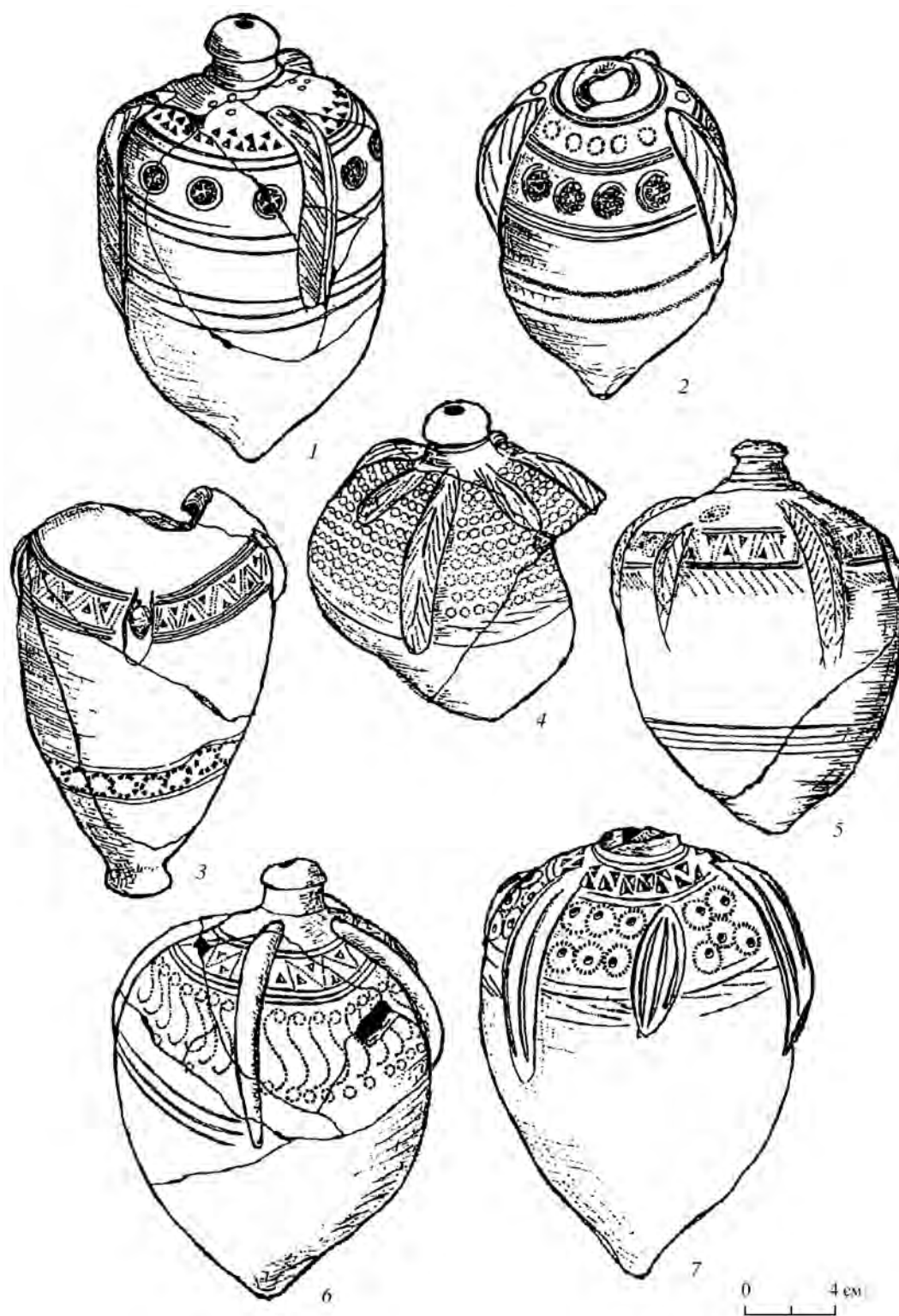

Рис. 3. Сфероконические сосуды Афрасиаба: виды налепов.

тип 2. Это сосуды со сфероидной, цилиндрической или яйцевидной формой тулова (подтипы А и Б с вариантами), но больших размеров (рис. 3). На городище Афрасиаб в бадрабе XII – начала XIII в.

сфероконусы 2-го типа составляют более 80% от общего числа находок. В XII – начале XIII в. спросом в Согде, Чаче и Хорезме пользовались сфероконусы (рис. 2, 6–8, 13, 15; 3, 1, 2, 4–7) большой емкости

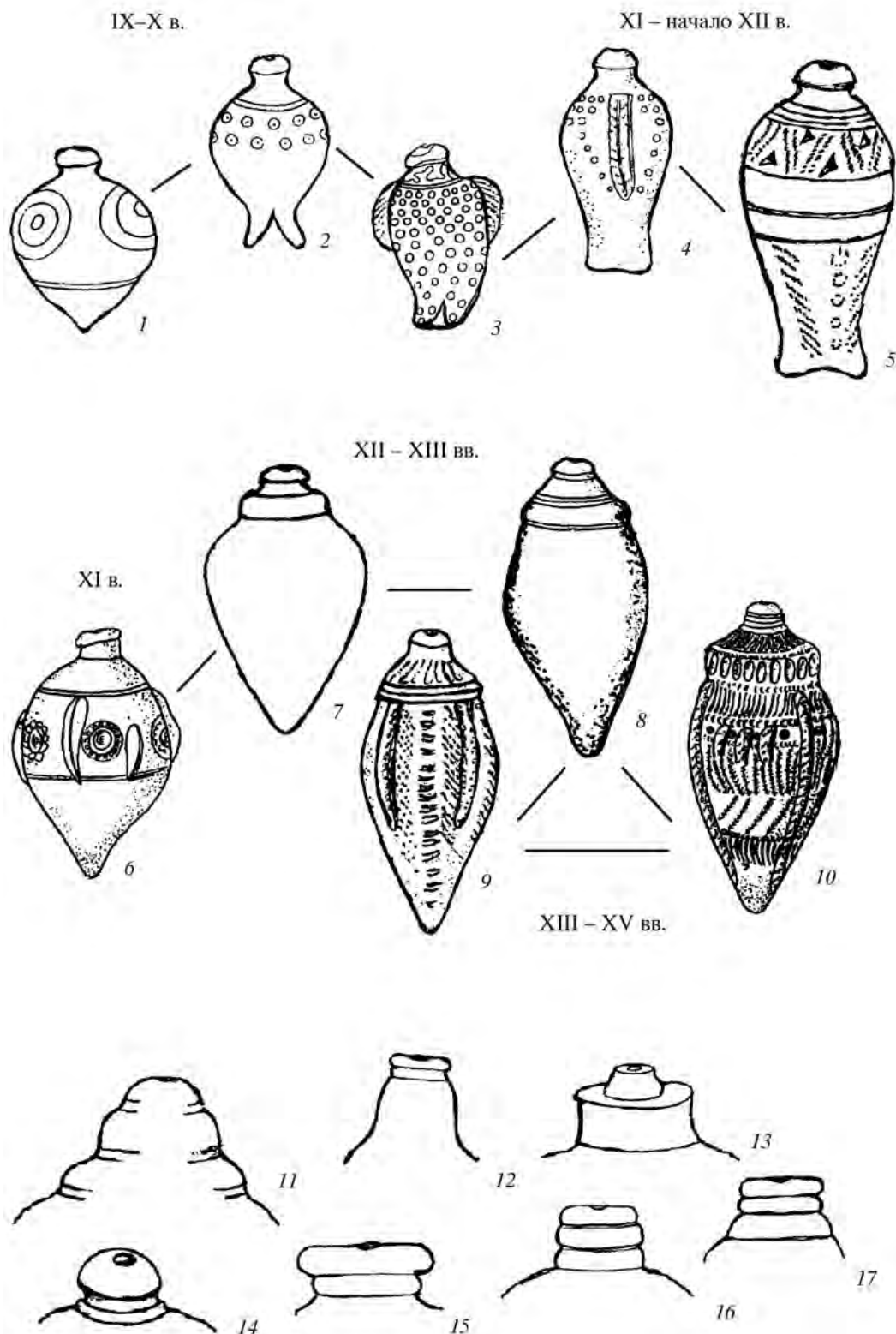

Рис. 4. Эволюция форм сфероконических сосудов.

(Вактурская, 1959. С. 313; Брусенко, Галиева, 1982. С. 124-136).

К типу 2 относится сфероконус (рис. 2, 15) с редкой формой венчика (I.2.A.a.d), обнаруженный в Ка-

захстане на городище Сарайчик, датируемом XII-XIV вв. Это сосуд с цилиндроконической формой тулова, горло широким уступом переходит в на-
вершние с биконическим валиком венчика; плечики

богато украшены штампованным орнаментом и чередующимися овальными и небольшими округлыми налестями (Галиева, 2000б. С. 54).

Группа I, тип 3. Материалы исследований памятников Мианкальского Согда, Чуйской долины, городищ Афрасиаб, Куня-Ургенч, Замахшар, Мерв показывают, что в XI – начале XII в. появляются сфероконусы I.3.A.a с вытянутой каплевидной формой тулова (H – 12–14 см; Дт – 7.7–8) и сильно оттянутым основанием (рис. 2, 11–13) (Бернштам, 1952. С. 161; Вактурская, 1959. С. 313; Лунина, 1962. С. 359; Альбаум, 1969. С. 260; Пугаченкова, 1989. С. 166–175).

На городище Иштыхан была собрана коллекция сфероконусов из разновременного подъемного материала X–XIII вв., в которой хорошо прослеживаются локальные особенности и изменение на протяжении нескольких веков формы сосудов 3-го типа. Используя данные стратиграфически датированных керамических комплексов с городищ Самаркандской и Кашкадарьинской областей, удалось выстроить сфероконические сосуды Согда в единый типологический ряд (Ташходжаев, 1960. С. 191–194; Немцева, 1969. С. 194–201; Лунина, 1978. С. 127–130). Благодаря комплексу сфероконусов с Иштыхана прослежены процессы трансформации элементов формы: тулова – от полусферической в каплевидную; основания – от едва выраженного конусовидного до удлиненного вытянутого; плечиков – от пологих в сложные уступчатые (Пугаченкова, 1989. С. 172. Рис. 85).

На городище Карабулак в Юго-Западной Фергане в слоях последнего периода обживания зданий XII в. были обнаружены сфероконусы, среди которых многочисленную группу составляли сосуды классического типа (I.1.A.a), и только два сосуда, по мнению Г.А. Брыкиной, отличались вытянутой каплевидной формой тулова (I.3.A.a) (1974. С. 69. Рис. 43). По всей видимости, в XI–XII вв. в Фергане, как и в Ташкентском регионе, преобладало производство сфероконусов классического типа, а сосуды единичной формы, скорее всего, были привозными, в данном случае – согдийскими.

В материалах XII–XIII вв. с городищ Хорезма (Замахшар, Куня-Ургенч), Согда (Афрасиаб, Алтынтепе, Иштыхан, Кара-Курум и др.), Хорасана (Мерв, Военган, Шехр-Ислам) среди обычных типов сфероконусов многочисленную группу составляют сосуды с едва выраженным валиком венчика, пологими плечиками (рис. 2, 16) или уступом на плечиках (рис. 2, 13, 17) (Вактурская, 1959. С. 313; Лунина, 1962. С. 359; Альбаум, 1969. С. 260; Кдырнязов, 1989. С. 89; Пугаченкова, 1989. С. 166–175). Таким образом, в XII–XIII вв. происходит дальнейшая

эволюция сфероконусов 3-го типа группы I (I.3.A.a): преобладает вытянутая каплевидная форма тулова, сужается горловина, валик венчика едва выражен, плечики становятся пологими или уступчатыми (I.1.B).

Сфероконус из подъемного материала, найденный в 1959 г. в Левобережном Хорезме, не имеет аналогий, но по близким морфологическим признакам формы тулова его можно отнести к третьему типу (рис. 2, 24). Это глазурованный сосуд зеленого цвета (I.3.A.a) с необычно широким горлом (Дм – 2 см) без венчика, с массивным горизонтальным ребром над плечиками, с ребристой поверхностью и лепным дном.

В XIII–XIV вв. характерные признаки формы сфероконусов 3-го типа – уступчатые или многоступенчатые плечики при каплевидной форме тулова; валик венчика часто сглажен и переходит в цилиндрическое или горизонтально-ребристое горло (I.3.A.a; I.3.B.a) (рис. 2, 14, 17, 18). В Согде, Хорезме и Мерве сфероконусы этого типа встречаются чаще, чем в Чаче, Фергане и Казахстане, где в это время преобладают классические сфероконические сосуды (I.1.A.a) и емкие сосуды 2-го типа (I.2.A.a), в том числе плоскодонные (II.1.A.g.d.j) (Букинич, 1938. С. 54–56; Абдуллаев, 1974. С. 83–92). В XIII–XIV вв. сфероконусы I.3.B.a становятся излюбленной формой согдийских и хорезмских гончаров. Сосуды изящны, их особое украшение – ребристое горло и уступчатые плечики, часто орнаментированные разнообразными узорами (рис. 2, 14, 17, 18; 4, 9, 10) (Вактурская, 1959. С. 313; Ташходжаев, 1960. С. 191–194; Кдырнязов, 1989. С. 89; Пугаченкова, 1989. С. 172).

Группа II представлена плоскодонными сфероконическими сосудами, относящимися к редко встречающимся в культурных слоях и археологических комплексах X–XIII вв. видов сфероконусов (Букинич, 1938. С. 57, 58; Генс, 1969. С. 273; Брусенко, Галиева, 1982. С. 124–136).

Однотипны по своим характерным признакам плоскодонные сфероконусы II.1.A.d и II.2.A.d X–XI вв. с Бозсу и Канки (Букинич, 1938. С. 56. Рис. 2; Галиева, 2000а. С. 11–13). Встречаются сосуды (II.1.A.g) с небольшим плоским дном со следами шлифовки в результате вторичной обработки (рис. 2, 20), с монолитным невысоким дном или на кольцевых поддонах (II.1.A.d, II.2.A.d), аналогичных поддонам обычных кувшинов и чаш (рис. 2, 21, 22). Сфероконус на кольцевом поддоне, неординарно полностью, включая поддон, украшенный гребенчатым орнаментом, справедливо отнесен Д.Д. Букиничем к “редкому” типу (1938. С. 56). Прямые аналогии орнаментированным поддонам сфероконических сосудов с Бозсу встречаются там же в Ташкентской области (Чаче) на городище Канка (Брусенко, Га-

лиева, 1982. С. 124–136). У сосуда из Куны-Ургенча вместо конуса массивный кольцевой поддон (П.3.д) (Фонд развитого средневековья ОИМК и ДИ ГМВ, инв. № 20862 кп). В слоях XII–XIII вв. на Афрасиабе найден емкий сфероконус П.2.А.е с непропорционально маленькой для такого типа неустойчивой высокой ножкой (рис. 3, 3).

Эволюция форм керамических сфероконусов Средней Азии и Казахстана на протяжении IX–XV вв. была характерна и для стеклянных сфероконических сосудов (Алпаткина, Газизова, 2010. С. 188. Рис. 2–4). Как показали исследования, классификация стеклянных сфероконусов VII–XIV вв. из Египта, Ирана, Закавказья, Средней Азии и Поволжья близка классификации керамических сфероконусов Средней Азии (Галиева, 2000б. С. 53–57. Рис. 1, 2; Алпаткина, 2011. Рис. 1).

В целом нужно отметить, что сфероконические сосуды Средней Азии эволюционировали на протяжении следующих четырех этапов.

IX–XI вв. Формируется классический тип сфероконусов (тип 1). Это один из самых распространенных типов, широко используемый в регионах Средней Азии вплоть до XV в. (рис. 2, 1–3; 4, 1). В это же время начинают появляться сфероконусы 2-го типа, которые во всем (за исключением размеров) дублировали сосуды 1-го типа и широко использовались в XI–XII вв. (рис. 2, 6–8).

XI–XII вв. Зарождение новой каплевидной формы сфероконических сосудов 3-го типа (рис. 2, 11, 16; 4, 4–6).

XII–XIII вв. Преобладает каплевидная форма тулова (тип 3), сужается горловина, валик венчика едва выражен, плечики становятся пологими или уступчатыми (рис. 2, 14, 16, 17; 4, 7, 8). В орнаментации – новая форма налепов в виде разнообразных валиков (рис. 3).

XIII–XV вв. Ведущим признаком сфероконусов типа 3 становятся уступчатые или многоступенчатые плечики; в декоре доминируют новой формы узкие и уплощенные, вытянутые вдоль корпуса налепы с тисненым орнаментом (рис. 4, 9, 10).

Основная масса сфероконусов украшалась простыми и сложными орнаментальными композициями с использованием различных технических приемов: процарапывание, наколка, резка, срезы, пальцевые вдавления, штамповка, налепы. Самыми распространенными были процарапанный и гребенчатый узоры, наносившиеся с помощью острых предметов (острие ножа, заостренная палочка) и зубчатой (гребенчатой) палочки.

Процарапанный орнамент использовали в композициях, где было от одной до нескольких рядов горизонтальных линий, и в сложных растительно-геометрических орнаментах. Так же, как и разнообразные варианты гребенчатого орнамента, наклонные пунктирные линии и линии в виде “елочки” украшали тулово и иногда дно сфероконусов (рис. 5, 12–16).

Сложноструктурные орнаменты выполнены в разной технике: наколы гребенчатой палочки, врезаемые углубленные и рельефные штампованные узоры, полосы из пальцевых вдавлений и налепы-валики (рис. 3; 5, 15, 16, 21).

В технологии нанесения штампованного орнамента применялись простые инструменты и матрицы (*колыбы*) со сложным орнаментом. Простейшим и часто используемым для оттиска инструментом были трубочки разных диаметров (от 0,3 до 1 см), а также трубки с зубчатым краем. Из штампованных колец и полуколец составлены разнообразные узоры: они нанесены хаотично по плечикам и тулову или включены в другие композиции (рис. 3, 2, 4; 5, 15, 17–19). Встречаются варианты круглого штампа с растительно-геометрическим орнаментом (рис. 5, 6).

К редким видам штампа относится миндалевидный лист рельефной структуры (рис. 2, 5; 5, 20). В материалах жилого и ремесленного кварталов X–XI вв. на Афрасиабе из массы серо-зеленых сфероконических сосудов выделяется лощеный сфероконус черного цвета с придонной частью в виде шестигранной пирамиды. Орнаментальным поясом из оттисков листьев украшены его плечики тулова и каждая грань (рис. 2, 5). Несмотря на то что подобный вид орнамента встречается на сфероконусах нечасто, в орнаментации керамики в целом он распространен с древнейших времен. Истоки мотива “миндалевидного листа” уходят в греческие традиции (Галиева, 2000б. С. 55). В средние века (начиная с IX в.) керамику украшают узоры с вариантами этого орнамента. Так, среди находок из гончарной печи IX в. в рабаде Канки есть краснолощенный двуручный сосуд, украшенный колосьями из миндалевидных листьев (Тихонин, 1986. С. 197–201; Буряков, 2000. Рис. 1, б). В ГМВ хранится сфероконический сосуд, относящийся к 3-му типу первой группы, датируемый XIII–XIV вв. Его уступчатые плечики и каплевидное тулово орнаментированы горизонтальными и вертикальными ветками, составленными из штампованных миндалевидных листьев. Аналогичной формы сосуды известны в Египте в X–XI вв. (Fehérvári, 2000. P. 211. № 276).

На сфероконических сосудах своеобразие и парадность орнаментальных композиций создавали налепы-валики.

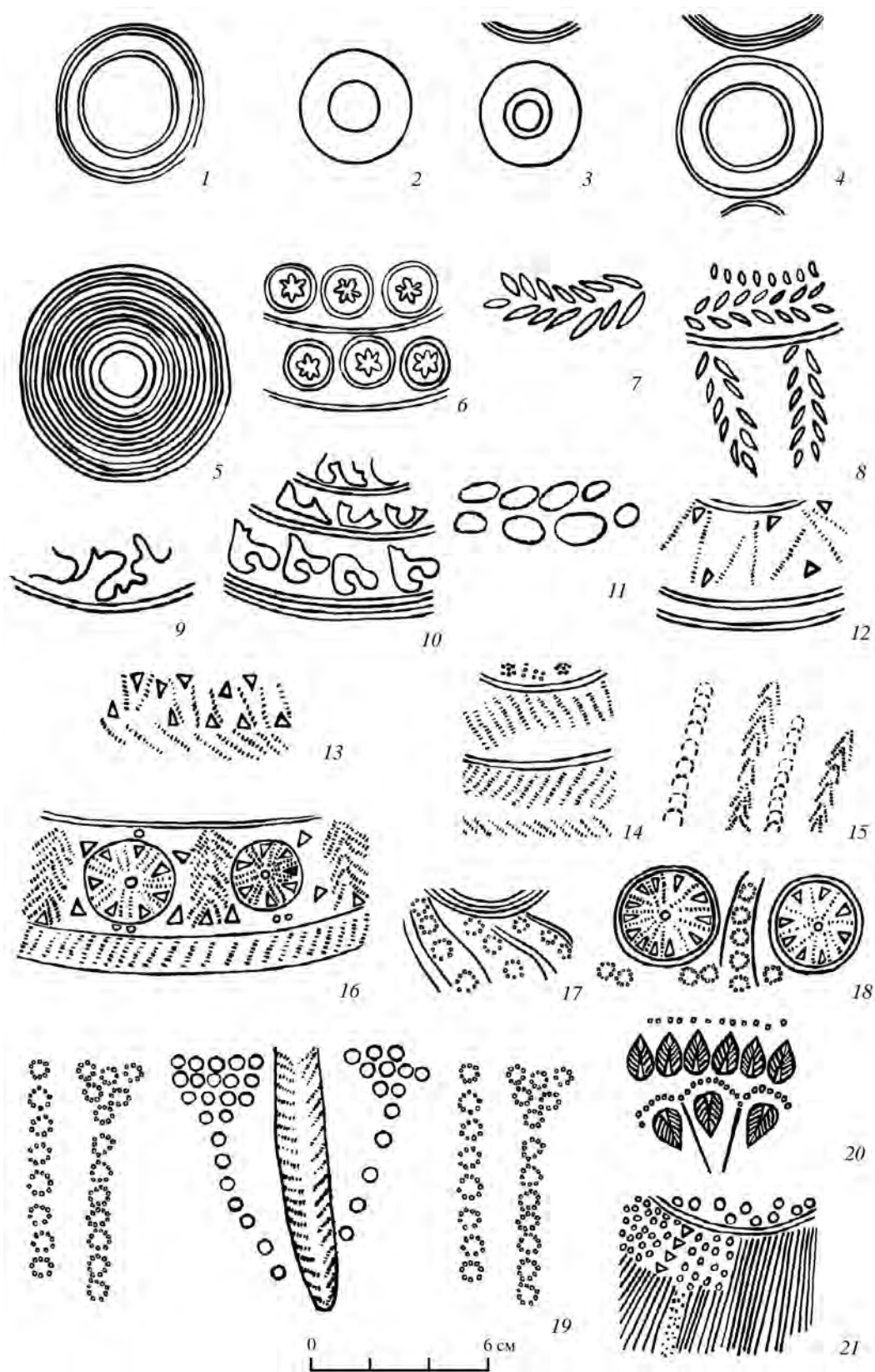

Рис. 5. Наиболее распространенные виды орнамента сфероконусов Средней Азии.

Налепы как элемент узора сфероконических сосудов появляются в Средней Азии с конца X в.: в Ташкентской области с X – начала XI, в Самаркандской – с XI, в Туркмении и Хорезме, Казахстане и Чуйской долине – с XII–XIII вв. (Агеева, 1949. С. 117; 1951. С. 105; Вактурская, 1959. С. 313–315; Лунина, 1962. С. 359–366; Немцева, 1969. С. 194–201; Атагарриев, 1974. С. 90–97; Брусенко, Галиева, 1979. С. 93–109; 1982. С. 124–136).

Несмотря на различие в форме налепов-валиков, техника их изготовления в разные хронологические периоды неизменна: это ручная лепка, часто с подправкой подсобными инструментами. В Поволжье известно использование средневековыми гончарами трехчастных матриц, в которых удлиненной формы валики делят орнаментальную композицию на сектора (матрица из Сарая Берке в экспозиции Гос. Эрмитажа). Таким образом, в изготовлении сосудов с налепами существовали различные региональные технологические приемы: лепка и штамповка.

Форма среднеазиатских налепов самая разнообразная, однако по внешним признакам их можно разделить на два варианта: широкие и узкие. Широкие налепы – листовидные утолщенные, с продольной гранью; массивные овальные, подтреугольные в сечении (рис. 3; 4, 3, 4, 6; 5, 19). Узкие налепы – овальные и уплощенные (длинные и короткие); подпрямоугольные в сечении, уплощенные или длинные с выделенным ребром (рис. 2, 18; рис. 4, 9, 10). В большинстве случаев налепы крепились вертикально на плечиках либо на тулове и плечиках, и только на сосуде из бозсуйского комплекса утолщенные валики, украшенные гребенчатым орнаментом, посажены горизонтально в верхней части тулова (Букинич, 1938. С. 57).

В декоре сфероконических сосудов в зависимости от композиции использовалось от 2 до 12 валиков, составленных из одинаковых и разнотипных налепов-валиков. В большинстве случаев они делят сферу тулова на три или четыре, реже на два сегмента, внося в легкость узора определенную монументальность.

Сфероконические сосуды из бадраба XII – начала XIII в. на цитадели Афрасиаба демонстрируют творческую фантазию согдийских гончаров в вариациях использования в орнаменте налепов (рис. 3). Комплекс представлен сфероконусами больших объемов (I.2), в орнаментации которых преобладают листовидные широкие (длинные и короткие) утолщенные с продольным ребром валики (рис. 3, 1, 2, 4, 5, 7). Изучение декора афрасиабских сфероконусов раскрывает простые и сложные композиции, в которых налепами-валиками изображены как бы рельефные лепестки розеток. Особенно выразительны два сосуда, у кото-

рых чередующиеся короткие и длинные листовидные налепы, прикрепленные ближе к горлу, на пестром фоне узора составляют шестилепестковый цветок (рис. 3, 4, 7).

Сфероконусы 3-го типа первой группы XII–XIV вв. из Согда, Хорезма, Мерва украшены иными видами валиков – узкими, длинными и уплощенными, в большинстве случаев прикрепленными вертикально по всей высоте тулова. В отличие от описанных выше налепов они изящно и легко вписываются в разнохарактерные орнаментальные сюжеты (рис. 4, 9, 10) (Бернштам, 1952. С. 161; Лунина, 1962. С. 359–366; Атагарриев, 1974. С. 95, 96; Вактурская, 1959. С. 315. Табл. 36).

Анализируя в хронологической последовательности орнаментированные налепами-валиками сфероконусы, происходящие из хорошо датированных комплексов, можно сделать вывод, что форма этого вида орнамента менялась на протяжении трех этапов.

На 1-м этапе с X – начала XI в. (по материалам Канки) в декоре сфероконусов начинают использовать налепы-валики. Листовидные, широкие и высокие валики с продольной гранью, часто украшенные гребенчатым орнаментом, в декоре сфероконических сосудов типа I.1.2–3 использовались вплоть до XIV в. (рис. 4, 3). На 2-м этапе в XII–XIII вв. вместе с изменением формы сфероконусов (I.3.A.a) появляются узкие, уплощенные и длинные, вытянутые вдоль корпуса сосуда налепы-валики (рис. 3, 6). На 3-м этапе этот тип длинных валиков, украшенных тисненым орнаментом, в XIII–XV вв. доминирует в декоре сфероконусов Согда, Хорезма, Хорасана (рис. 4, 9, 10).

Вопрос о происхождении лепного орнамента на сфероконических сосудах представляется довольно сложным. На сфероконусе из Ирана VII–VIII вв. между концентрическими кругами разных диаметров на тулове и плечиках расположены короткие уплощенные овальные налепы-валики с изображением лица (Fehérvári, 2000. P. 209. № 272). Уникальность этого сфероконического сосуда по сравнению со среднеазиатскими заключается не только в датировке, но и в антропоморфном сюжете налеча-валика.

В качестве одной из гипотез происхождения налепов-валиков в Средней Азии можно предположить, что гончары использовали зооморфные сюжеты. Так, например, у сфероконуса из Ахсикета тулово вылеплено в форме рыбы с двумя высокими утолщенными налечами-плавниками. Структура плавников изображена наклонными пунктирными линиями гребенчатого орнамента. По-видимому,

ранние налепы-валики, еще сохранявшие смысловую нагрузку, были утолщенными и широкими, с продольным ребром (рис. 3, 3). Возможно, в дальнейшем утрачивается связь с зооморфным сюжетом изображения и налепы-валики становятся лишь орнаментальным элементом (рис. 4, 2, 3, 6, 9, 10).

Лепной орнамент в виде валиков на сфероконусах был популярен не только в Средней Азии. Аналогичными налепами украшены бракованные экземпляры, найденные в Азербайджане на городище Орен-Кала в гончарных печах XII–XIII вв. Исследуя этот комплекс, Г.М. Ахмедов пришел к выводу, что сфероконусы появились в регионе в XII–XIII вв., т.е. на два века позднее среднеазиатских (Ахмедов, 1959. С. 222. Табл. XIV. Рис. 8; 1983. С. 11–14). Возможно, орнаментальные налепы, распространенные в Средней Азии с X – начала XI в., были заимствованы закавказскими гончарами.

Исследования динамики эволюции формы налепов-валиков показали, что этот вид орнамента можно использовать в качестве датирующего признака.

Одним из вариантов украшения сфероконических сосудов было покрытие их глазурью. В Согде, Хорезме и Хорасане начиная с XII–XIII вв. появляются сфероконусы, покрытые зеленой, коричневой, голубой и бирюзовой глазурью (Вактурская, 1959. С. 315; Лунина, 1962. С. 360; Шишкина, 1986. С. 27).

Морфологические характеристики сфероконических сосудов в некоторой степени объясняют вопросы их создания и назначения. Сферическая форма, толстые прочные стенки, массивный венчик и узкое отверстие горлышка свидетельствуют о том, что сосуд был приспособлен для хранения и удобной транспортировки ценного содержимого, а орнаментация должна была удовлетворять эстетическим требованиям потребителей.

Археологические материалы в какой-то степени дополняют данные письменных источников (Галиева, 2000б. С. 54–57): так, Тифлиси в своем трактате “Описание технологий” второй половины XII в. подробно описывает не только рецепты химико-технологического производства, но и виды химической посуды и правила их использования. Например, массивный глазурованный сосуд в виде лимона (туранджи) с узким горлышком, применявшийся в металлургии для получения золота и серебра, автор рекомендует использовать для приготовления киновари, закупорив и поставив на длительное время сосуд на огонь. Киноварь использовалась как сырье для получения ртути, которая широко применялась в средние века в ювелирном деле, при изготовлении малярных красок,

в фармакологии – в качестве важного компонента лекарственных препаратов.

О том, что именно в сфероконических сосудах перевозилась и хранилась ртуть, свидетельствуют не только письменные источники. Известны находки сфероконусов с ртутью (Марафиев, Москаленко, 1987. С. 301), кроме того, большое количество сосудов было обнаружено в местах перегонки ртути из киновари (Массон, 1953. С. 29). Косвенно на связь сфероконусов с ртутью указывает принятое среди местного населения их название “симоб-кузача” (кувшинчик для серебряной воды). Спрос на ртуть был высоким, что привело к поиску месторождений киновари, ее добыче и перевозке. Исследования месторождений киновари в Средней Азии, описанных у Истахри, Абул Касима ибн Хаукаля, Макдиси и Хамдалаха Казвини, подтвердили сведения о больших разработках в Ферганской долине, между Бухарским оазисом и Уструшаной, вдоль переднего массива Заалинского хребта в Хорезмском оазисе.

Местонахождение сфероконусов в помещениях цитаделей, общественных зданий и жилых домов свидетельствует об их многофункциональном назначении. В Самарканде на площади Регистан в ювелирной мастерской XIV–XV вв. обнаружены бронзовые сфероконусы, а у соборной мечети в мастерских металлургов-ювелиров – керамические (Буряков, 1969. С. 81–84; Буряков и др., 1975. С. 93). В окрестностях Безмеина в Туркмении был найден запечатанный “цементным” раствором сфероконический сосуд, в котором оказалась жидкость без примесей ртути (Атагарриев, 1974. С. 96). Абу Сина (Авиценна) в “Каноне врачебной науки” рекомендует лечиться в банях, взяв лекарства и масла в специальных сосудах (1954. С. 196–320), что, в свою очередь, объясняет находки сфероконусов в средневековых банях Самарканда и Отрара (Байпаков, 1986. С. 143, 144; Бурякова, 1986. С. 163).

В целом можно считать, что сфероконические сосуды как показатель высокоразвитого гончарного производства – удачное изобретение средневековых гончаров. Они были специально созданы как удобная и небьющаяся тара для перевозки жидкостей на далекие расстояния (прежде всего в связи с возросшим спросом на ртуть и ее крупными разработками в Средней Азии начиная с X в.), как флаконы для дорогостоящих масел, жидкостей, лекарств, а также как химическая посуда. Обладая универсальными качествами, сфероконусы в X–XV вв. широко использовались в тех отраслях, где была необходимость в подобной керамической продукции: ремесленном производстве, химии, медицине, парфюмерии и в быту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдуллаев К.А.* Квартал керамистов городища Канка // ИМКУ. Вып. 11. Ташкент: Фан, 1974. С. 83–92.
- Абдуллаев К.А.* Археологическое изучение городища Канка // ИМКУ. Вып. 12. Ташкент: Фан, 1975. С. 128–154.
- Агеева Е.И.* Керамика городов поселений среднего течения Сырдарьи и Каратау // Изв. АН Каз. ССР. Алма-Ата, 1949. № 67. Сер. археологическая. Вып. 2. С. 100–118.
- Агеева Е.И.* Керамика Отрара // Изв. АН Каз. ССР. Алма-Ата, 1951. № 108. Сер. археологическая. Вып. 4. С. 98–110.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Ж.В.* Отрар в XIII–XV веках. Алма-Ата: Наука, 1987. 253 с.
- Алтаткина Т.Г.* Место стеклянных сфероконусов из Золотой Орды в общей классификации данного вида ремесленных изделий // Золотоордынская цивилизация / Ред. И.М. Миргалиев. Вып. 4. Казань: Фэн, 2011. С. 238–244.
- Алтаткина Т.Г., Газизова А.Д.* Стеклянные сфероконусы золотоордынского времени из Хорезма: уникальная находка 1956 года // Золотоордынская цивилизация / Ред. И.М. Миргалиев. Вып. 3. Казань: Фэн, 2010. С. 184–194.
- Альбаум Л.И.* О гончарном производстве на Афрасиабе X–XI вв. // Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент: Фан, 1969. С. 256–267.
- Атагарриев Е.* Средневековое городище Шехр-Ислам // Материальная культура Туркменистана. Вып. 1: Неолитические поселения и средневековые города. Ашхабад: Ылым, 1971. С. 136–171.
- Атагарриев Е.* Средневековое керамическое производство Туркменистана // Материальная культура Туркменистана. Вып. 2. Ашхабад: Ылым, 1974. С. 56–108.
- Ахмедов Г.М.* Неполивная керамика Орен-Кала IX–XIII вв. // Тр. Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. 1: 1953–1955 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 67). С. 187–221.
- Ахмедов Г.М.* О среднеазиатских параллелях материальной культуры средневековых городов Азербайджана // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 11–17.
- Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). Алма-Ата: Наука, 1986. 255 с.
- Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952 (МИА; № 26). 348 с.
- Брусенко Л.Г.* Глазурованная керамика Чача IX–XII вв. Ташкент: Фан, 1986. 90 с.
- Брусенко Л.Г., Галиева З.С.* Раскопки в шахристане III // Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент: Фан, 1979. С. 93–109.
- Брусенко Л.Г., Галиева З.С.* Материалы раскопок квартала X – начала XI в. на городище Канка // ИМКУ. Вып. 17. Ташкент: Фан, 1982. С. 124–135.
- Брыкина Г.А.* Карабулак. М.: Наука, 1974. 128 с.
- Букнич Д.Д.* Новые данные о назначении загадочных сфероконических сосудов // Социалистическая наука и техника. № 1. Ташкент, 1938. С. 54–58.
- Бураков Ю.Ф.* Коллекция бронзовых художественных изделий XIV–XV вв. из Самарканда // Общественные науки в Узбекистане. 1969. № 8-9. С. 81–86.
- Бураков Ю.Ф.* Керамическое производство средневекового Чача по материалам Канки и Шахрухии // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Матер., междунар. конф. / Ред. Т.К. Мкртычев. М.; СПб., 2000. С. 33–35.
- Бураков Ю.Ф., Садиев М., Федоров М.Ф.* Соборная мечеть Самарканда XI – начала XIII в. // Афрасиаб. Вып. IV. Ташкент: Фан, 1975. С. 77–99.
- Буракова Э.Ю.* Раскопки бань на территории средневекового Самарканда // ИМКУ. Вып. 20. Ташкент: Фан, 1986. С. 162–172.
- Вактурская Н.Б.* Классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XIV вв.) // Керамика Хорезма. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции; Т. IV). С. 261–342.
- Волков И.В.* Химическая посуда в золотоордынских городах // 125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Донского региона. Ч. 1: Археологические исследования / Ред. С.И. Валиулина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 137–160.
- Галиева З.С.* Сфероконические сосуды Средней Азии // Цивилизация Древнего Хорезма в контексте мировой культуры: Тез. докл. Нукус, 2000а. С. 53–56.
- Галиева З.С.* Сфероконические сосуды Средней Азии: к вопросу о типологии и хронологии // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Матер. междунар. конф. / Ред. Т.К. Мкртычев. М.; СПб., 2000б. С. 53–61.
- Генс Ю.Ф.* Сфероконический сосуд из Термеза // СА. 1969. № 2. С. 271–273.
- Джанполадян Р.М.* Сфероконические сосуды из Двина и Ани. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1982 (Археологические памятники Армении. 12. Средневековые памятники: Вып. IV). 49 с.; 20 л. ил.
- Ибн Сина (Авиценна).* Канон врачебной науки [в 5 кн.]. Кн. 1. Ташкент: Изд-во АН Уз. ССР, 1954. 552 с.
- Кдырнязов М.-Ш.* Материальная культура городов Хорезма в XIII–XIV вв. Нукус: Каракалпакстан, 1989. 175 с.

- Кожемяко П.Н.* Оседлые поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1963. С. 145–224.
- Лунина С.Б.* Гончарное производство в Мерве X – начала XIII в. // Тр. ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад: АН Туркм. ССР, 1962. С. 217–409.
- Лунина С.Б.* Формы специализации в средневековом гончарном ремесле Средней Азии // СА. 1978. № 3. С. 127–130.
- Лунина С.Б.* Города Южного Согда в VIII–XII вв. Ташкент: Фан, 1984. 127 с.
- Марафиев С.Ш., Москаленко Н.А.* К вопросу о назначении симобкузача и генезиса циркульного орнамента // Материальная культура Туркменистана. Вып. 4. Душанбе: АН Тадж. ССР, 1987. С. 299–312.
- Массон М.Е.* К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент: Изд-во АН Уз. ССР, 1953. 75 с.
- Минкевич-Мустафаева Н.В.* Раскопки гончарных печей на городище Орен-Кала // Тр. Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. 1: 1953–1955 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 67). С. 174–185.
- Михальченко С.Е.* Сфероконусы Поволжья // КСИА. 1974. Вып. 140. С. 46–50.
- Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Вост. литература, 2000. 224 с.
- Немцева Н.Б.* Стратиграфия южной окраины Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент: Фан, 1969. С. 153–205.
- Папахристу О.А., Баратова Л.С.* Керамика из стратиграфического раскопа № 9 городища Эски-Ахси // ИМКУ. Вып. 24. Ташкент: Фан, 1990. С. 83–92.
- Пугаченкова Г.А.* Древности Мианкаля. Ташкент: Фан, 1989. 205 с.
- Ртвеладзе Э.В.* Сфероконические сосуды из Маджар // СА. 1974. № 4. С. 280–284.
- Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука, 1972. 219 с.
- Соколов Л.А.* Клинкер и его производство. М.: Тип. гос. архитектурного изд-ва, 1949. 68 с.
- Сычев Н.П.* К вопросу о Булгарских сфероконических сосудах // КСИИМК. 1947. Вып. 14. С. 70–73.
- Таиходжаев Ш.С.* Средневековый керамический комплекс из шурфа у медресе Кукельдаш г. Ташкента // Тр. Ташкентского гос. ун-та. 1960. Вып. 172. С. 190–196.
- Тихонин М. Р.* Новые данные о керамическом производстве в рабаде городища Канка // ИМКУ. Вып. 20. Ташкент: Фан, 1986. С. 120–125.
- Халиков А.Х.* Сфероконические сосуды // Посуда Биляра. Казань: АН СССР; ИЯЛИ, 1986. С. 72–83.
- Хлебникова Т.А.* Неполивленная керамика Болгара // Город Болгар. М.: Наука, 1988. С. 7–102.
- Хованская О.С.* Гончарное дело города Болгара // Тр. Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1954 (МИА; № 42). С. 340–368.
- Шишкина Г.В.* Ремесленная продукция средневекового Согда. Стекло. Керамика. Вторая половина VIII – начало XIII в. Ташкент: Фан, 1986. 195 с.
- Fehérvári G.* Ceramics of the Islamic World in the Tareq Rajab Museum. L.; N.Y.: I.B. Tauris Publications, 2000. 249 p.
- Terres secrètes de Samarcande. Ceramiques du VIII-e au XIII-e siècle.* Paris: Institut du monde arabe, 1993. 128 p.

ЕЩЕ РАЗ О “КАПЕЛЛАХ” ПЕНДЖИКЕНТА И ВЕРХНЕГО ЗЕРАВШАНА

© 2014 г. П.Б. Лурье

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
(pavlslvria@gmail.com)

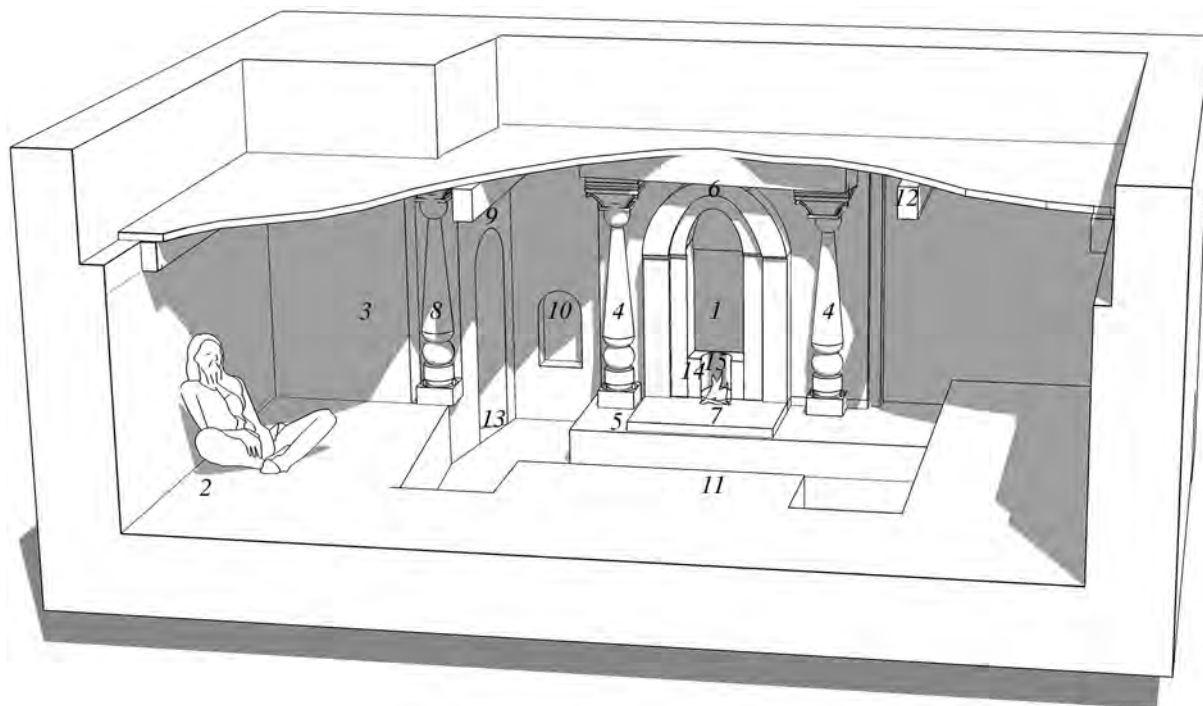
Ключевые слова: Пенджикент, Хисорак, верхняя часть долины Зеравшана, раннее средневековье, архитектура, отопление, очаг, алтарь, поклонение огню, зороастризм.

The so-called chapels are relatively small rooms with decorated fire-niche attached to one wall, sufas (podiums) along three other walls and entrance furnished with tambour wall. Such rooms are often found in residence buildings of early mediaeval period in Panjakent and to the east of it in the mountainous part of Zeravshan valley. There has been a long discussion on their function in scholarly literature. Some specialists think that “chapels” were home sanctuaries related to Zoroastrian fire cult, the others tend towards more secular meaning of living rooms. The article gives description of the “chapels” excavated in the last twenty years in Panjakent and four ones in Hisorak in Matcha. Further, argumentation is given in favour of their function as sleeping rooms in winter. Apart from obvious difference of these rooms from Zoroastrian fire-temples, and their structural relation to today’s winter rooms of highland Tajiks, important indications are dense locations of such rooms within one household, especially in the mountains, and their low roofing, below 1.5 m from the floor. Moreover, these rooms are much more common in the cold mountain land to the east of Panjakent than in Panjakent itself. It is proposed that such rooms in Panjakent were features of families originated from the mountains.

Под “капеллами” в археологии Согда, Пенджикента в первую очередь принято понимать небольшие прямоугольные помещения (обычно около 5–6 × 3–4 м) с декорированной очажной нишей у одной, длинной, стены (рис. 1, 1) и суф у трех других стен (рис. 1, 2) и входом, оформленным тамбурной стенкой у угла длинной стены с нишей (рис. 1, 3). Очажная ниша вырублена в стене или чаще смонтирована в приставной стенке, часто фланкирована колоннами (рис. 1, 4) или декорирована иным способом, под нею может располагаться невысокий подиум (рис. 1, 5), ниша и подиум сильно прокалены. Колонны обычно сделаны из глины поверх деревянного каркаса, приставлены задней стороной к стене и имеют характерный для Согда профиль: трапециевидная база, шарообразное “яблоко” над ним и сужающийся кверху фуст, над которым могла располагаться капитель (сохраняется редко). Ниша замыкается полуциркульным сводом или полукуполом (*конхой*) с одним или двумя обводами (рис. 1, 6). У основания ниши часто расположено дно очага, оно может быть приподнято над полом или ограждено небольшой глинобитной стенкой – *таутак* в терминологии современных таджиков (рис. 1, 7). В горной части долины Зеравшана внизу основной ниши может располагаться полочка (рис. 1, 14), а в ней устроена меньшая ниша, также сильно прока-

ленная (рис. 1, 15), так что очаг оказывался как бы двухуровневым. Ориентация стены с нишей может быть любая. Тамбур выходит в комнату вдоль стены с нишей, часто его угол декорирован полуколонной (рис. 1, 8), а вход в помещение – аркой (рис. 1, 9). В соседстве с очажной нишей в стене может быть другая ниша, необожженная и скромнее украшенная (рис. 1, 10). У трех других стен идет невысокая суфа (рис. 1, 2), шириной более 1 м, она выступает основанием тамбурной стенки, а напротив очага может иметь выступ (рис. 1, 11). Помещения имели чаще всего плоское балочное перекрытие (рис. 1, 12), иногда можно видеть отверстия от балок дымохода над очагом, часто они приподняты над полами других помещений (рис. 1, 13) и, как правило, относятся к парадной части дома в богатых пенджикентских домовладениях. Нередко они обнаруживаются среди помещений второго этажа пенджикентских домов. Стены часто покрашены черной краской, реже покрыты живописью. Иногда они совмещают в себе функции и парадного квадратного помещения. Большинство исследователей интерпретирует такие помещения как домашние “святые места” или что-то в этом рода.

В последние годы раскопками Пенджикентской экспедиции – в самом Пенджикенте и на городище

Рис. 1. “Идеальная” капелла (реконструкция И.О. Гурова на основе пом. 3 цитадели Хисорака, пом. 13 объекта III и пом. 19 объекта XXVI-С Пенджикента). 1 – очажная ниша; 2 – суфа; 3 – тамбурная стенка; 4 – колонны по сторонам очажной ниши; 5 – подиум; 6 – арка ниши; 7 – дно очага; 8 – полуколонна на углу тамбура; 9 – арка тамбура; 10 – ниша в стене; 11 – выступ суфы; 12 – плоское балочное перекрытие; 13 – подъем через тамбур относительно других помещений первого этажа; 14 – полочка внутри очажной ниши; 15 – малая очажная ниша под большой.

Хисорак в Верхней Матче были исследованы четыре помещения такого типа (три доисследованы, одно новое), и в связи с этим решено заново обратиться к вопросу о функциях капелл.

Капеллы с пристенной очажной нишей следует отделять от другого типа помещений, также именуемых иногда “капеллами”. Это квадратные или прямоугольные в плане комнаты с суфами вдоль стен и сильно прокаленным подиумом (квадратной или подковообразной в плане формы) в центре. Такие помещения характерны для археологии Бухарского Согда, Уструшаны, Хорезма, Присырдарьинских областей, Бактрии, однако в Пенджикенте встречаются крайне редко. Это помещение (пом.) 19 пенджикентского “храма I”, которое интерпретируется как святилище огня на II этапе развития храма (Шкода, 2009. С. 27, 99, 100), пом. 71 объекта III в результате перестройки айвана после пожара 722 г. (Большаков, 1964. С. 104) и центральное пом. 37 небольшого позднего домовладения, пристроенного ко второй восточной стене городища на объекте XXVI (Курбанов, Семенов, 2011. С. 9–12).

Тот тип помещений, который изучается в данной статье, характерен для Пенджикента и верхней части долины Зеравшана и уже не раз становился

объектом исследования. Первой их охарактеризовала В.Л. Воронина на примере пом. 13 объекта III, увидевшая в нишевидном фланкированном колоннами очаге “домашний алтарь” и предположившая, что помещение имело “некий специфический отпечаток” (1953. С. 107, 108, 126). В дальнейшем она же исследовала их на большем материале (пом. 13, 88, над пом. 92 объекта III, пом. 18 объекта IX, отчасти пом. 15 объекта IX, пом. 1 и 6 объекта XIV) и охарактеризовала этот тип помещения как “домашнюю молельню” (Воронина, 1964. С. 67–72).

Капеллы Пенджикента и других памятников были освещены в обширном экскурсе, включенном П. Бернардом в отклик на публикации раскопок Дальверзин-тепе (Bernard, 1980. P. 325–330). Он склоняется к тому, что устройство помещений, отличие ниш с очагами от согдийских алтарных подставок, приподнятость помещений над землей указывают на то, что они имели не столько секулярный, сколько практический характер – были зимними жилыми комнатами.

На конференции, проведенной в Государственном музее искусства народов Востока, пенджикентские капеллы стали объектом сразу двух выступлений: Л.Л. Гуревича и В.И. Распоповой. Первый

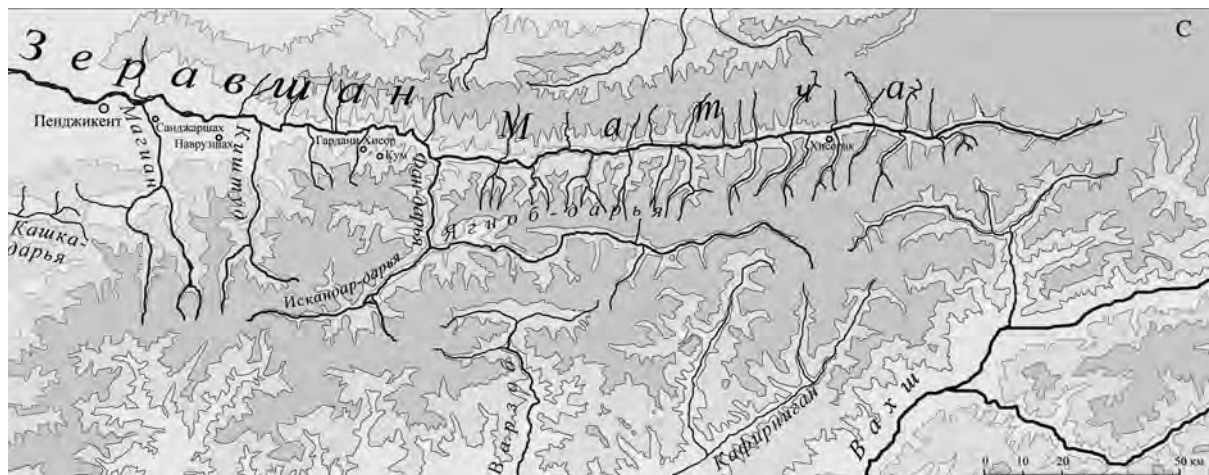

Рис. 2. Верхняя часть долины Зеравшана.

полагает, что капеллы “соединяли в себе функции родового культа предков и домашнего святилища с наиболее длительным, возможно постоянным пламенем” (Гуревич, 1981). Вторая, напротив, приходит к выводу, что “помещения с очагом-алтарем не были специальными молельнями, хотя в них и располагался безусловно почитаемый очаг, не использовавшийся для приготовления пищи. Скорее всего, эти помещения являлись основными жилыми комнатами семьи...” (Распопова, 1981).

В связи с открытием сходного очага в пристенной нише на цитадели Кафыркалы (Вахшской) Б.А. Литвинский и В.С. Соловьев исследовали ряд аналогий, в том числе из Пенджикента, и пришли к выводу, что “каминообразные очаги были бытовыми, а в некоторых случаях – ритуальными. К числу последних относится и кафыркалинский очаг. Такие очаги продолжают бытовать и позднее и доживают в народном жилище до современности” (1985. С. 84).

Доклад Л.Л. Гуревича был развит в одноименную статью, представляющую сейчас наиболее обширное исследование капелл Пенджикента (1990). В.И. Распопова в обобщающем труде о жилищах Пенджикента высказывается осторожнее: «...помещения такого типа нельзя назвать только молельнями, в которых совершался культ огня. Иначе непонятно, почему их в богатом доме две и где могли жить люди в сравнительно бедном доме. Очаг-алтарь был главным почитаемым очагом, у которого собиралась вся семья; он мог иметь и обогревательную функцию. Архитектура самих очагов, росписи в нескольких помещениях с очагами свидетельствуют об их почитании. Поэтому введенный В.Л. Ворониной термин “очаг-алтарь” представляется правильным» (Распопова, 1990. С. 154, 155).

Характерны такие памятники и для верхней части долины Зеравшана (рис. 2). Три таких капеллы были

раскопаны экспедицией Ю. Якубова на селище Гардани Хисор (Мадм, Айнинский р-н), одна в дворце и две в поселении, четыре – на близкорасположенном памятнике Кум (две во дворце, две в селении), две на памятнике Наврузшах выше Пенджикента. Эти материалы были сведены воедино и описаны Ю. Якубовым (1996. С. 11–20; ср. также: 1969; 1988).

Наконец, аналогичное помещение на городище Санджаршах¹ в 15 км к востоку от Пенджикента было интерпретировано как часть культового комплекса, и все строения, имевшие квадратные залы и/или изображения божеств, и/или помещения исследуемого типа, были зачислены исследователями в “храмы огня” (*Feuertempel*), таковых в одном Пенджикенте было насчитано 21 (Gropp, Kurbanov, 2007. S. 114–122).

На городище Хисорак в Верхней Матче было найдено три капеллы. Две из них (на цитадели) были частично открыты Российско-таджикской экспедицией Б.Я. Ставиского и Ю.Я. Якубова в 1998 г. и повторно исследованы в 2010–2011 гг. силами Пенджикентской экспедиции в сотрудничестве с Ю.Я. Якубовыми, третья открыта на шахристане в 2011 г.

За пределами Пенджикента и верховьев Зеравшана² полные аналогии данным капеллам, насколько известно, не найдены. Алтари сходной конструкции

¹ Впрочем, в его планировке имеется ряд отличий: в узком помещении нет тамбура, суфа расположена вдоль одной длинной стены, прокаленная ниша не декорирована (Gropp, Kurbanov, 2007. S. 95) – все это сближает санджаршахский алтарь с бытовыми очагами Пенджикента.

² Регион называют “Горным Согдом”, что не вполне верно. По сведениям арабских и китайских источников, по аналогиям в керамическом комплексе и монументальном декоре, по редким монетным находкам верховья Зеравшана относились не к Согду, а к Уструшане, что предстоит рассмотреть в отдельном исследовании.

есть в Бактрии–Тохаристане, Хорезме, на Средней Сырдарье, в Уструшане, Фергане, Кашгарии, однако они расположены, как правило, в больших залах без трехсторонних суф и тамбуров или в коридорах (для Бактрии, Хорезма, Уструшаны, Восточного Туркестана см. Bernard, 1980. P. 325–330; Литвинский, Седов, 1985. С. 81–85, Гуревич, 1990. С. 72–81 (с литературой); для Средней Сырдарьи – Смагулов (в печати); для Ферганы (Оша) – Аманбаева, Абдуллоев, 2000. С. 9). Даже в соседнем Самарканде “домашние храмы” во многом отличны от пенджикентских, в них нет ни тамбуров, ни суф вдоль трех стен (Ахунбабаев, 1987)³.

К описанным специально в литературе капеллам Пенджикента (пом. 13, 88, 92/объект III; 7/V (?); 7–8/VII (?); 18/IX; 1/XIV (?); 2a/XV; A, 10, 34, 66 (?)/XVI; 3 (?), 4/XXI; 7, 55/XXIII; 13/XXIV; 2 (?), 13 (?)/XXV; 12–16–17 (?)/Ц; 13/К (см. о нем ниже); по каталогу (Распопова, 1990) к ним нужно присоединить 8, 53/XXIII; 9–10, 19, 44–45/XXIV; 19/XXV) добавлены те, которые были раскопаны после 1980-х годов и не могли быть учтены В.И. Распоповой и Л.Л. Гуревичем. Это пом. 98 объекта XXIII (раскопки 1990 г.), где у северной стены сохранился просевший пристроенный очаг помещения II этажа. Ниша сохранилась на высоту 136 см вплоть до шельги, ширина ее – 45 см, от правой колонны остались плинф и “яблоко”, от левой – плинф, заметен сильный прокал (Маршак и др., 1990. Рис. 112–114). Данное помещение относилось к миниатюрному домовладению из трех комнат без следов подъема на второй этаж, и очаг в нише, таким образом, относился к другому, соседнему, домовладению того же квартала.

В пом. 113 объекта XXIII (раскопки 1999 г.) в завале найдены фрагменты ниши и глиняной обмазки деревянной колонны алтаря (МПАЭ, 2000. С. 11, 13. Рис. 16, 17), они упали со второго этажа в это помещение, занятое лавкой.

Помещение 53 объекта XXV (1997 г.) сохранило все атрибуты пенджикентских капелл. Его размеры – 5.35 × 3.45 м, проход с запада вдоль северной стены ограничен тамбурной стенкой, приставленной к краю северной суфы. Суфы (шириной 1.1, высотой 0.4 м) размещены вдоль трех стен, очаг-алтарь пристроен к центру западной стены. От колонн сохранились только базы, высота сохранности пилонов – до 0.8 м, перед нишей расположено невысокое ограждение очага подковообразной формы, стенки и пол очага прокалены. По монете Тургара

II типа, найденной на связанном полу соседнего помещения, пом. 53 с алтарем датируется 740-ми годами (Маршак и др., 1997. С. 16–18. Рис. 130, 223 и сл.). Комплекс пом. 51–53 объекта XXV выходит с запада во двор 23/XXV (= 63/XXIII), центр крупного домовладения, причем к северо-западу от двора расположена капелла 55 объекта XXIII – это второй случай крупного домовладения с двумя капеллами (Маршак и др., 1997. С. 18).

На объекте XXVI-C в 1997 г. было открыто основание очага с нишей – пристроенный к стене пилеястр (высота до 65 см) и колонна, площадка очага. Позднее основание очага было скрыто суфой. Помещение 12 располагалось на втором этаже (над перекрытой сводом улицей) и сохранилось плохо. Его размеры – 3.56 × 2.75 м (Маршак и др., 1997. С. 30. Рис. 312, 358–365).

В 1998 г. на объекте XXVI-C была открыта богатая декорированная капелла хорошей сохранности – пом. 19. Ее размеры – 5.5 × 4.5 м, ориентирована по линии С–Ю, ниша расположена по центру длинной восточной стены, северный торец которой служит щекой прохода на восток вдоль северной стены. Проход укреплен тамбурной стенкой, отходящей от северной стены, к которой с запада пристроена суфа шириной около 1.7 м, высотой 0.45. В стенах помещения найдены гнезда от деревянных вертикальных стоек, поддерживавших крышу, а на высоте 2.35 м от суфы имеются гнезда от стоящих наклонно балок перекрытия. На полу в проходе найдена монета Тургара (738–750 гг.). Очажная ниша пристроена к стене, и ее южная часть сохранилась практически полностью. Подиум очага (1.2 × 0.7 м) выступал на 0.1 м над полом, пилеястр шириной 0.3 м образовывал полуциркульную арку на высоте 1.2 от основания, причем и внешняя сторона пилона также выступала аркой. К югу от нее располагалась колонна высотой 1.1 м, состоявшая из подквадратной трапецевидной базы, округлого в сечении (и на четверть соединяющимся со стеной и пилоном) фуста и капители в форме чаши и подбалки с волотами. Над нею шла полоса фриза (рис. 3) с пальметтами (МПАЭ, 1999. С. 35–39. Рис. 41–44). Помещение относилось к крупному аристократическому домовладению, включавшему в себя квадратный зал, айван, ряд бытовых и хозяйственных помещений, а также парадные помещения второго этажа, на который вел пандус (сохранились упавшие фрагменты росписей второго этажа). После разделения домовладения на два пом. 19 перешло в бедное небольшое жилище и по верхнему полу совершенно перестроено (ср. также: МПАЭ, 2001. С. 15, 16. Рис. 39).

³ Неясна планировка помещения с нишевидным очагом-алтарем, раскопанного А.И. Тереножкиным на Афрасиабе в 1947 г. (см. Ремпель, 1953. С. 29).

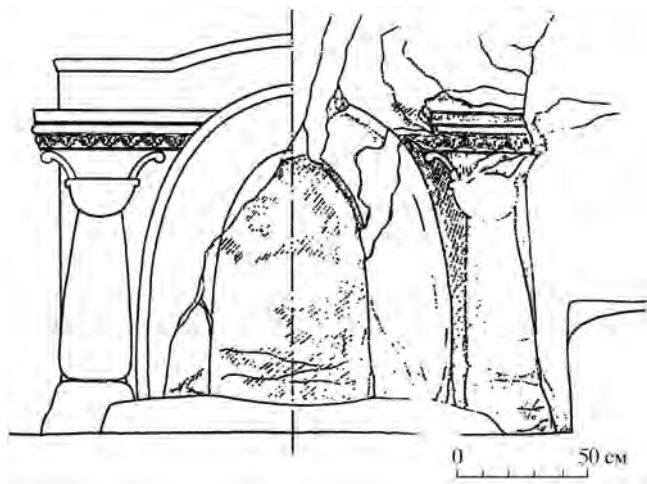

Рис. 3. Очаг-алтарь из пом. 19 объекта XXVI-C. Рис. К.А. Егорова, реконструкция Б.И. Маршака и К.А. Егорова.

В 2010 г. экспедиция возобновила раскопки на площадке к западу от основного холма городища и к северу от цитадели, около источника Кайнар. Раскопки там в 1987–1992 гг. выявили крупное здание с побеленными или покрашенными черным массивными стенами и керамическим материалом V–VI вв., вероятно, дворцом (Маршак и др., 2010. С. 346–353). Одним из раскрытых тогда помещений была капелла, пом. 13 (размерами 5.75 × 3.15 м), тамбурная стенка которой была украшена росписью с изображением сцены охоты, а другие стены были покрыты тремя слоями расписной побеленной штукатурки. Два нижних слоя имели нижний кант и поле, разделенное на квадраты со стороной в 1 локоть (около 38–46 см), в которых в шахматном порядке располагались изображения двух и трех тюльпанов с маками под ними. Хотя заказ нижнего и среднего слоев был один и тот же, в решении художников видна масса отличий. Верхний слой оставался преимущественно пустым, на нем неопытной рукой были выведены личины в шлемах (Marshak, Rasporova, 1990). Сцена охоты была снята целиком, а росписи на других стенах – лишь частично. В восточную длинную стену помещения была вмонтирована ниша очага с двумя обводами, перед которым располагался подиум-гаштак, вдоль трех стен шли суфы шириной 1.3 м. Проход был оформлен тамбуром, причем сам проход располагался у западного торца южной стены, и параллельно южной стене к западной была пристроена тамбурная стенка, которая оканчивалась в 1 м от восточной стены – там был проход в основную часть помещения, а южная суфа опиралась на тамбурную стенку.

Главной целью работ в пом. 13 в 2010 и 2011 гг. было снятие оставшихся там росписей, однако по-

путно вносились небольшие уточнения и в планировку помещения. Так, в 1988 г. в полу помещения были расчищены базы от двух столбов около углов подиума очага. Исследователи отмечали, что такая планировка нехарактерна для позднейших капелл, однако допускали, что она могла иметь место в архитектуре VI в. Расчистка нижнего канта росписи раннего слоя между очагом и суфой показала, что изначальный пол должен был располагаться ниже. Действительно, на 15–20 см ниже уровня верхнего пола был найден еще один пол, с которым соотносились штукатурки с росписью и соответствующие им обмазки суфы. В заполнении между полами найдены фрагменты штукатурки со светло-розовой краской. Такая краска характерна для росписей верхнего слоя⁴, так что этот пол соответствует по времени и самой верхней побеленной и расписанной штукатурке. Базы от столбов на данном полу не найдены. Следовательно, столбы появились только при ремонте помещения, когда роспись на стенах уже не подновлялась. В 2011 г. был расчищен пол входа в тамбур из пом. 12 (длинного коридора). Оказалось, что в нем имеется ступенька, поднимающая уровень пола в капелле на 10 см. Таким образом, пол пом. 13 расположен выше, чем в прилегающих помещениях, что характерно для других капелл.

С 2010 г. Пенджикентская экспедиция в сотрудничестве с акад. Ю.Я. Якубовым продолжила исследования городища Хисорак в Верхней Матче (рис. 4). Это городище, расположенное напротив современного Мадрушката (и отождествляемое с владением Мартшкат согдийских документов с горы Муг) было открыто О.И. Смирновой в 1948 г., однако серьезные раскопки этого труднодоступного памятника не проводились вплоть до 1998 г., когда Российско-таджикская экспедиция под руководством Ю.Я. Якубова и Б.Я. Ставиского провела там полевой сезон. На Хисораке, как это часто бывает на памятниках горной части Зеравшанской долины, хорошо сохраняется органический материал: дерево, зерна, ткани, шерсть, солома и пр. Вместе с тем это крупное городище (около 7 га – крупнейшее на Зеравшане выше Пенджикента) с мощными укреплениями, цитаделью, предвратными сооружениями.

Раскопки 1998 г. выявили два помещения исследуемого типа (Ставиский и др., 2000), однако часть находок было невозможно вывезти, и поэтому их

⁴ В 2010 г. в росписи верхнего слоя выявлены профессионально выполненный кант по низу и любительское изображение танцующей девушки (МПАЭ, 2011. С. 31–33. Ил. 85), в 2011 г. был открыт тот же кант и знакомые по прошлым годам личины в шлемах.

Рис. 4. Городище Хисорак. План (снят А.Г. Акуловым). I – цитадель I; II – цитадель II; III – шахристан, усадьба 1. Сечение горизонталей – 0,5 м (городище), 2,5 м (вне городища). Условное обозначение: *a* – временные укрытия позднейшего времени.

Рис. 5. Хисорак, цитадель, пом. 2.

пришлось законсервировать в одной из капелл. В 2010–2011 гг. эти капеллы были полностью заново раскопаны, задокументированы с использованием современной техники, а находки извлечены.

Капеллы – пом. 2 и 3 – располагались в юго-восточной части главного холма цитадели, имели общую стену толщиной около 1,5 м, однако прохода между ними не было. Обе были обращены нишей на восток, проход с тамбуром вел из обеих на север вдоль восточной стены. Суфы высотой 40 см имеют выступ напротив ниши. Колонны расположены не только с двух сторон алтаря (хорошо сохранилась левая колонна в восточном пом. 3), но и у угла тамбура, причем основание колонны в этом случае совпадает по высоте с суфой и эта колонна целиком глинобитная, не имеет деревянного обмотанного травой стержня, как колонна у ниши. Верх ниши пом. 3 полукупольный, в виде конхи, и упавший фрагмент верха ниши пом. 2 тоже указывает на такую форму. Под нишей располагался подиум, который доходил до южной суфы, по его центру перед нишей – еще один выступ меньшего размера. В основание ниши пом. 2 был вмонтирован котел. Ниши приставлены к стене. В пом. 2 проход через тамбур не имеет подъемов или спусков, в пом. 3 тамбур (который сохранился полностью) не разбирали, однако по верху там пусто и видно, что потолок тамбура понижается при выходе из помещения. В пом. 2 тамбурная стенка и ниша были украшены

штампованными изображениями: виноградной лозой и 6-лепестковой розеткой, причем штампы с лозой располагались вертикальными полосами, а с пальметтой – горизонтальными. Поверх они были окрашены красной краской. В северной и западной стенах выбиты ниши (рис. 5).

В пом. 3 хорошо сохранилось деревянное перекрытие. Балки толщиной около 10 см несли на себе тонкие прутья, которые были пучками травы приотнаты к балкам. Выявлены и прогоны, которые шли вдоль стены. К ним были приставлены тонкие доски с резьбой в виде побега. В заполнении помещения были найдены три доски из тополя⁵ (две целые, одна фрагментированная) с изображением розеток в круге из перлов и пальметт по краям, а также угловые доски с орнаментом в виде пальметт и ромбической сетки (рис. 6). Многочисленные аналогии таким доскам имеются в материалах из Пенджикента, Шахристана, Джумалак-тепе в Северной Бактрии, Гардани Хисора. На лицевой стороне досок имеется красная краска. В стенах расчищено горизонтальное углубление, в котором располагались прогоны, над ними – штукатурка второго этажа. В длинных стенах кроме того – по два более глубоких паза от прогонов, пересекавших

⁵ Микроскопический анализ по анатомическим признакам был выполнен канд. биол. наук М.И. Колосовой в отделе научно-технической экспертизы Гос. Эрмитажа. Насколько известно, это первый анализ материала резного дерева Согда.

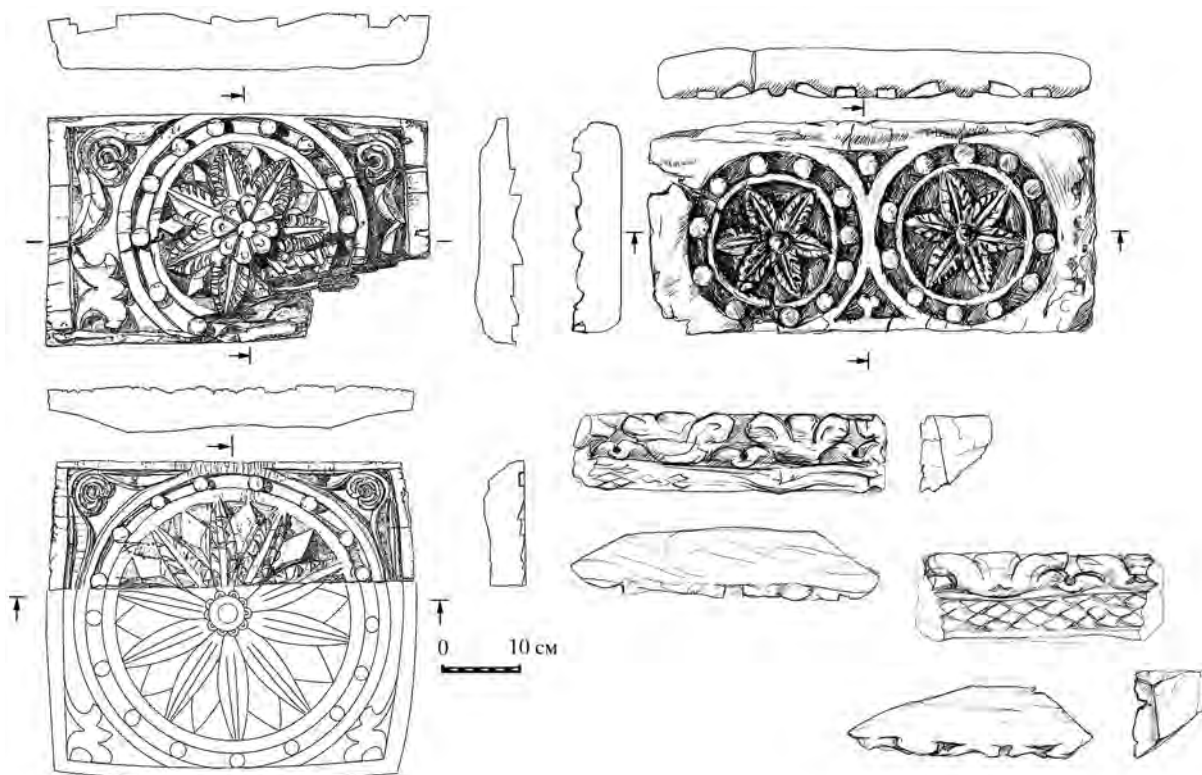

Рис. 6. Хисорак, цитадель, пом. 3. Деревянный декор перекрытия. Рис. А.Ю. Фрунзы (слева), И.О. Гурова (справа).

помещение. Видимо, на последние опирались балки, такой тип перекрытия сохранился до сих пор у таджиков (Мухиддинов, 1982. С. 213. Рис. 1, з).

Третья капелла открыта на шахристане, на невысоком холме, знаменовавшем собою, по-видимому, одну из крупных усадеб города (раскопки 2011 г., начальники объекта Л.О. Смирнова и Ф.Ш. Аминов). Комната размерами 6.2 × 3.45 м вытянута по линии З–В, очаг расположен у южной стены (рис. 7). Тамбур в юго-восточном углу выводил за южную стену, в завале найден фрагмент арки, венчавшей проход в тамбур, сохранилась нижняя часть полуколонны в углу тамбура. Очаг имел колонны с обеих сторон (сохранились лишь гнезда от столбов), пилоны были приставлены к стене, под нишей – подиум. Ниша состоит как бы из двух частей: узкой внизу и крупной над ней. Справа от очага – две ниши в стене, причем одна была заложена, а границы ее оформлены наклепным жгутом с двусторонними “рогами горного козла”. Высота суфы с трех сторон помещения – 30–35 см.

В этом помещении также были найдены гнезда от двух перпендикулярных прогонов. Их основания расположены на высоте всего 0.85 м от верха суфы и 1.15 от пола. Даже при том, что прогоны были высокими (до 0.35 м) и что перекрытие в помещении, возможно, было приподнято по центру

(так что прогоны могли быть в действительности консолями более высокого потолка: на это указывает тот факт, что в некоторых местах штукатурка идет выше, чем верх отверстий от прогонов), разогнуться в таком помещении было невозможно! Немногим выше были и две описанные выше капеллы цитадели: в пом. 2 гнезда прогонов располагались на высоте около 2 м, в пом. 3 – 1.6. В последнем случае сомневаться в наличии плоского перекрытия невозможно – в заполнении сохранился упавший деревянный потолок. Судя по опубликованному рисунку, и капелла во дворце Гардани Хисора имела балку на высоте 1.5 м от основания очага (Якубов, 1977. С. 366).

Приземистость таких помещений, по-видимому, – один из индикаторов их назначения. Сложно себе представить, чтобы религиозные церемонии проходили в таких низких помещениях. Напротив, в условиях редкости и дороговизны топлива низкий потолок отапливаемого помещения позволял экономить тепло. Тамбур создавал дополнительное препятствие для проникновения ветра в помещение, возможно, проход в нем завешивался. Следы порога или дверных коробок на выходе из тамбуров капелл не отмечены. На суфах вдоль стен, расположенных всегда выше основания очага, вся семья спала в условиях суровых зим горной части

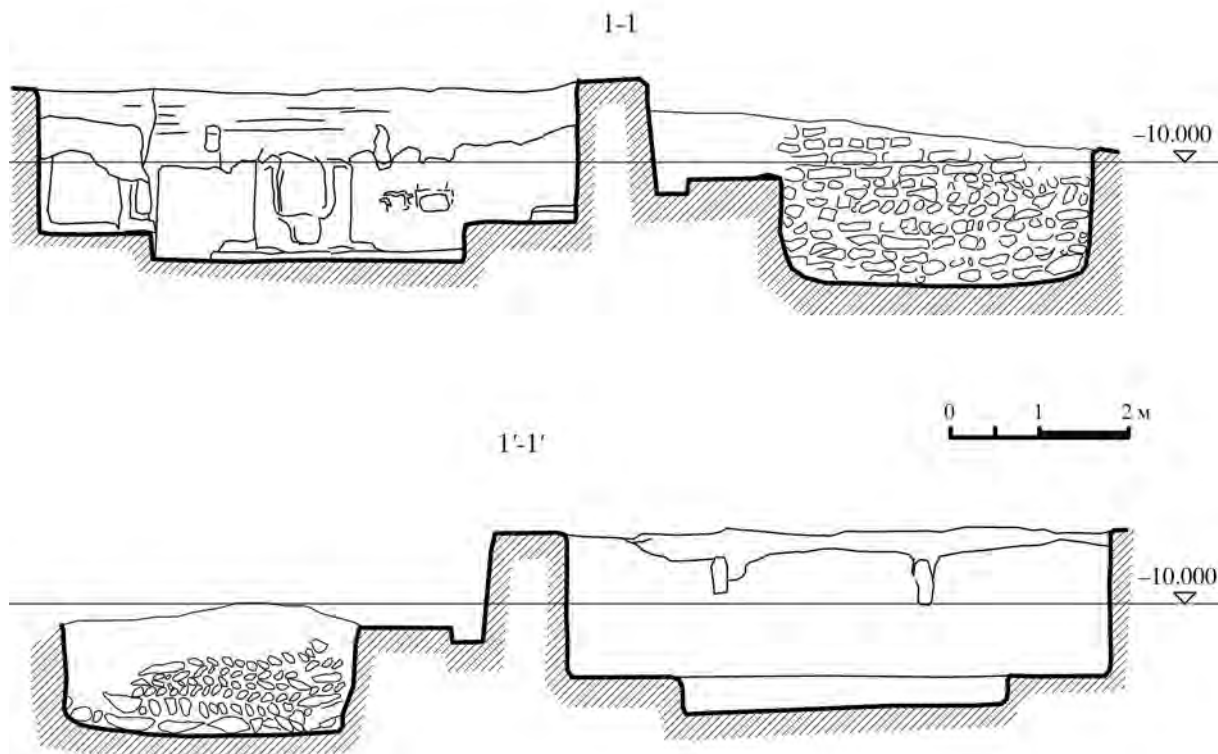

Рис. 7. Хисорак, шахристан, усадьба 1. Разрез (снят И.О. Гуровым).

Зеравшанской долины. В домах Шугнана и Вахана “повышение лежанок и наличие тамбура предохраняет обитателей дома (т.е. жилой комнаты. – П.Л.) от затекающего извне холодного воздуха. Главное местопребывание семьи – очаг – удаляется от холода” (Воронина, 1982. С. 66).

В качестве первоначального типа отопления домов у таджиков верховьев Зеравшана А.К. Писарчик реконструирует очажную нишу (мур) без дымохода (1982. С. 102), и этот тип очень походит на очаги капелл. Небольшое отдельное помещение в доме с таким очагом служило и кухней, и местом пребывания семьи зимой (Давыдов, 1973. С. 33–35).

Безусловно, в ритуалах согдийцев важное место занимало возжигание огня. Алтари огня росписей Пенджикента, Варахши имеют параллели среди находок в археологии Согда и сопредельных областей (Шкода, 1985; 2009. С. 109–114; Якубов⁶, 1996.

⁶ Автор называет эти алтари термином *маджмар* – тадж. *мамар*, “курильница”. Слово “маджмар”, разумеется, арабского происхождения, это название места от корня *jmr* – “жарить на горящих углях”, и оно не могло существовать в Согде до ислама. Вместе с тем согдийские источники, как будто, располагают термином для переносной курильницы. В самом длинном сохранившемся согдийском тексте Вессантараджатаке, пересказывающем (в достаточно свободной манере) сюжет истории об инкарнации Будды в принца Вессантару-

С. 28–37). Однако почитаемый огонь всегда располагался именно в чаше алтаря, а не в нише. В помещении “храма огня” в Пенджикенте прокаленный подиум расположен в центре помещения; в иранских храмах огня и у парсов в Индии огонь горит в центре помещения⁷, и сам храм часто именуется просто *гумбад*, “купол” (Воусе, 1968. Р. 64).

В зафиксированных этнографами мужских клубах горных таджиков – *аловхона*, букв. “дом огня” (некоторыми исследователями истолковываются как пережиток зороастрийских практик), костер

Судастана, дважды упоминается золотой *βωδβρν*. Царь Шиви (отец героя), узнав, что царица носит ребенка и что она родила сына, умащается ароматной водой, надевает красивые одежды и украшения и берет в руку этот предмет (Benveniste, 1946. Р. 14, 94). Кроме того, в манихейском среднеперсидско-согдийском глоссарии также присутствует термин *βωδβρν* (среднеперсидское соответствие, к сожалению, утрачено, см. Henning, 1940. Р. 52). Этимологически *βωδβρν* /*vōδvārn*/ значит “аромато-носитель”, и издатели переводят термин как “курильница”. Наличие алтарей огня согдийского типа на буддийских изображениях и среди находок буддийского монастыря в Кызыле (Торгоев, Кольченко, 2010. С. 307) указывает, что именно они должны были скрываться под этим термином.

⁷ Только в домашних часовнях зороастрийцев он может возжигаться в стенной нише. Эта практика связана с запретом на храмы огня, которые были введены с исламом (см. Воусе, 1989. Р. 9, 10). Благодарю М. Шенкаря за данную ссылку.

разжигался по центру помещения, так что беседовавшие вокруг него мужчины как бы разговаривали с огнем (Писарчик, 1982. С. 73, 74; Рахимов, 1990. С. 9–11).

В свете современных данных необходимо отказаться и от гипотезы о родстве рассматриваемых “очагов-алтарей” с мусульманскими мехрабными нишами (Воронина, 1964. С. 72). Мехрабная ниша мечети возникает уже в омейядское время, в самом начале VIII в., когда Мавераннахр был очень далекой, беспокойной и населенной неверными периферией исламского мира и никак не мог влиять на культовые практики всего Халифата. Гораздо более ясна связь мехрабной ниши с апсидой христианской церкви, нишей в направлении Иерусалима в синагоге и более ранней культовой архитектурой семитских народов (Fehérvári, 1993. P. 7–9; Khoury, 1998).

В тяжелых условиях быта горцев верховий Зеравшана всякое действие было связано с массой суеверий, предрассудков и табу, и, очевидно, какие-то магические свойства могли приписываться и очагам в капеллах. Изящное убранство очага и ниши, изредка встречающиеся в них росписи на стенах, а также тот факт, что очаги в капеллах Пенджикента не использовались для приготовления пищи сами по себе не говорят об их культовой функции, ведь значительно чаще украшены были квадратные залы для приемов и кулуары. Перестройки очагов капелл в период исламизации Пенджикента после 750-х годов также не могут быть однозначным свидетельством их преисламского религиозного содержания – для этого периода вообще характерен упадок городской жизни. Так что все эти факты едва ли могут перевесить функциональное, отопительное значение таких помещений, служивших в холодное время суток основным местом пребывания семьи.

Наконец, обратим внимание на следующую особенность. В Пенджикенте после 65 лет интенсивных широкомасштабных раскопок найдено 27 остатков капелл (включая спорные случаи, упавшие со второго этажа фрагменты колонн и др.). Из более 800 помещений, сведенных в таблицу В.И. Распоповой (1990. С. 50–68) только 13 “домашних святилищ” (из них два спорные), т.е. около 1.5%. При этом можно заметить, что они часто расположены кластерами: по два в крупных домовладениях на XVI и XXIII/XXV объектах (и прилегающих домах в последнем), в соседних домах на III, XXIV и XXVI-C объектах.

Выше Пенджикента (по Зеравшану) известно 13 таких помещений, хотя в археологическом отношении этот регион намного менее изучен, чем Пенджикент. На Гардани Хисоре раскопаны около 70

помещений, из них 3 капеллы (4%), в Наврузшахе – 2 капеллы из 19 помещений (более 10%), в Куме – 27 помещений, из них 4 капеллы (15%), на Хисораке – 3 капеллы из 9 помещений (33%!)). Очевидно, что в этих регионах они наиболее распространены, будучи неотъемлемым элементом хоть сколь-нибудь крупного домовладения (в Гардани Хисоре капеллы есть и в трехкомнатных домах!).

Пенджикент – город, расположенный на предгорном отрезке части Зеравшанской долины, имел с горами самые оживленные связи. Они проявлялись и в составе альянса, созданного последним независимым правителем Панча Деваштичем, где участвовали правители Кштута, Курута, Мартшката, и в принципе орошения, когда вода бралась из стекающих с гор речек, а не из Зеравшана, и в керамическом комплексе. В последнем имеются “горские” лепные сосуды, аналогичные гарданихисорским и кумским (Распопова, Шишкина, 1999. С. 72), причем ко второй четверти VIII в. – самому пику распространения капелл в Пенджикенте – их количество достигает 27% керамических комплексов (Распопова, 1969. С. 182; Саввониди, 1992. С. 9).

Отметим и разницу в климате между Пенджикентом и горной частью Зеравшанской долины. Если в первом средненизкая температура января, самого холодного месяца (по данным интернет-сайта teoweather.com), составляет минус 1.9°, то в нижней части Магчи – минус 12.3. Возможно, в раннем средневековье климат был иным, но бесспорно, что и тогда в горах было значительно холоднее, чем при выходе на равнину, и жителям горных районов приходилось больше задумываться об отоплении жилищ.

Можно предположить, что в Пенджикенте капеллы были атрибутом домов семейств, связанных с горной частью Зеравшанской долины или даже переселившихся оттуда.

В заключение следует добавить, что сезон 2012 г. на Хисораке принес открытие еще одной капеллы на той же усадьбе шахристана, где была открыта “третья капелла”, описанная выше. Она отличается от стандартной схемы иным расположением тамбура (за стеной с очагом) и скромными размерами и декором. В пом. 2 цитадели I Хисорака в юго-восточном углу под верхним слоем штукатурки расчищена профессионально сделанная роспись: скачущие влево взрослая особь и детеныш газели – по-видимому, фрагмент сцены охоты (ср. роспись в Кайнарском дворце в Пенджикенте). На Кайнаре завершено снятие росписей капеллы (пом. 13). Выяснилось, что на южной стене, за тамбурной стенкой, росписей не было, однако в 1.5 м от пола выявлены следы росписи, что говорит о высоте тамбурной

стенки. К западу от пом. 13 по верху было частично раскрыто еще одно помещение с росписью с тюльпанами в квадратах, о которой также сказано выше. В раскрытой части размеры помещения совпадают с расположенной непосредственно к востоку капеллой 13.

Результаты раскопок 2011 и 2012 гг. изданы как XIV и XV выпуски МПАЭ, отчет о снятии живописи на Кайнаре – как XVI выпуск серии. Роспись со сценой охоты с Хисорака заслуживает отдельного исследования.

Сезон 2013 г. принес еще два помещения этого типа. Одно из них расположено на шахристане Хисорака и отличается скромными размерами, отсутствием колонн у алтаря, поворота суфы. Таким образом, в раскрытом едва ли наполовину домовладении уже три (!) помещения этого типа, что совсем маловероятно при их культовой трактовке. В Пенджикенте стена помещения второго этажа с пристенным очагом и пазами деревянных столбов была открыта на объекте XXVI у поздней восточной крепостной стены. Помещение было довольно крупным, но и в этом случае отсутствуют колонны у очага. Дата помещения – до 722 г. Отметим, что по данным Л.М. Сверчкова (2013. Рис. 3, 4), помещение типа капеллы имелось и в замке Мык I в горной Уструшане.

Отметим также, что в 2012 г. издана переработанная версия кандидатской диссертации Б.И. Маршака “Керамика Согда V–VII вв. как историко-культурный памятник” (СПб.). В ней справедливо отвергается предложенная Л.И. Ремпелем интерпретация плакетки с Афрасиаба как “дома огня”; дается подробный разбор сосуществования лепной и гончарной керамики в Пенджикенте.

При написании статьи использованы материалы из неопубликованных археологических отчетов Д. Абдуллоева, М.Х. Исамиддинова, С.Н. Макеева, Н.В. Семенова, Л.О. Смирновой, Ю.Я. Якубова. Всем им приношу искреннюю благодарность. В части выводов статьи ответственность лежит исключительно на авторе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аманбаева Б.Э., Абдуллоев Д.А. Доарабский Ош в свете раскопок Ак-Бууринского городища (предварительные итоги) // Ош и древности Южного Казахстана. Вып. 5. Бишкек: Мурас, 2000. С. 6–10.

Ахунбабаев Х.Г. Домашние храмы раннесредневекового Самарканда // Городская культура Бактрии–Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Ташкент: Фан, 1987. С. 10–21.

Большаков О.Г. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III (комплексы I и II, раскопки 1952–56 гг.) // МИА. 1964. № 124. С. 88–120.

Воронина В.Л. Архитектурные памятники древнего Пянджикента // МИА. 1953. № 37. С. 99–132.

Воронина В.Л. Архитектура древнего Пенджикента (результаты раскопок 1954–59 гг.) // МИА. 1964. № 124. С. 51–87.

Воронина В.Л. Жилище народов Средней Азии и климат // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982. С. 48–69.

Гуревич Л.Л. К интерпретации пенджикентских “капелл” // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье: Тез. докл. М., 1981. С. 45–47.

Гуревич Л.Л. К интерпретации пенджикентских “капелл” // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М.: Наука, 1990. С. 67–89.

Давыдов А.С. Жилище // Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе: Дониш, 1973. С. 7–137.

Курбанов Ш.Ф., Семенов Н.В. Раскопки на объекте XXVI // МПАЭ. Вып. XIII. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2011. С. 4–17.

Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана в свете находок в Вахшской долине. М.: Наука, 1985. 264 с.

Маршак Б.И., Распопова В.И., Шкода В.Г. Отчет о раскопках городища Древнего Пенджикента в 1990 г. Рукопись.

Маршак Б.И., Распопова В.И., Шкода В.Г. Отчет о раскопках городища Древнего Пенджикента в 1997 г. Рукопись.

Маршак Б.И., Распопова В.И., Шкода В.Г. Отчет о раскопках городища Древнего Пенджикента в 1988 г. // АРТ. Вып. XXXIV. Душанбе, 2010. С. 346–382.

МПАЭ. Вып. I. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1999.

МПАЭ. Вып. II. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2000.

МПАЭ. Вып. III. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2001.

МПАЭ. Вып. XIII. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2011.

Мухиддинов И. Традиционное жилище таджиков среднего течения р. Вахш в зоне затопления Нурекским водохранилищем // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982. С. 210–225.

Писарчик А.К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX–XX вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982. С. 69–111.

Распопова В.И. Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента VII–VIII вв. // СА. 1969. № 1. С. 169–182.

Распопова В.И. Помещения с очагом-алтарем в древнем Пенджикенте // Культурные связи народов

- Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье: Тез. докл. М., 1981. С. 132–133.
- Распопова В.И.* Жилище Пенджикента (опыт историко-социальной интерпретации). Л.: Наука, 1990. 208 с.
- Распопова В.И., Шишкина Г.В.* Согд // Средняя Азия в раннем средневековье. М.: Наука, 1999 (Археология). С. 50–77.
- Рахимов Р.Р.* “Мужские дома” в традиционной культуре таджиков. Л.: Наука, 1990. 153 с.
- Ремпель Л.И.* Изображения “дома огня” на двух терракотовых плитках с Афрасиаба // Докл. АН Тадж. ССР. Вып. IX. Душанбе, 1953. С. 25–30.
- Савониди Н.Ф.* Керамика Пенджикента VII–VIII вв. Комплексы, типология и историческая интерпретация: Автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 1992. 22 с.
- Сверчков Л.М.* Горная Уструшана и некоторые вопросы исторической географии Средней Азии // РА. 2013. № 3. С. 80–91.
- Смагулов Е.А.* Культурные постройки храмового комплекса на городище Сидак (Южный Казахстан) // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. Сб. памяти Б.И. Маршака. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2013. С. 96–128.
- Ставиский Б.Я., Якубов Ю.Я., Гарифуллина З.А., Давутов Д.Д.* Отчет о работах российско-таджикской археологической экспедиции (РТАЭ) на верхнем Зеравшане в 1998 г. // АРТ. Вып. XXVII. Душанбе, 2000. С. 59–70.
- Торгоев А.И., Кольченко В.А.* К стратиграфии и датировке нижних слоев Краснореченского городища // Древние культуры Евразии: Матер. междунар. конф. СПб.: ИИМК, 2010. С. 301–310.
- Шкода В.Г.* Об одной группе среднеазиатских алтарей огня V–VIII веков // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л.: Гос. Эрмитаж; Искусство, 1985. С. 82–89.
- Шкода В.Г.* Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V–VIII вв.). СПб.: Гос. Эрмитаж, 2009. 280 с.
- Якубов Ю.* Паргар в VII–VIII вв. н.э. Душанбе: Дониш, 1969. 219 с.
- Якубов Ю.* Дворец Гардани Хисор и его резное дерево // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. М.: Наука, 1977. С. 363–372.
- Якубов Ю.* Раннесредневековые сельские поселения Горного Согда. Душанбе: Дониш, 1988. 290 с.
- Якубов Ю.* Религия древнего Согда. Душанбе: Дониш, 1996. 251 с.
- Benveniste É.* Vessantara Jātaka. Texte Sogdien. Paris: P. Geuthner, 1946 (Mission Pelliot en Asie Centrale. Sér. in-quatro; IV). 136 p.
- Bernard P.* Une nouvelle contribution soviétique à l'histoire des Kushans: la fouille de Dal'verzin-tépé (Uzbékistan) // BEFEO. L., 1980. T. 68. P. 313–348.
- Boyce M.* On the sacred fires of Zoroastrians // BSOAS. L., 1968. V. 31/1. P. 52–68.
- Boyce M.* Ātaškada // Encyclopaedia of Iranica. N.Y.: Persica, 1989. V. III. P. 9–10.
- Fehérvári G.* Mihrāb // The Encyclopaedia of Islam. New ed. Leiden; N.Y.: Brill, 1993. V. VII. P. 7–15.
- Gropp G., Kurbanov Sh.* Erster Vorbericht über die Ausgrabungen in Sandžar Šah (Magian) Tadžikistan 2003 // AMIT. Berlin, 2007. Bd. 39. S. 91–126.
- Henning W.B.* Sogdica. L.: James G. Forlong Fund, 1940. 67 p.
- Khoury N.N.* The Mihrab: from Text to Form // Intern. J. Middle East Studies. 1998. V. 30. № 1. P. 1–27.
- Marshak B.I., Raspopova V.I.* A Hunting Scene from Panjikent // BAI. V. 4. Bloomington, 1990. P. 77–94.

ОБ ОДНОМ ТИПЕ АНТРОПОМОРФНЫХ СТАТУЭТОК МАРГИАНЫ (по материалам САЭ 1980–2003 гг.)

© 2014 г. Н.Д. Двуреченская

Институт археологии РАН, Москва (nigoradvur@mail.ru)

Ключевые слова: *терракотовая пластика, Маргиана, позднепарфянский и раннесасанидский периоды, генезис, эволюция, типология, интерпретация.*

The most widespread type of anthropomorphic figurines in Margiana with the image of the woman with a mirror is considered. On the basis of a Central Asian archaeological expedition's collection, numbering more than 43 copies, it was possible to analyse genesis and evolution of the image in details. Three variants have been allocated which consecutive degradation of an iconographic image is tracked. Thanks to the analysis of an archaeological context and also using the results of the archaeological typology of figurines from Bactria, Margiana and Sogdia, it was possible to limit the disorder of offered interpretations, chronological frameworks established within the late Parthian and the early Sasanian periods. Time of the greatest distribution is dated on a basis stratigraphic data to the 2nd–3rd centuries AD.

Комплексное изучение терракотовой пластики на базе изделий, происходящих из стратиграфически датированных слоев, позволило установить общность генезиса, эволюции, типологического ряда терракотовой пластики античного периода трех сопредельных регионов – Бактрии, Согды и Маргианы. В соответствии с этим разработана общая типология антропоморфных статуэток упомянутых выше регионов (Двуреченская, 2009. С 195–216, 240).

В данной работе рассматривается один из типов статуэток, который для территории Маргианы служит своего рода визитной карточкой. Основа для исследования – серия статуэток одного типа, полученная Среднеазиатской археологической экспедицией (САЭ), работавшей в долине р. Мургаб под руководством Г.А. Кошеленко более 20 лет (полную публикацию корпуса терракотовых изделий САЭ см. Двуреченская, Новиков, 2013). Коллекция включает 43 изделия с ряда разномасштабных маргианских памятников, большая часть которых имеет ясный археологический контекст.

Статуэтки, изображающие стоящую женскую фигуру, в драпирующейся одежде с одним или двумя зеркалами в руках, относятся к VIII типу (рис. 1). В Маргиане их известно более 30 археологически датированных и более 100 из подъемных материалов.

Благодаря коллекции САЭ география распространения археологически датированных статуэток VIII типа на территории Маргианы, ранее огра-

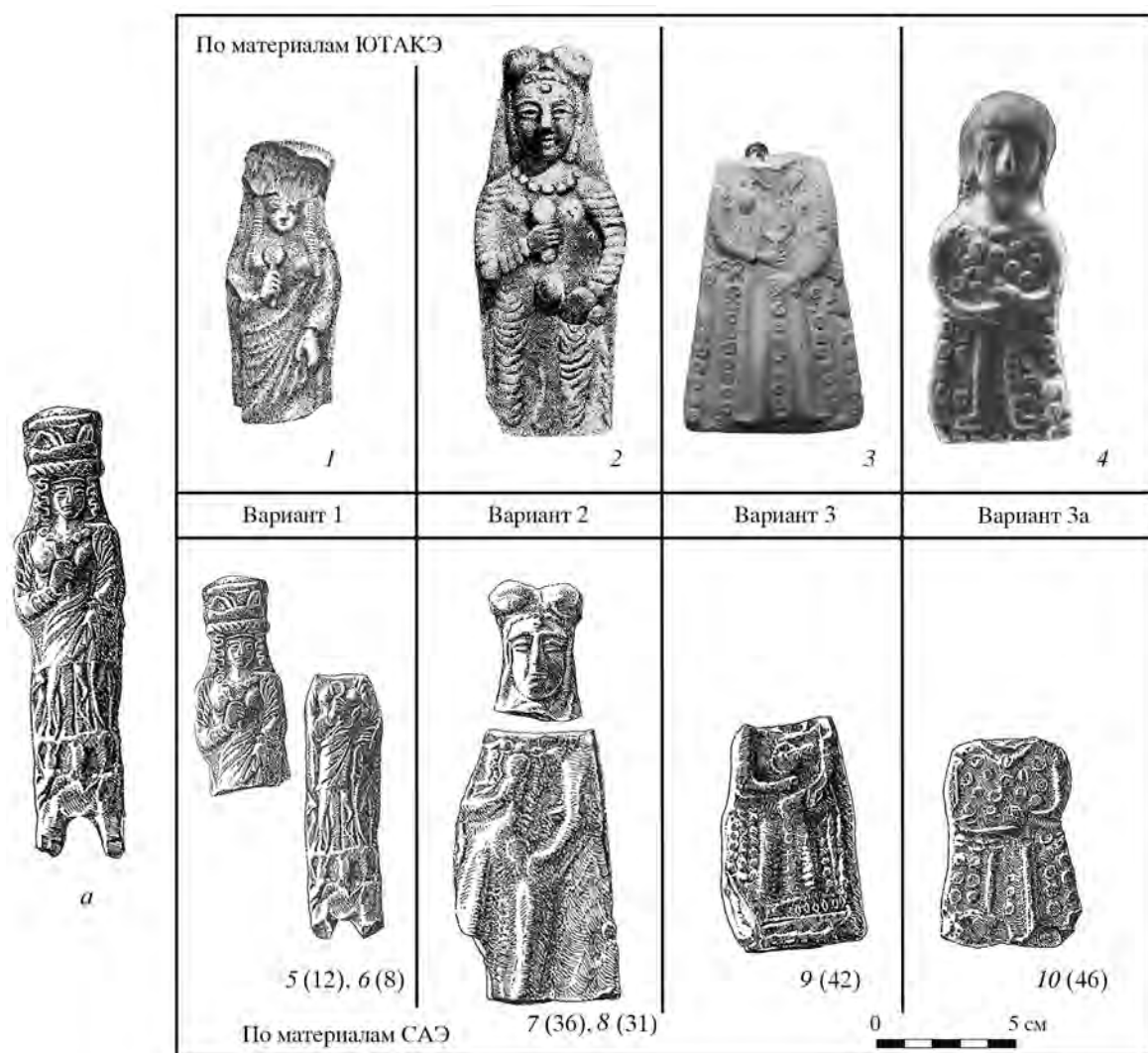
ниченная Гяур-калой, расширилась находками из Гебеклы-депе и Гули-депе. Пополнился также список памятников с подъемными находками. Таким образом, этот тип статуэток в Маргиане происходит как из столичного центра (Гяур-кала, Эрк-кала), так и из небольших городов (Чильбурдж) и поселений (Гебеклы-депе, Гули-депе, Шакал-кала, Дэв-кала, Чанглы-депе, Чиркоу-депе) (Ремпель, 1949; Пугаченкова, 1962; Двуреченская, 2009. Табл. 29; Двуреченская, Новиков, 2013. Прилож. 2).

В Бактрии и Согде тип представлен единицами. В Бактрии он известен в столичном городе Бактры (2 изд.), городе Дильберджин (1 изд.) и в дворцово-храмовом комплексе Саксанохур (2 изд.) (Gardin, 1957. Pl. X, 1a, b; X, 3; Кругликова, 1999. Рис. 33, 10; 42, 1; Мухитдинов, 1973б. С. 18). В Согде данный тип представлен в столичных городах Афрасиаб (2 изд.), Еркурган (4 изд.) и городище Касантепа (Shishkina, 1994. Fig 3; Сулейманов, 2000. Рис. 150, 3, 4; 151, 1–3).

По различию морфологии, размеров, деталей иконографии и стиля изображения среди статуэток VIII типа выделяются варианты.

Вариант 1 представлен односторонними статуэтками, часто с подставкой, передающими стоящий женский образ в драпирующейся одежде греческого типа, в высоком головном уборе, с зеркалом в правой поднятой к груди руке.

В коллекции САЭ этот вариант наиболее многочислен, представлен 24 целыми и фрагментированными статуэтками, происходящими из Гебеклы-

Рис. 1. Археологический тип VIII антропоморфных статуэток Бактрии, Маргианы и Согда (*a*) и варианты в Маргиане. 1, 6, 8 – Гебеклы-депе; 2, 3 – Гяур-кала; 4 – Чичанлык-депе; 5, 9, 10 – Чильбурдж; 7 – Чанглы-депе. Номер в скобках здесь и далее на рисунках и в заголовке рис. 2 соответствует номеру в каталоге терракот САЭ.

депе (15 изд.), Эрк-калы (3 изд.), Гяур-калы (5 изд.), Чильбурджа (1 изд.) (рис. 1–4). Размеры статуэток этого варианта невелики, высота их без учета подставок (вилок) – 10–12 см. Характерно, что в основном ширина фигурок не превышает 3.4 см. Высота головы, без учета головного убора, – не более 1.6 см. Все статуэтки изготовлены при помощи оттиска с односторонней матрицы, с тыльной стороны и боков они обрезаны ножом с разной долей тщательности и частично заглажены. Статуэтки (рис. 1, 5, 6; 3) выполнены в эллинизированном и эллинистическом стиле (Двуреченская, 2010. С. 148–150; Кат.¹ № 6–29).

Стратиграфические наблюдения о происхождении терракот позволяют ограничить бытование статуэток 1-го варианта VIII типа позднепарфянским – раннесасанидским временем, в основном II–III вв. н.э.

Данных по определению функционального назначения мест находок статуэток мало. Лишь треть изделий можно связать с архитектурными сооружениями определенного характера: помещениями оборонительных башен, предвратного комплекса, жилыми, устроенными в коридоре крепостной стены. Менее четверти статуэток происходит из археологических слоев так называемого монумента

¹ Для полноты доказательной базы помимо статуэток на рисунках к данной статье приводятся номера статуэток из коллек-

ции САЭ, изображение и подробное описание которых см. в каталоге (Двуреченская, Новиков, 2013).

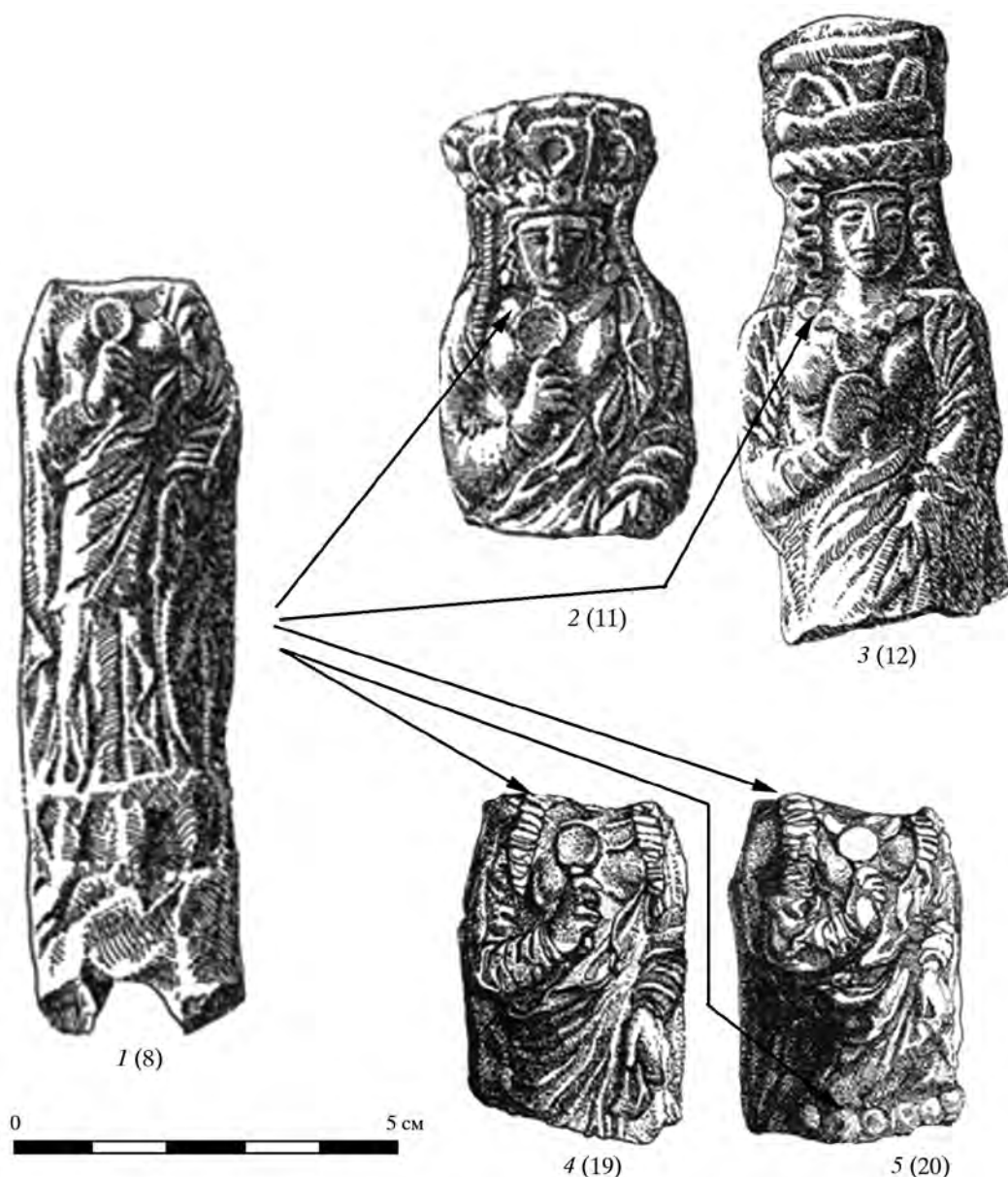

Рис. 2. Статуэтки типа VIII, вариантов 1 (1–6) и 2 (7, 8). Образцы подставок. 1, 4–6 – Гяур-кала; 2 – Одынчи-депе; 3, 8 – Гебеклы-депе; 7 – Чиркоу-депе.

тального сооружения Гебеклы-депе. Подчеркнем, что часть из них была обнаружена в забутовках, мусорных подсыпках и в отвалах раскопов, что свидетельствует об их возможном перемещении.

Иная картина складывается для возможностей исследования эволюции иконографии, стиля, морфо-

логических особенностей статуэток, так как имеется богатая выборка, насчитывающая более 20 изделий. Данные археологии на сегодня оставляют довольно широкие хронологические рамки бытования варианта, поэтому анализ его развития имеет важное значение для последующего сужения датировки.

Рис. 3. Статуэтки типа VIII, варианта 1 (1). Редукция изделий и появление новых иконографических деталей: 2 – гривна; 3 – бусы; 4 – накладная прядь прически или головного убора (накосник); 5 – редукция, накладная часть прически или головного убора и наклепные перлы.

Среди иконографических особенностей этого варианта необходимо выделить каноничное положение рук: правой, прижатой к груди с зеркалом, и левой, придерживающей край гиматия, повернутой большим и указательным пальцами к зрителю (рис. 1, 5, 6).

При разнообразии вариантов головных уборов, причесок, ювелирных украшений, драпировок и складок одежды, включая появление дополнительных украшений в виде наклепных элементов, типически повторяемое положение кистей рук с детальной реалистичной проработкой их анатомии

остается неизменным (рис. 2, 1, 5, 6). Это наблюдается даже при потере реалистичности изображения (рис. 3, 5). Также неизменным остается и положение основного атрибута – предмета в виде круглого диска на длинной ручке. Важно отметить совершенно идентичное изображение черт лица. При этом трактовка головных уборов и других второстепенных деталей различна (рис. 4). Последнее наводит на мысль о возможном наборном характере матриц и даже о разном физическом качестве материалов, из которых они были изготовлены. Миниатюрные размеры, тонкость проработки лица

Рис. 4. Статуэтки типа VIII. Особенности иконографии. 1, 2 – идентичные изображения лиц при различии головных уборов.

и рук не исключают возможности использования металлических или каменных патриц и матриц.

Статуэтки рассматриваемого типа вполне реалистичны. Это отражено в четкой пропорции фигур, близкой к нормальной: 1:7 (высота головы относительно общей высоты фигуры); в правильной пере-

даче анатомии, фигуры в целом, в передаче драпировок одежды.

В рамках 1-го варианта прослеживаются следующие изменения иконографии: меняются форма и убранство головного убора, прически, вводятся ювелирные украшения. Головные уборы на статуэтках крупных размеров высокие тиарообразные; тюрбанообразные с выделенными двумя буклями; высокие конические. Все они (рис. 5) довольно сложных конструкций с массой мелких деталей и элементов украшения, зачастую расположенных в несколько ярусов. Между тиарообразными уборами и уборами с двумя буклями намечен головной убор переходной формы (рис. 5, 5, 6).

Среди дополнительных деталей причесок присутствуют локоны (накосные украшения) либо в виде завитков (рис. 5, 2), либо в виде уплощенных полосок с горизонтальным рельефом, спускающихся до плеч или до уровня груди (рис. 5, 4, 5, 11).

Из разновидностей ювелирных украшений можно отметить плоские гривны (рис. 3, 2, 5), бусы в виде крупных шаровидных бусин (рис. 3, 3). Однако важно, что среди этого варианта имеется серия статуэток, где ювелирные украшения вообще отсутствуют, равно как и какие-либо дополнительные детали причесок (рис. 3, 1).

В ряде статуэток прослеживается редукция в их изготовлении, что выражается в уменьшении

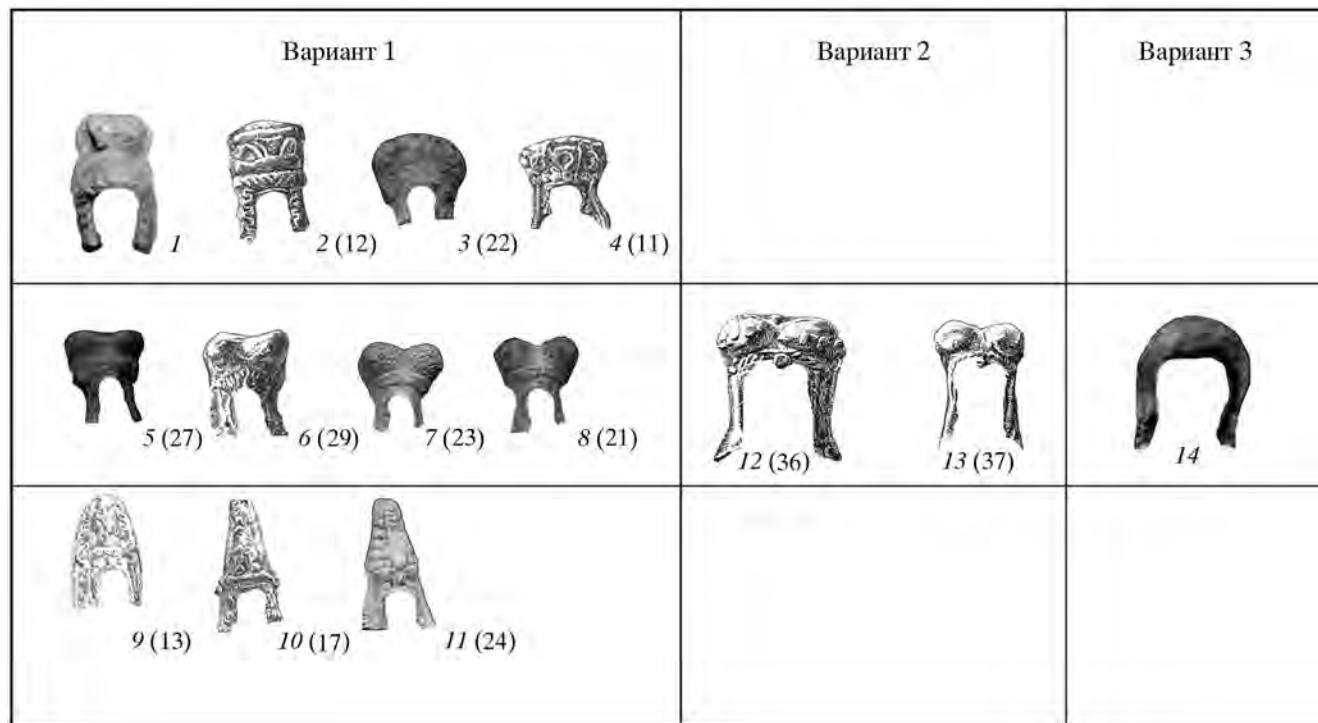

Рис. 5. Головные уборы на статуэтках типа VIII. 1 – Бактры; 2–13 – статуэтки САЭ; 14 – Чичанлык-депе.

их размеров, огрублению и даже утрате некоторых деталей изображения и замене их дополнительными лепными элементами, прикрепляемыми уже на готовый оттиск с матрицы (рис. 3, 5). Помимо этого отмечается также определенная схематизация и огрубление в передаче изображения (Кат. № 13).

На всех статуэтках 1-го варианта типа VIII изображены зеркала одного типа: круглые на длинной ручке. Диаметр зеркал, вычисляемый относительно общих пропорций фигур, выполненных в эллинизированном стиле, устанавливается в размере 6–7 см. На статуэтках хорошей сохранности, с отчетливым рельефом видно, что диск зеркала гладкий. Длина ручки всегда больше диаметра зеркала почти в 2 раза и составляет не менее 10–11 см, так как на всех статуэтках отчетливо обозначен нижний край ручки, выступающий из-под ладони. По всей видимости, ручки представляли собой наборные конструкции, когда на металлический выступ-штырь накладывалась составная ручка из дерева или кости. По классификации Б.А. Литвинского такой тип зеркал относится к отделу I – зеркала с боковой ручкой, наиболее близок к типу 3 – с узкой и тонкой ручкой-штырем (больше диаметра диска) (Литвинский, 1978. С. 75–85). Именно к этому типу Б.А. Литвинский отнес зеркала, изображенные на статуэтках Саксонохура типа VIII, варианта 3 (1978. С. 85, 86). Близкие аналогии таким зеркалам автор нашел на памятниках Амаравати, Беграма, Таксилы. Хронологически именно этот тип зеркал наиболее близок к рассматриваемым здесь.

Среди технологических особенностей 1-го варианта важно отметить наличие лепной подставки к фигурке в виде раздвоенной вилки. Несколько статуэток, сохранивших нижнюю часть (Кат. № 6, 7, 10, 16, 26 (?), 28 (?)), дают именно это завершение изделия (см. также: рис. 3, 1). Такое же раздвоенное по форме завершение можно видеть на ряде статуэток из коллекций других экспедиций (рис. 2, 2, 5, 7). Позднее нечто подобное можно наблюдать в терракотовой пластике раннесредневекового Согда. Целая серия рельефных плиток с различными персонажами имеет оформление своих подставок в виде раздвоения, предназначенного для крепления на некий предмет (возможно, статуэтку верхового животного) (Мешкерис, 1989. Рис. 126, 131–134). Однако в отличие от них на маргианских статуэтках внутренняя сторона вилкообразного завершения не несет следов такого скрепления.

Помимо раздвоенных подставок-завершений известны также основания фигурок в виде трапециевидного расширения от 1/5 до 1/3 от общей высоты статуэтки. Они (рис. 2, 1, 4) зачастую украшены разнообразными рельефными орна-

ментами (Пугаченкова, 1962. Рис. 8; 9). В коллекции САЭ подобное трапециевидное завершение сохранилось на одной статуэтке типа VIII варианта 2 (рис. 2, 8).

Вариант 2 представлен односторонними статуэтками, передающими стоящий женский образ, облаченный в одежду с поперечными складками, с зеркалами в обеих поднятых к груди и животу руках (рис. 1, 2, 7, 8).

В коллекции САЭ всего 11 фрагментированных статуэток 2-го варианта, происходящих с маргианских памятников Эрк-кала (Кат. № 39), Гяур-кала (Кат. № 38), Чанглы-депе (Кат. № 37) и 8 экз. из Гебеклы-депе (Кат. № 32, 33, 35, 36, 40). К сожалению, находок *in situ* в рассматриваемых материалах нет, однако археологический контекст четырех находок дает условную датировку раннесасанидским временем, подтверждая тем самым ранее имевшиеся сведения (Кат. № 31, 34, 36, 39).

До введения коллекции САЭ в научный оборот были известны только две стратиграфически датированные статуэтки 2-го варианта типа VIII, зафиксированные на полу жилых помещений ремесленного квартала Гяур-калы, датированы они были III–IV вв. (Кацурис, Буряков, 1963. С. 133, 134).

Статуэтки рассматриваемого варианта имеют ряд иконографических элементов и деталей, характерных для всего типа. Так, к ним относятся поза стоящей женской фигуры; положение поднятой правой руки с зеркалом на длинной ручке, прижатой к середине груди; длиннополая одежда; наличие поперечных складок на правом рукаве, зигзагообразных или волнистых – на подоле костюма между ног; украшение в виде бус, вдоль ворота; круглое украшение на лбу.

Однако необходимо отметить существенные изменения по сравнению с вариантом 1. Полностью меняется стиль изображения с эллинизированным на автохтонный. Это в первую очередь отразилось на пропорциях фигур при явной условности изображения. Теперь соотношение высоты головы к общей высоте статуэток – 1:3–5 вместо прежнего 1:6–7. Утрачивается не только реализм, но и всякий динамизм изображения, что выражается в условно трактуемых складках одежды, в неестественно зафиксированных руках и ярко выраженном иератизме в целом. Внимание зрителя фиксируется всего лишь на нескольких деталях: лице, атрибутах и ювелирных украшениях, т.е. в принципе на объектах, характеризующих статус изображенного персонажа. Все остальное отходит на второй план (анатомия фигуры, ее пропорции, детали одежды и пр.). Очевидна неравномерность проработки и

Рис. 6. Изменение иконографических деталей (складок костюма) на статуэтках вариантов 1 и 2 типа VIII.

обобщения деталей, что как раз характерно для автохтонного стиля.

Одна из важных особенностей иконографии статуэток 2-го варианта типа VIII на территории Маргианы – костюм с длинными рукавами в поперечную складку, с такими же частыми складками на подоле, которые образуются по всей высоте ног, оконтуривая их². Между ног зачастую изображены

изогнутые волнообразно линии, которые трактуются некоторыми исследователями как изображения змей или драконов (Мешкерис, Беленицкий, 1986. С. 21. Рис. 4). Характерные поперечные складки на рукавах и подоле одежды создают впечатление передачи типичного “парфянского” костюма.

Представляется, что это не смена костюма, а переработка в направлении упрощения и огрубления изображения одежд на статуэтках 1-го варианта. Сам же гиматий как элемент костюма исчезает, сохраняя свой след в поперечных складках на релье-

² Отметим, что на территории Согда статуэтки 2-го варианта типа VIII представлены в костюмах местного согдийского типа (Shishkina, 1994. Fig. 3).

ефно выступающей части ног, поскольку такие складки на платье совершенно неестественны. К рудиментам ранее передаваемых многочисленных живописных складок греческого костюма можно отнести ломаные линии между ног и по бокам фигуры. Это особенно четко видно при наложении общего рисунка ломаных линий на подоле статуэток обоих вариантов (рис. 6). Кроме того, короoplastы акцентируют внимание на ряде деталей, значительно укрупняя размеры бус, рельефно выделяя элементы головного убора.

Еще одна иконографическая особенность 2-го варианта – введение “тики” на лбу. Если для статуэток 1-го варианта (Кат. № 11, 13, 21–23, 25, 29) характерно размещение на головном уборе или на платке под ним, поверх центра лба одного или трех крупных округлых ювелирных украшений типа броши или подвески (рис. 3, 2; 4), то на статуэтках 2-го варианта (Кат. № 36–38, 40) убранство головного убора значительно упрощается, а крупный округлый налеп помещается в середину лба (рис. 1, 2, 7).

При сохранении общей иконографической канвы с тождественным расположением рук стоящего в одежде женского персонажа в образ введен дополнительный атрибут в виде второго зеркала.

С точки зрения морфологических особенностей статуэтки 2-го варианта значительно больше в размерах основного изображения по сравнению с 1-м вариантом (шире в 2 раза), головы статуэток более чем в 2 раза выше. Характерно, что соотношение высоты головного убора теперь также кардинально меняется: на статуэтках 2-го варианта высота головы значительно больше высоты головного убора. Подставки отмечаются как вилкообразные, так и трапециевидные, но в основном они отсутствуют.

К сожалению, сохранность статуэток плохая. Нет не только ни одного целого образца, но и большинство представлено лишь половиной или третью от всей высоты статуэтки. Размеры статуэток этого варианта можно реконструировать по полностью сохранившимся экземплярам из других коллекций (рис. 1, 2) на основе соотношения высоты головы к общей высоте статуэток (Пугаченкова, 1967. С. 79. Рис. 58). Так, высота их могла достигать 18 см. Все статуэтки изготовлены при помощи оттиска с односторонней матрицы. Изделия, сделанные по одной матрице, не выявлены.

Вариант 3 представлен односторонними уплощенными трапециевидными статуэтками с изображением стоящей женской фигуры в расширяющемся книзу широком одеянии, с правой поднятой к груди рукой, держащей зеркало, и левой, прижатой к животу (рис. 1, 3, 9).

Этот вариант получил распространение на территории Бактрии и Маргианы, но только на территории последней имел широкое распространение. О точном количестве подъемных статуэток судить трудно, в литературе упоминаются десятки фрагментированных находок. Ранее были известны всего три археологически датированных изделия, происходившие из жилых помещений ремесленного квартала Гяур-калы (Кацурис, Буряков, 1963. С. 136–139; Двуреченская, 2009. Рис. 262, 4; 266. Табл. 29, 28, 39, 41). Датировка их предполагалась в пределах III–IV вв.

В рассматриваемой коллекции САЭ представлены всего четыре фрагментированные статуэтки из подъемного материала трех памятников Маргианы: Гяур-кала, Чильбурдж, Гули-депе (Кат. № 41–44). Лишь одна из них дает четкую датировку. Она происходит с городища Гули-депе, обживание которого началось не раньше раннесасанидского периода, чем и подтверждает ранее предложенные хронологические рамки бытования 3-го варианта статуэток VIII типа – III–IV вв. (Кошеленко, Никитин, 1982. С. 4, 5. Рис. 14, 24).

Подчеркнем, что ни один целый экземпляр рассматриваемого варианта статуэток не сохранился не только в коллекции САЭ, но и в других имеющихся коллекциях. Существует общее мнение, что у этого варианта были горельефные головки (Пугаченкова, 1962. С. 136, 137). По всей видимости, это мнение основывается на находке нескольких экземпляров целых статуэток, близких к исследуемым как по морфологии, так и по иконографии и стилю изображения (Кошеленко, 1977. Рис. 73, 74; Simpson, Herrmann, 1995. P. 146, 159. Fig. 4, a). Однако нельзя не отметить, что у персонажей на этих аналогиях отсутствует главный атрибут – зеркало и изменено каноничное положение рук. В то же время это никак не отрицает устоявшегося в литературе приведенного выше мнения, но лишь констатирует, что пока нет однозначных доказательств горельефности головок 3-го варианта типа VIII.

С точки зрения иконографии можно говорить о ряде сохранившихся не только основных, но и второстепенных иконографических деталей 1-го и 2-го вариантов. Их можно хорошо проследить по более качественному образцу из коллекции Государственного Эрмитажа (рис. 1, 3)³: стоящая женщина с каноничным положением рук, правая поднятая к груди с зеркалом, левая у бедра; зеркало на длин-

³ Выражаем признательность А. Омельченко за предоставленный качественный фотоматериал по статуэтке из Гяур-калы (№ СА-13882), которая, по всей видимости, происходит из раскопок, проводившихся на этом памятнике Р. Пампелли в 1904 г. (Pumpelly, 1908. P. 200. Pl. 55, 4).

ной ручке; на шее низка бус; на рукавах поперечные складки. В отличие от первых двух вариантов в целом одежда статуэток 3-го варианта передана чрезвычайно условно, зачастую в виде вертикальных рядов кружков по бокам фигуры и одного ряда между ног, последние выделены рельефно (рис. 1, 3, 9). Принципиально новое в стиле – прослеживаемая в некоторых изделиях орнаментальная стилизация. Это можно видеть в оформлении низа и боковых частей статуэтки орнаментальным бордюром. В раннем средневековье орнаментальная стилизация максимально разовьется, значительно потеснив статуэтки и заменив их на терракотовые плитки с рельефом, где помимо фигуры главного персонажа немалое внимание будет уделено оформлению пространства вокруг него (Мешкерис, 1989. С. 231–283).

Существенно изменилась и морфология статуэток рассматриваемого варианта. Они стали представлять собой уплощенные плитки с трапециевидным абрисом, с плоским рельефом оттиска. В литературе за этим вариантом женских статуэток с зеркалом закрепилось наименование “плоскоплиточные”. Подставки у данного варианта не прослеживаются.

Вариант 3а представлен односторонними уплощенными статуэтками, изображающими стоящую в одежде женскую фигуру с горельефной головкой, с руками у живота и без атрибутов.

В работах Г.А. Пугаченковой такие статуэтки не выделялись и рассматривались как последний этап развития или, вернее, деградации типа “Великой маргианской богини-девы” (1959. С. 133. Рис. 12, 13; 1962. С. 136, 137. Рис. 14). Как отдельный тип они были выделены в статье, посвященной рассмотрению группы статуэток Маргианы, полученной в ходе работ совместной археологической экспедиции “Мервский проект” (Simpson, Herrmann, 1995. P. 145–147. Pl. 3, *a–d*; 4, *b*). Хронологические рамки статуэток этого варианта ранее были ограничены III–IV вв.

Представляется, что данный вариант наиболее близок к типу VIII, вариантам 2 и в особенности 3. Основное отличие их заключается в отсутствии главного атрибута в руках персонажа – круглого зеркала. Однако необходимо отметить, что в процессе дальнейшей деградации качества и стиля изображения при схематичной и довольно условной передаче анатомии тела среди грубых приемов украшения круглыми оттисками пуансона или наклепными круглыми бляшками, которыми покрывалось практически все поле платья персонажа, легко было “потерять” такой же круглый атрибут.

В рассматриваемой коллекции САЭ представлены всего четыре фрагментированные статуэтки (Кат. № 45–48) из трех памятников Маргианы: Чильбурдж, Шакал-кала и Гебеклы-депе (рис. 1, 4, 10). К сожалению, все рассматриваемые статуэтки не полной сохранности и происходят из подъемного материала, что существенно снижает их информативность. Однако привлечение широкого круга ранее известных статуэток этого варианта все же дает возможность их обобщить и уточнить датировку.

Так, ранее были обнаружены целая матрица для изготовления таких статуэток в Мервском оазисе, целая статуэтка из подъемного материала с Мунон-депе (Кошеленко, 1977. С. 73, 74); а также целая статуэтка из Чичанлык-депе (Пугаченкова, 1959. С. 132, 133. Рис. 12; 1962. С. 136, 137. Рис. 14). Фрагменты статуэток, в частности, головки, были найдены при раскопках Гяур-калы (Ремпель, 1949. С. 346. Рис. 21; Кацурис, Бурыков, 1963. Рис. 19; Simpson, Herrmann, 1995. P. 145–147. Pl. 3, *a–d*; 4, *b*). Г.А. Пугаченкова упоминает о статуэтках этого варианта не только из Гяур-калы и Эрк-калы, но и Кишман-депе, Кууртлы, Чильбурджа и др. (1962. С. 137).

Морфология варианта 3а сходна с морфологией статуэток варианта 3: уплощенные плитки с трапециевидным абрисом и горельефной головкой, по-видимому, изготовленной с помощью отдельной матрицы и присоединенной к туловищу до обжига (к сожалению, не было возможности работать непосредственно с исследуемым материалом, что необходимо для выяснения технологии его изготовления). Плоским рельефом изображена стоящая фронтально женская фигура со сложенными на животе руками без атрибутов в них. Условно изображенная кисть правой руки расположена ниже левой. Пропорции не соблюдены, соотношение высоты головы к общей высоте фигуры составляет 1:3. Это соотношение показательным своим последовательным изменением в сторону увеличения размера высоты головы. Округлые плечи фигурки слишком широки по сравнению с невысоким вертикальным размером всей терракоты. Столь же непропорционально и условно переданы размеры и положение рук персонажа. Одежда трактована в виде длинного тяжелого платья прямого, слегка расширяющегося книзу покроя, с узкими рукавами. Грудь украшена массивным ожерельем или гривной с овальным медальоном в центре, платье – крупными круглыми нашивными бляшками, расположенными в верхней части в виде трех рядов перлов, идущих с небольшим изгибом параллельно линии гривны. В нижней

части перлы размещены вертикально: по два ряда с краев и в один ряд между ног по центру. Ноги, обращенные носками врозь, изображены двумя схематичными выпуклыми вертикальными, почти параллельными плоскорельефными валиками. Нижний обрез подола платья одновременно служил ее подставкой-основанием.

Количество экземпляров варианта 3а показательное, так как их значительно меньше, чем статуэток 1-го и 2-го вариантов.

Статуэтки типа VIII в Маргиане сформировались не ранее I в. н.э., а их широкое распространение приходится на II–III вв., время экономического подъема Маргианского оазиса. За несколько столетий своего существования анализируемый тип претерпел ряд качественных преобразований. Наиболее ранние статуэтки 1-го варианта изготовлены в эллинизированном стиле, сохраняют значительные черты достижений греческого изобразительного искусства. Близкие параллели им дают статуэтки II в. н.э. из столицы соседней Бактрии, также выполненные в эллинизированном стиле. Важно отметить, что в вариантах 2 и 3, сделанных уже в автохтонном стиле, прослеживается изначальный изобразительный ряд. Видна попытка отразить старый канон доступными изобразительными средствами в рамках понимания изготовителем образа.

Публикуемые материалы САЭ подтверждают широкое распространение статуэток типа VIII в позднепарфянский и раннесасанидский периоды (II–III вв.) как в крупных городах, так и на небольших сельских памятниках. Важно также отметить подтверждение на представленном материале преимущественного бытования терракотовых статуэток в этот период именно в жилых и бытовых, а также хозяйственных помещениях, а не в храмах, как это было установлено для подобного типа изделий в эллинистическое время (Двуреченская, 2009. С. 240).

В соседних регионах богиня с зеркалом не столь популярна, как в Маргиане. В Бактрии этот тип появляется в I–II вв. (Бактры, Саксонохур), в Согде – с периода рубежа эр (Афрасиаб), в редуцированном виде он известен в III–IV вв. н.э. (Еркурган). Необходимо отметить, что в отличие от Маргианы материалы Бактрии и Согды свидетельствуют о нелинейности развития вариантов типа богини с зеркалом.

В Бактрии в I–II вв. сосуществуют высокохудожественный вариант 1 статуэток типа VIII, выполненных в эллинистическом стиле (Бактры) (Gardin, 1957. Pl. X, 1 a, b), и вариант 2, представляющий автохтонный стиль (Саксонохур) (Литвинский,

Мухитдинов, 1969. С. 168. Рис. 7, 8; Мухитдинов, 1973а), причем преемственность между ними не прослеживается.

При практически полном отсутствии прямых аналогий иконографии статуэток типа VIII вопрос интерпретации образа с самого начала оказался довольно сложным. Исследователи предлагали разнообразные варианты его трактовки: от Наны или Ордохшо, Юноны или Исиды до “Великой маргианской богини” (Ремпель, 1949. С. 181; Пугаченкова, 1962 С. 126–130).

Для верной интерпретации анализируемого археологического материала представляется важным опираться на время, ареал, культурный и археологический контексты происхождения статуэток.

Зарождение иконографии статуэток типа VIII происходило не ранее второй половины I в. н.э. в условиях наибольшего мировоззренческого синкретизма, сосуществования диаметрально противоположных религиозных систем, переосмысления иконографии эллинистических богов, ее адаптации к местным религиозным культам. Несмотря на практически полное отсутствие в Маргиане (в отличие от кушанской Бактрии этого периода) подписной иконографии, богатство и разнообразие бытовавших иконографических образов синхронного времени помимо терракотовой пластики отражено в материалах сфрагистики (Кошеленко и др., 1991; 1995; Кошеленко, 2005).

В условиях, когда на фоне основного зороастрийского вероучения сосуществовали самые разные религиозно-идеологические представления, не случайным видится использование в иконографии рассматриваемых статуэток греческого костюма (хитон с гиматием). Во II–III вв. он становится иконографическим шаблоном на территории значительной части тогдашнего мира, в частности, в восточных провинциях Римской империи и западных областях Парфянского царства, в Месопотамии (Invernizzi, 1973–1974. P. 200, 210. Fig. 66, 76). Особенно это наблюдается в караванных городах Передней Азии (Дамаск, Пальмира, Дура-Европос, Зевгмы). Богини Атаргатис, Артемиды-Азаннтконды, Тюхе и другие были изображены здесь в аналогичном костюме, также в эллинизированном стиле (Cumont, 1923. Pl. 1, XIII). Может ли это послужить вектором направления возможных влияний или заимствований в области иконографии или всего лишь подчеркивает общность процессов по адаптации эллинистического наследия – вопрос пока не решенный. Однако несомненно, что адаптация происходила в период от рубежа эр до утверждения сасанидского изобразительного канона.

Важным фактором, ограничивающим разброс возможных интерпретаций изделий терракотовой пластики и соответственно изображений на них, является анализ археологического контекста. Судя по планиграфии распространения статуэток, полученной советскими археологами, проводившими масштабные раскопки Старого Мерва, можно утверждать, что они преимущественно были расположены в жилых кварталах. Так, крупная серия статуэток (более 100 экз.) была получена с одного квартала мукомолов на Гяур-кале. Рассматриваемый тип статуэток обнаруживался в помещениях, имеющих производственно-бытовой и жилой характер. В них, как отмечают сами исследователи, вероятно, жили и работали в основном женщины (Кацурис, Буряков, 1963. С. 160).

Перекрестный анализ бытовавших иконографических образов и их месторасположение в определенном археологическом контексте позволяют предполагать, что и сами статуэтки, и изображавшиеся образы, по-видимому, представляют сферу широких народных верований. Локализация мест находок статуэток свидетельствует о бытовых и религиозно-идеологических запросах населения древней Маргианы, в том числе рядовых женщин. Для них в первую очередь было важно почитание божеств, носителей функций плодородия и семейного благополучия.

Параллельно с образом богини с зеркалом, получившей широкое распространение в народном быту, на предметах, связанных с торгово-экономической сферой Маргианы на первый план выдвигается образ богини, восседающей на троне с пальмовой ветвью в руке. По предположению исследователей серии булл с Гебеклы-депе, такие изображения могли отражать некий синкретический образ эллинистической Тюхе и иранской хварена (фарна) (Кошеленко и др., 1995. С. 196).

Применение археологических подходов и методик, в частности, разработка археологической типологии, позволяет сегодня критически пересмотреть основную и наиболее развернутую в литературе интерпретацию образа, предложенную в середине прошлого века Г.А. Пугаченковой и получившую название “Великая маргианская богиня”. Археологическая типология заставляет разделить собирательный образ “Маргианской богини” на типы (I, V, VIII) (Двуреченская, Новиков, 2013). Каждый из них имеет свою хронологию, свой генезис и эволюцию, и объединяет их лишь территория бытования. Археологически установлено появление образа богини с зеркалом не ранее второй половины I в. н.э., и он не связан с типом I – богиней без атрибутов. Нет серьезных оснований считать тип V

обнаженной богини (танцовщицы) одной из ипостасей этой богини. Основные выводы концепции “Маргианской богини” Г.А. Пугаченковой и ранее были также подвергнуты критике в ряде работ (Кошеленко и др., 1995; Кошеленко, Новиков, 1999).

Однако в предложенной исследовательницей интерпретации и на сегодня остается актуальным посыл о местном характере и наполнении образа, сложившегося на общем зороастрийском фоне. По всей видимости, заимствованная греческая иконография во II в. н.э. могла быть лишь изобразительным средством, который использовался для выражения самобытных представлений. О высоком народном запросе на образ богини с зеркалом говорит необычайная популярность статуэток в наиболее дешевом исполнении – в терракоте, их находки в рядовой жилой застройке, а также полное отсутствие образа в официальных и статусных видах искусства (скульптуре, росписях, материалах сфрагистики и др.).

Спустя несколько десятилетий археологических исследований в Среднеазиатском регионе новые материалы, дающие надежные (подписные) основания для однозначных интерпретаций, так и не появились. Однако их поиск и новые попытки отождествить образы на статуэтках похожего типа продолжают. Так, этот вопрос (наряду с другими) был рассмотрен в монографии Р.Х. Сулейманова (2000. С. 276–285). Интерпретации образов богинь Согда, Бактрии и Маргианы посвящен раздел “Ганга-Харахвати Ардвисура-Афродита Танаис”, название которого говорит о том, сколь сложно представление автора о возможном синтезе и влияниях на сложившиеся иконографические образы. В поисках “эквивалента” богини храма Еркургана Р.Х. Сулейманов пытался привлечь материалы терракотовой пластики и монументальной живописи, торевтики, а также сведения этнологии, немногочисленные письменные источники. Как и в гипотезе Г.А. Пугаченковой, автор рассматривает вопрос интерпретации терракотовых статуэток в очень широком историческом и хронологическом контексте, пытаясь соединить некоей линией преемственности или трансформации образы разных эпох и территорий. Однако археологическая типология на базе стратиграфически датированных изделий позволила увидеть, что большинство иконографических образов бытует, как правило, определенный срок – не более трех столетий, а период расцвета приходится на столетие (в дальнейшем при утончении археологических методик этот разброс дат будет сужаться). Образ появлялся с конкретным запросом общества и отмирал в его отсутствии. На этот процесс влияла

историческая, культурная, а также экономическая и политическая ситуации.

С момента возрождения терракотовой пластики на территории Бактрии, Маргианы и Согда после греческой колонизации и создания греческих городов и государств, несомненно, начался процесс заимствования эллинских мифологических сюжетов, иконографии конкретных религиозных и культовых образов. Однако трудно предположить, что в столь раннее и достаточно короткое время – уже в III–II вв. до н.э. на территории греческого города, такого, например, как Ай-Ханум, мог сформироваться культ богини, синкретически связывающий классические греческие и иранские религиозные системы. Скорее всего, он мог отражать более устойчивые системы греко-малоазийского и греко-ближневосточного происхождения. В этих регионах, как известно, процесс религиозного синтеза и взаимовлияний к этому времени уже шел не одно столетие. В результате, скорее, мог появиться образ Афродиты-Кибелы, но никак не Афродиты-Ардвисуры. Об этом же свидетельствуют и данные нумизматики. На монетах селевкидских и греко-бактрийских царей не представлено ни одно божество негреческого пантеона. И по другим изобразительным источникам, в том числе в бытовой народной культуре этого периода, также известны лишь эллинистические образы.

Позднее, в эпоху расцвета Кушанской империи, подобный синкретизм получает свое наибольшее развитие. Об этом свидетельствует подписная иконография более 30 богов на кушанских монетах. На примере монет Канишки I К. Танабе пришел к выводу о том, что ортодоксальный зороастризм не был довлеющей идеологической системой в это время и, скорее всего, доминировала иранская мифологическая основа с системой священных стихий – первоэлементов (земля, вода, ветер, солнце, луна и огонь). Причем отмечается возможность использования иконографии греческих богов, в частности, таких, как Гелиос, Гефест, Селена и др., но с вложением в их образы иранского смысла (Tanabe, 1995).

Р.Х. Сулейманов в интерпретации согдийской богини из храма Еркургана опирался на широкий ряд иконографических элементов, в том числе статуэток Бактрии и Маргианы. Однако он привлекал, как и Г.А. Пугаченкова, иконографические типы не только из разных регионов, но и различные по времени своего бытования и рассматривал их в совокупности. Обосновывая свою интерпретацию анализом атрибутов и, в частности, зеркала как атрибута богини вод (Сулейманов, 2000. С. 279), исследователь важное значение придавал извест-

ному мнению, что на этих статуэтках изображены еще и некие “змеи” (Мешкерис, 1985). Детальный морфологический и иконографический анализ целого ряда статуэток типа VIII позволил снять это предположение, показав деградацию первоначального варианта статуэток “богини с зеркалом”, а не возникновение нового иконографического элемента – “змеи или драконов”, сопровождавших ее образ.

Наиболее продуктивным в изучении терракотовой пластики региона видится продолжение типологических исследований, построенных на археологически датированных образцах. Расширение базы стратиграфически датированных и имеющих надежный археологический контекст новых находок, а также корректировка или даже пересмотр ранее полученных материалов позволят конкретизировать представления о развитии отдельных иконографических образов, сузить их хронологию, что в свою очередь даст возможность более обоснованно подойти к вопросам возможных интерпретаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беленицкий А.М., Мешкерис В.А.* Змеи-драконы в древнем искусстве Средней Азии // СА.1986. № 3. С. 16–27.
- Двуреченская Н.Д.* Терракотовая пластика Средней Азии (археологический аспект): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 284 с.
- Двуреченская Н.Д.* Новый метод комплексного исследования терракотовой пластики // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск. 2010. № 1. С. 143–153.
- Двуреченская Н.Д., Новиков С.В.* Терракотовая пластика Маргианы (по материалам Среднеазиатской археологической экспедиции 1980–2003 гг.) // Scripta antiqua. Т. III. М., 2013 (в печати).
- Кацурис К., Буряков Ю.Ф.* Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяуркалы // Тр. ЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад: Изд-во АН Туркм. ССР, 1963. С. 119–163.
- Кошеленко Г.А.* Родина парфян. М.: Сов. художник, 1977. 175 с.
- Кошеленко Г.А.* Буллы Старой Нисы и Гебеклы-депе: сопоставление // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 2005. С. 45–56.
- Кошеленко Г.А., Бадер А.Н., Гаيبов В.А.* Парфянские буллы из раскопок Гебеклы-депе (Маргиана) // Информ. бюлл. МАИКЦА. Вып.18. М.: Наука, 1991. С. 5–18.

- Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Бадер А.Н.* Две богини? // ВДИ. 1995. № 2. С. 194–203.
- Кошеленко Г.А., Никитин А.Б.* Отчет о работе отряда по составлению археологической карты Мервского оазиса. 1982 г. // Архив ИА РАН. 1982. Р-1. № 10007.
- Кошеленко Г.А., Новиков С.В.* О коропластике Маргианы эллинистического периода // СА. 1999. № 4. С. 54–64.
- Кругликова И.Т.* Раскопки западного храма в Дильберджине (Афганистан) в 1974–1977 гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VII. М.; Магнитогорск, 1999. С. 5–60.
- Литвинский Б.А.* Орудия труда и утварь из могильников западной Ферганы. М.: Наука, 1978 (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии; Т. IV). 216 с.
- Литвинский Б.А., Мухитдинов Х.* Античное городище Саксонохур (Южный Таджикистан) // СА. 1969. № 2. С. 160–178.
- Мешкерис В.А.* Змея – хтонический атрибут Маргианской богини // КСИА. 1985. Вып. 184. С. 35–42.
- Мешкерис В.А.* Согдийская терракота. Душанбе: Дошиш, 1989. 328 с.
- Мухитдинов Х.* Статуэтки женского божества с зеркалом из Саксонохура // СЭ. 1973а. № 5. С. 99–107.
- Мухитдинов Х.* Терракоты Саксонохура как источник по истории и культуре Северной Бактрии: Автореф. ... канд. ист. наук. Душанбе, 1973б. 21 с.
- Пугаченкова Г.А.* Маргианская богиня // СА. 1959. Т. XXIX–XXX. С. 119–140.
- Пугаченкова Г.А.* Коропластика древнего Мерва // Тр. ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад: Изд-во АН Туркм. ССР, 1962. С. 117–173.
- Пугаченкова Г.А.* Искусство Туркменистана. Очерк с древнейших времен до 1917 г. М.: Искусство, 1967. 326 с.
- Ремпель Л.И.* Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы // Тр. ЮТАКЭ. Т. I. Ашхабад: Изд-во Туркм. филиала АН СССР, 1949. С. 332–372.
- Сулейманов Р.Х.* Древний Нахшаб. Самарканд; Ташкент: Фан, 2000. 342 с.
- Cumont F.* Rapport sur une mission à Salihyeh sur l'Euphrate // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1923. V. 67. № 1. P. 12–41.
- Gardin J.-C.* Ceramiques de Bactres // MDAFA. T. XV. Paris: Klincksieck, 1957. P. 18–97.
- Invernizzi A.* Figure Panneggiate dalla Mesopotamia ellinizata // Mesopotamia. VIII–IX. Torino: Le Lettere, 1973–1974. P. 181–229.
- Pumpelly R.* Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. V. I–II. Washington. 1908. 542 p.
- Simpson St.J., Herrmann G.* Through the glass darkly reflections on some ladies from Merv // Iranica Antiqua. Leuven, 1995. V. XXX. P. 141–158.
- Shishkina G.V.* Ancient Samarkand: Capital of Soghd // Bulletin of the Asia Institute. Michigan, 1994. № 8. P. 81–99.
- Tanabe K.* Earliest aspect of Kanishka's religious ideology. A numismatic approach // In the land of the gryphons. Turin, 1995 (Papers on Central Asian archaeology antiquity). P. 203–216.

МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ДАШЛЫ 45 (Каахкинский район, Туркменистан)

© 2014 г. В.Н. Пилипко

Институт археологии РАН, Москва (pilipko2002@mail.ru)

Ключевые слова: *материальная культура Средней Азии, эллинистический период, Южный Туркменистан, Дашлинский оазис.*

The article presents the results of the explorative excavations of the small settlement Dashly-45 which is situated approximately in 100 km to the East of Ashkhabad. The founded pottery complex is dated to the 3rd c. B.C.

Изучение материальной культуры эллинистического времени в Средней Азии сопряжено с большими трудностями, так как слои этого периода в подавляющем большинстве перекрыты мощными отложениями последующих исторических эпох. Материальная культура рассматриваемого периода известна преимущественно по небольшим наборам находок из стратиграфических шурфов и раскопов. Этого явно недостаточно даже для ее общей характеристики. Проблемы, связанные с изучением памятников этого времени, относительно недавно на примере Бактрии рассмотрел Л.М. Сверчков (2006).

Подобное состояние дел стимулировало специализированный поиск и исследование памятников эллинистического периода на территории Южного Туркменистана. Результатом этих усилий стало обнаружение и раскопки ряда соответствующих объектов в подгорной полосе Копетдага. Данная статья посвящена результатам контрольных раскопок на одном из них – поселении Дашлы 45. Оно находится на северо-западной окраине Дашлинского оазиса, расположенного примерно в 100 км восточнее Ашхабада (Пилипко, 1982). В плане это неправильный четырехугольник площадью около 3500 м², незначительно возвышающийся над окружающей равниной. Максимальная высота всхолмления – 0,7 м (рис. 1, 1). Поселение открыто Парфянской экспедицией Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР в 1980 г. Тогда же в центре холма был заложен разведывательный шурф размерами 3×2 м, установивший максимальную мощность культурных отложений – 1,2 м. В последующие три года в северо-восточной части холма проведены раскопки на площади 300 м². Этими исследованиями выявлены плохо сохранившиеся

остатки пахсовых стен, не дающие четкого представления о планировке объекта, но свидетельствующие о том, что холм является остатками одной крупной жилой постройки (рис. 1, 2). В раскопе зафиксированы небольшие по толщине культурные слои¹ трех периодов обживания, относящихся к эллинистической эпохе.

Нижний стратиграфический горизонт представлен тремя прослойками уплотненного мусора, залегающего непосредственно на материке – древнем погребенном такыре. Общая толщина прослоек – 10–15 см, и их можно рассматривать как полы какого-то раннего жилого объекта. Верхняя из прослоек перекрыта остатками стен второго стратиграфического горизонта. Сохранность их очень плохая – до 20–25 см в высоту, и они повреждены перекопками третьего периода функционирования. Планировка иррегулярная, толщина основных стен – около 1,5 м. Наиболее крупное “помещение 1”, вероятно, представляет собой остатки двора, в нем обнаружен очаг (рис. 1, 2). Остатки строений верхнего стратиграфического горизонта в данном раскопе зафиксировать не удалось: из-за сильной засоленности почвы кроющийся слой холма превратился в так называемую пушонку.

Наиболее многочисленную группу находок составляет керамика. Большая ее часть происходит из крупной мусорной ямы третьего, верхнего периода обживания. Каких-либо существенных различий между керамическими находками из нижних и верхнего горизонтов обнаружить не удалось, поэтому в настоящей работе вся керамика с Дашлы 45

¹ На периферийных участках холма культурный слой сильно разрушен процессами дефляции. В пределах раскопа его толщина составляла 40–70 см.

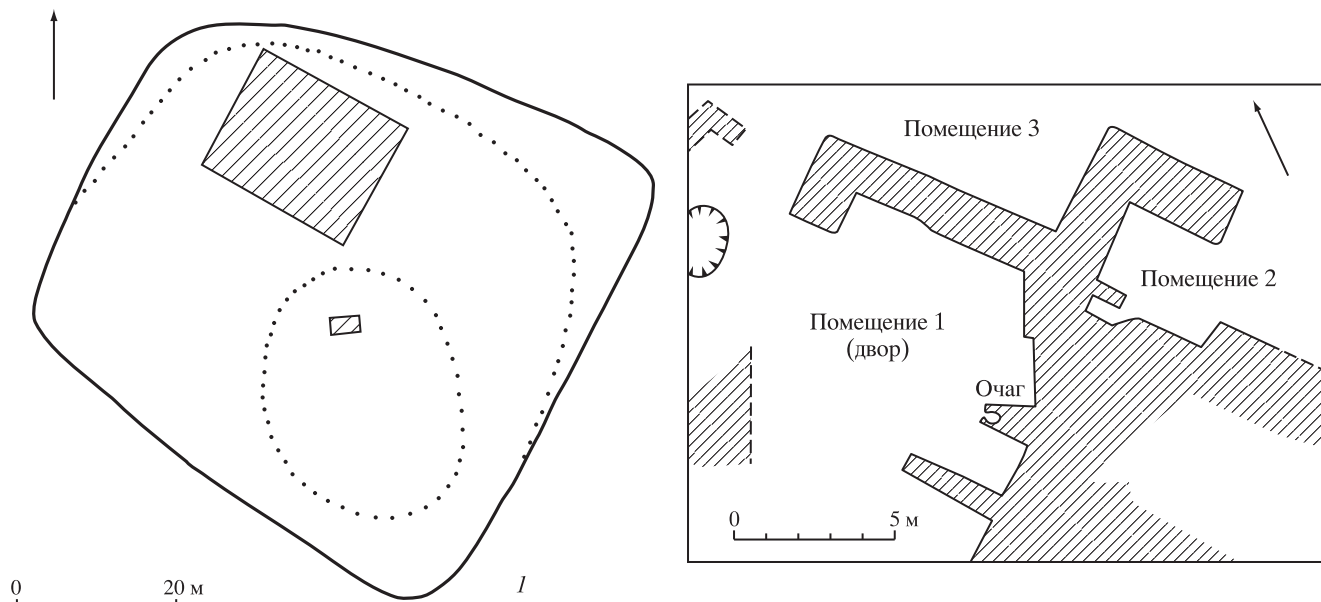

Рис. 1. План поселения Дашлы 45 (1), архитектурные остатки 2-го стратиграфического горизонта (2).

рассматривается как единый комплекс. Всего учтено 851 единица сосудов (подсчет по венчикам).

В фактурном отношении выделяются три группы. Наиболее многочисленную составляет круговая керамика хорошего качества (98%). Черепок в изломе чаще всего красно-коричневый, коричневый, реже розовый, кремевый, желтый, светло-зеленый. Внешняя поверхность цвета черепка или желтая. Иногда на внешней поверхности встречаются небрежные мазки красного (бурого) ангоба. Часто ангоб наносился широкой полосой по плечу или верхнему краю венчика. В небольшом количестве имеются чаши, внутренняя поверхность которых полностью покрыта красным ангобом. Единичными находками представлены красноощенные сосуды. Вторую немногочисленную группу (около 1%) составляет лепная кухонная керамика с темно-коричневым или черным в изломе черепком и примесью зерен кальцита в глиняном тесте. Третью группу представляют лепные жаровни с обильной примесью шамота в формовочной массе.

Классификация керамики по формам значительно затруднена сильной фрагментарностью обнаруженных изделий, поэтому она носит предварительный характер. В ее основу положено разделение сосудов по формам венчика, горловины и верхней части тулова. В некоторых случаях делаются попытки полной реконструкции формы.

Закрытые формы. 1. Хумы. Это крупные толсто-стенные безгорловинные горшкообразные сосуды высотой около 1 м. Один из диагностических признаков этих изделий – толщина стенок более 1.5 см.

По общему абрису выделяются две разновидности. Одна из них имела широкое устье, сильно раздутый в верхней трети резервуар, плавно сужающийся к небольшому плоскому дну, диаметром 18–24 см (рис. 2, 9). Коэффициент отношения высоты к наибольшему диаметру тулова составляет примерно 1.2. Венчики преимущественно в виде подтреугольного утолщения, служащего продолжением наклоненной внутрь стенки (рис. 3, 4). Хумы этой категории можно характеризовать как яйцевидные.

Другая разновидность хумов имела более широкое устье (около 50 см) и пологие (резко падающие вниз) плечики (рис. 3, 3). Точные их пропорции не устанавливаются, наиболее вероятно, что они имели бокаловидную форму. Известна еще одна разновидность венчиков – манжетовидные (рис. 3, 5).

2. Корчаги. Целых форм нет. По имеющимся обломкам венчиков можно предполагать существование двух основных разновидностей. Одна из них – это крупные безгорловинные горшки с большим диаметром венчика (30–45 см) и крутыми плечиками (рис. 3, 1, 2, 26, 32). Судя по этим признакам, данные изделия обладали приземистыми шаровидными или даже эллипсоидными вытянутыми по горизонтали резервуарами. Для второй разновидности характерна удлиненная по вертикали форма тулова (рис. 3, 9, 14). Эти изделия, вероятно, имели бочковидную форму корпуса. Почти все крупные и даже средних размеров горшки внизу имели слабо выраженный излом профиля, связанный с технологическим приемом их формовки в чашевидных подставках (рис. 3, 36–38; 5, 8, 9).

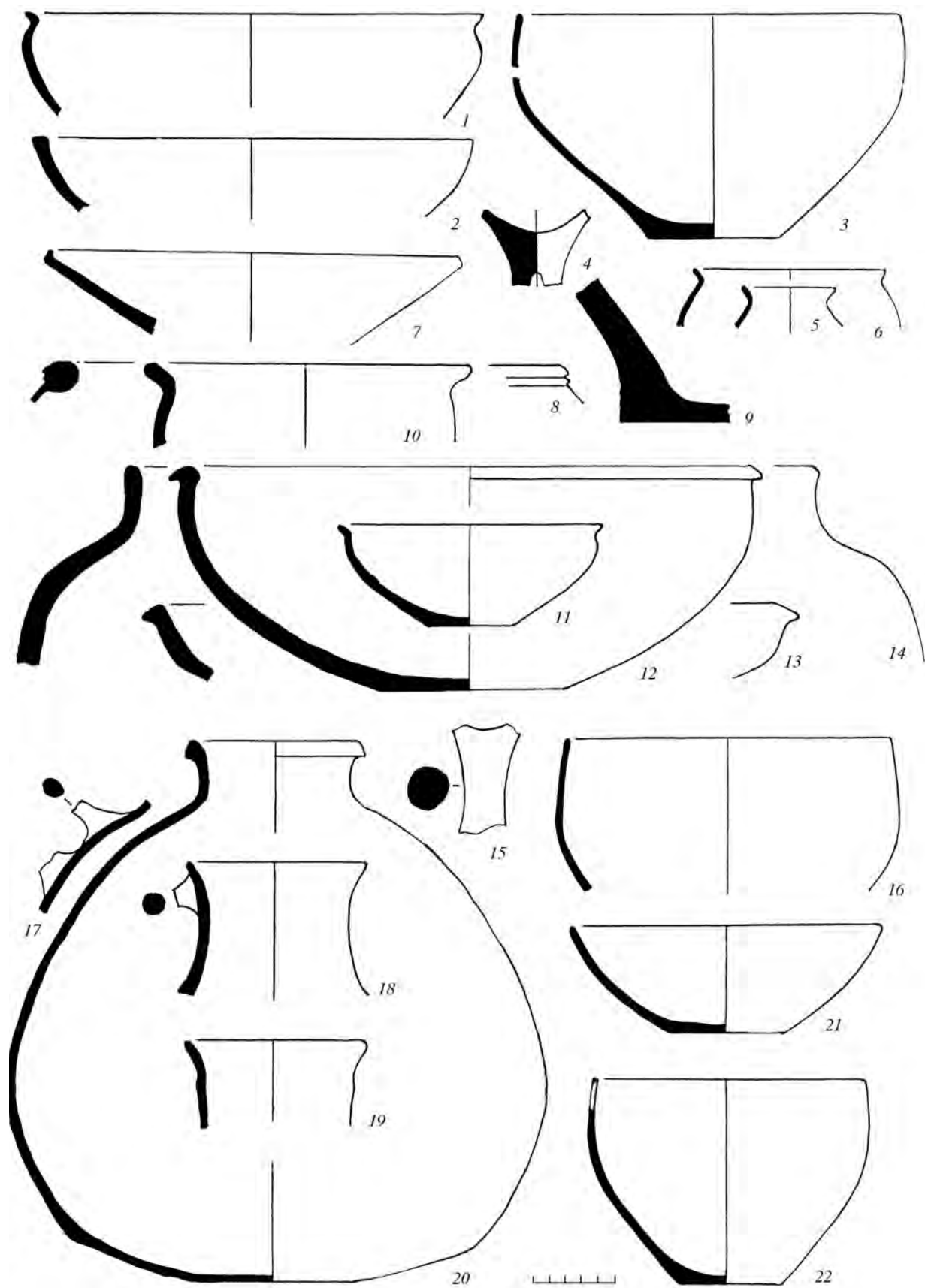

Рис. 2. Керамика из верхнего слоя раскопа.

3. Горшки средних размеров с шаровидным туловом. Диаметр венчика – 20–30 см. Стенки относительно тонкие, обычно меньше 1 см. Целых изделий нет. Полная форма на основании имеющихся фрагментов реконструируется следующим образом. Горловина отсутствует, верхняя часть стенки всегда наклонена внутрь. Утолщенные или отогнутые наружу венчики очень разнообразны по профилю (рис. 4). Форма резервуара шаровидная или даже овальная, вытянутая по горизонтали (рис. 3, 24). При переходе к плоскому дну имеется низкий слабовыраженный подкос (рис. 5, 6, 8, 9). Дно неровное, без обработки со следами песчаной подсыпки – сосуды формовались в чашевидных подставках.

4. Безгорловинные горшки с массивным валикообразным венчиком. Этот редкий вариант выделен в отдельный тип из-за необычной формы венчика. При очень тонких стенках он имеет вид крупного круглого в сечении валика. Диаметр венчиков – около 30 см (рис. 2, 8). Резервуар, вероятно, шаровидный.

5. Широкогорлые горшки с коротким отогнутым наружу венчиком и короткими плечиками, переходящими в почти цилиндрическую емкость. Низкий подкос едва выражен (рис. 5, 10). Диаметр венчика – 12–20 см (рис. 3, 6, 7, 13).

6. Небольшие горшки с шаровидным (?) туловом и коротким плавно отогнутым наружу приотстренным венчиком (рис. 3, 29).

7. Средних размеров горшки с невысокой, но широкой раструбообразной горловиной. Венчик образован простым округлением края стенки. Плечики короткие, крутые, наибольший диаметр тулова значительно превышает диаметр венчика. Форма резервуара точно не определяется (рис. 3, 17).

8. Крупные узкогорлые горшки. Многие исследователи характеризуют их как кувшины, но ни у одного подобного сосуда наличие ручки достоверно не зафиксировано. Диаметр венчика – 11–14 см. Они имеют невысокую, но четко выраженную горловину, сильно раздутое каплевидное или бочковидное туловище, сформованное в чашевидной подставке. Венчик обычно имеет вид округлого валика (рис. 3, 19, 23) или треугольного утолщения со скошенной наружу площадкой. Известно одно подобное археологически целое изделие (рис. 2, 20).

9. Небольшие тонкостенные горшочки с плавно отогнутым наружу удлиненным воротничком и предположительно шаровидным резервуаром. Диаметр венчика – 6–13 см (рис. 2, 5, 6; 3, 28).

10. Кувшины с широкой низкой горловиной, образованной плавным отворотом стенки. По про-

филю близки к узкогорлым горшкам, но венчики у них без валикообразного утолщения, напротив, часто приотстрены. Вислая круглая в сечении ручка верхним концом прикреплена у венчика (рис. 3, 16). Значительно реже встречаются ручки, прикреплённые только к плечу (рис. 2, 17). Диаметр венчика – 11–14 см. Точных представлений о форме резервуара нет, но есть основания предполагать, что кувшины изготовлялись по новой технологии и не имели “подкоса” при переходе к относительно широкому плоскому дну (рис. 5, 7).

11. Кувшины с высокой и средневысокой горловиной. Высота горловины составляет не менее половины ее диаметра, известны несколько разновидностей (рис. 2, 18, 19; 3, 18, 22). Ручки вислые, круглые в сечении, верхним корнем крепятся у венчика (рис. 2, 18). Обнаружено несколько горловин со сливами, образованными деформацией стенки (подобия ойнохой). Среди находок имеется несколько обломков цилиндрических сливов-носиков (рис. 3, 27), но невозможно определить, с каким именно типом сосудов они связаны.

12. Фляги представлены двумя экземплярами горловин, имеющих вид невысокого усеченного конуса, венчик подтреугольных очертаний. Диаметр имеющихся горловин – 6–7 см (рис. 3, 12). Они формовались на круге, отдельно от резервуара.

13. Крупные кухонные котлы. Изделия этого вида отличаются большими размерами и широким устьем. Диаметр венчиков у известных экземпляров составляет 32–42 см. Для них характерны плечики с крутым изгибом стенки, невысокая горловина в виде вертикально поставленного бортика, венчик, образованный простым округлением края стенки, и крутые плечики, переходящие в почти цилиндрическую среднюю часть резервуара (рис. 2, 14). По аналогиям, среди материалов с Коша-депе у Бабадурмаза можно предполагать, что туловище подобных котлов в вертикальном сечении имело условно восьмигранную форму (Пилипко, 1987).

14. Малые кухонные котлы. Эта разновидность котлов по своей форме занимала среднее положение между широкогорлыми горшками и очень глубокими мисками. Отогнутый наружу венчик-бортик переходил в тулово шаровидной или цилиндрической формы (рис. 2, 10). Диаметр единственного подобного венчика – около 20 см. Все кухонные котлы были снабжены широкими плоскими днищами.

Открытые формы условно делятся на четыре основных вида: чаши, миски, тазы и бокалы. Критерием для разделения первых трех служит величина наибольшего диаметра: до 20 см – чаши, 20–30 – миски, свыше 30 – тазы. Дополнительные

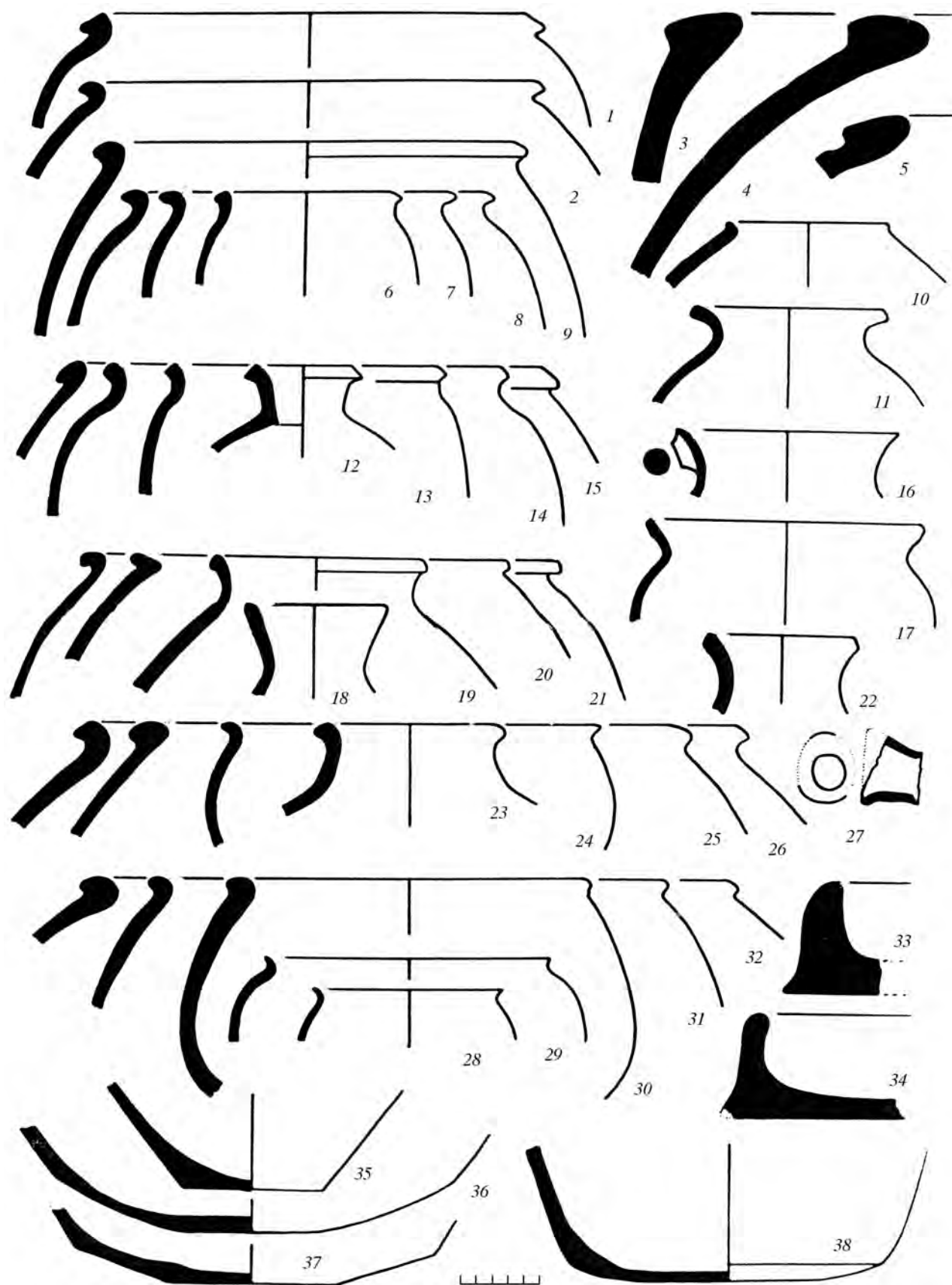

Рис. 3. Хумы, корчаги, горшки, фляги, жаровни.

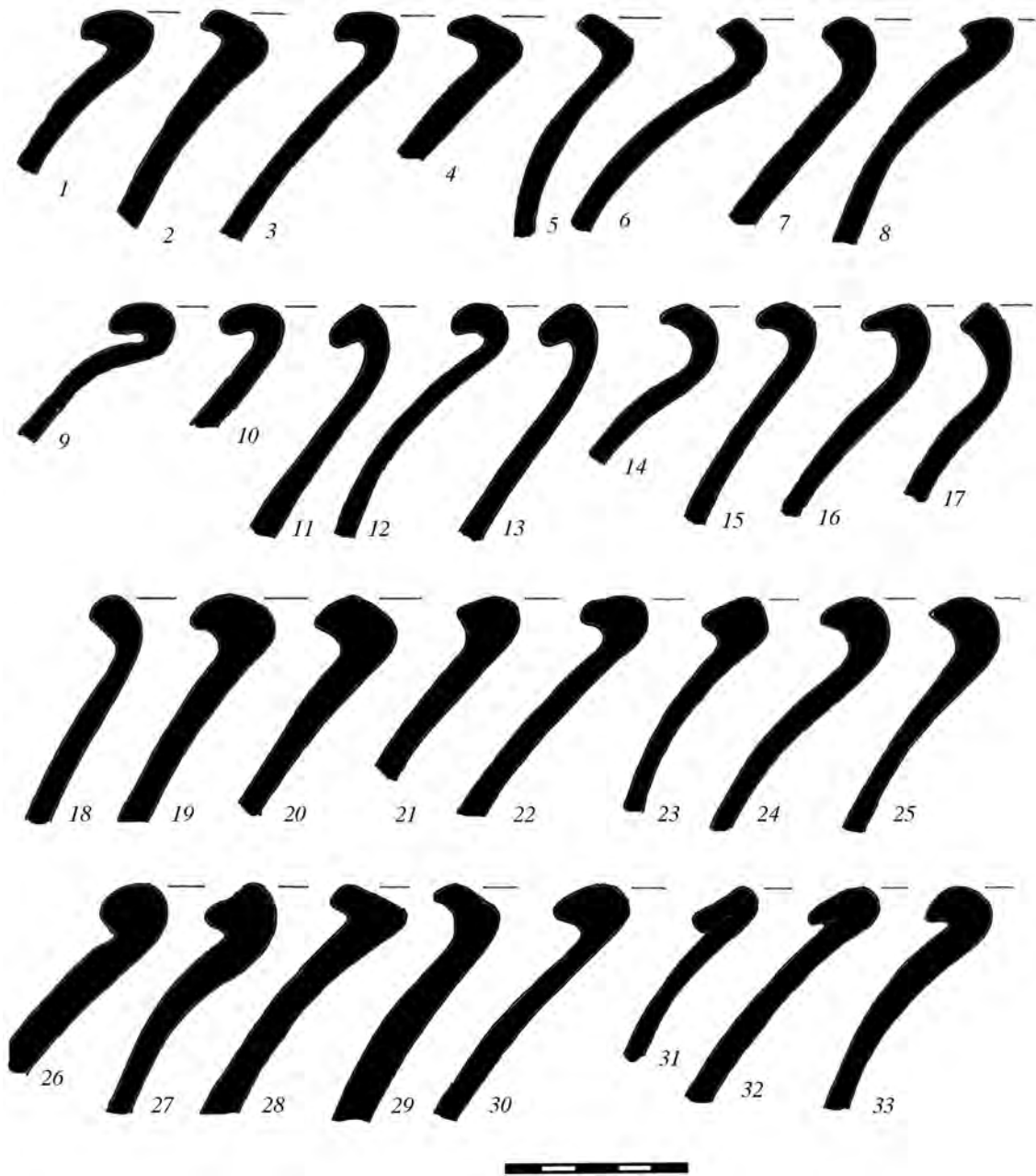

Рис. 4. Вариации профилей горшков.

корреляционные признаки для подобного деления – толщина стенок и техника изготовления, тазы и крупные миски формовались в подставках.

Как в случае с горшками, четкая привязка формы венчика к определенному типу изделия отсутствует. Венчики известны приостренные, скругленные, утолщенные – выступающие внутрь или наружу (последние можно также характеризовать как отогнутые). Единственный вид венчика, связанный только с одной категорией сосудов открытого типа, – это венцы, утолщенные в обе стороны

(внутри и наружу), они характерны лишь для тазов. Следует отметить, что в рассматриваемом комплексе достаточно устойчивой величиной была общая форма профиля. Для наглядности обратимся к чашам со ступенчатым перегибом стенки. Меняя угол наклона профиля относительно горизонтальной оси и диаметр сосуда, гончар получал весь набор изделий открытого типа от фиал до бокалов.

Заканчивая это общее введение, необходимо отметить, что в рассматриваемом комплексе “бокалы” формально следует определять как разно-

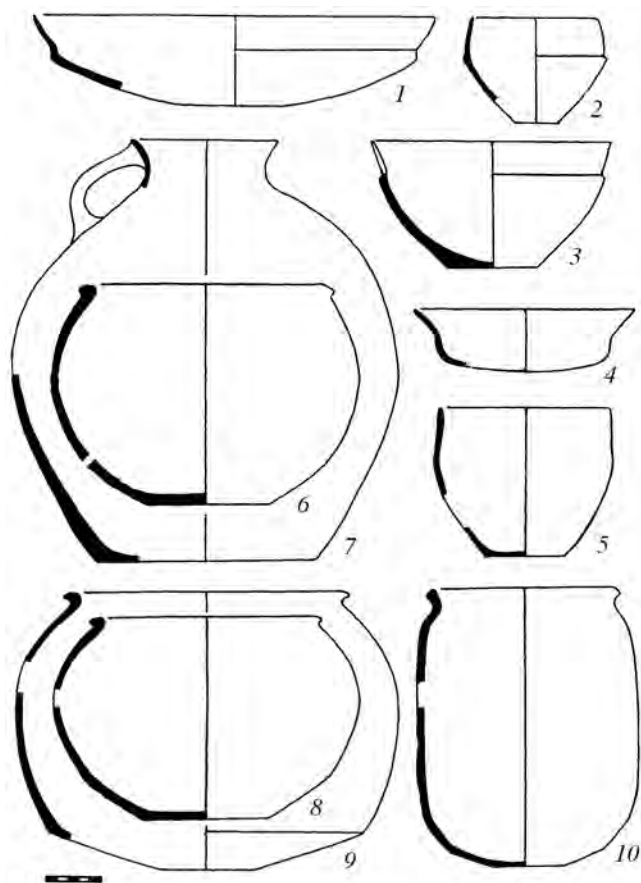

Рис. 5. Условная реконструкция некоторых форм.

видность глубоких чаш. Но дальнейшее развитие данной формы заставляет называть ее именно бокалами.

15. Чаши в виде шарового сегмента представляют собой сосуды открытого типа с выпуклыми стенками. Постановка скругленного венчика близка к вертикальной. У археологически целых сосудов донца плоские, но часть чаш могла быть круглодонной (рис. 6, 16). В зависимости от соотношения высоты изделия и диаметра его венчика выделяется три варианта: глубокие чаши – высота составляет больше половины диаметра венчика (рис. 2, 3, 16; 6, 6, 7, 16, 30), средневысокие (рис. 2, 21; 6, 13, 33) и блюдцеобразные – высота менее четверти диаметра венчика (рис. 6, 20, 26).

16. Чаши в виде шарового сегмента с утолщенным с внутренней стороны венчиком (рис. 6, 3, 12).

17. Глубокие чаши в виде шарового сегмента с коротким круто отогнутым наружу венчиком, расположенным под углом к горизонтали (рис. 2, 11; 6, 4).

18. Конические чаши с прямыми или почти прямыми стенками (рис. 6, 8, 13).

19. Чаши со ступенчатым перегибом средней части стенки. Постановка стенки, как правило, полая, но встречаются и круто поставленные (рис. 5, 3). По профилю выделяются разновидности: первая имеет округлую нижнюю часть резервуара (рис. 5, 4; 6, 1), вторая – коническую (рис. 6, 17). Различаются эти чаши и по характеру перегиба, иногда он резкий, но чаще плавный.

20. Коническая чаша с коротким венчиком-бортиком. Этот тип представлен единственным экземпляром (рис. 2, 7). Его можно рассматривать как не получивший широкого распространения гибридный вариант, происходящий от чаш типов 18 и 19.

21. Глубокие полусферические чаши с косо отогнутым заостренным венчиком (рис. 6, 9, 27).

22. Блюдца. Мелкие чаши в виде небольшого шарового сегмента различаются по величине изгиба стенки (рис. 6, 20, 26).

23. Бокалы или бокаловидные чаши. Это глубокие чаши со слабовыпуклыми стенками, соотношение высоты к диаметру венчика приближается к единице. Постановка венчика близка к вертикальной. Контур стенки бывает плавно очерченным (рис. 2, 22) или с заметным перегибом (рис. 5, 5), последние можно рассматривать как биконические. Определенно как цилиндроконические бокалы следует рассматривать изделия со ступенчатым перегибом стенки (рис. 5, 2; 6, 5), ведущие свое происхождение от чаш типа 19 (рис. 5, 3).

24. Миски в виде шарового сегмента. Венчик образован простым округлением края стенки (рис. 2, 2; 6, 35).

25. Миски полусферические с утолщенным с внутренней стороны венчиком (рис. 6, 28).

26. Миски полусферические с плавно отогнутым наружу венчиком. Как и у чаш типа 17, венчик сохраняет наклонное положение к линии горизонта (рис. 2, 1; 6, 22).

27. Миски с цилиндроконическим силуэтом, переход от верхней цилиндрической части к нижней конической скруглен (рис. 6, 31).

28. Миски со ступенчатым перегибом стенки. Они бывают глубокие (рис. 6, 18) и мелкие (рис. 5, 1).

29. Мелкие миски (тарелки) с пологими стенками и горизонтально отогнутым венчиком. Высота составляет менее трети диаметра венчика (рис. 6, 14).

30. Тазы с полусферической формой резервуара и подтреугольным, выступающим наружу венчиком. Они бывают глубокие (рис. 6, 19, 24) и мелкие

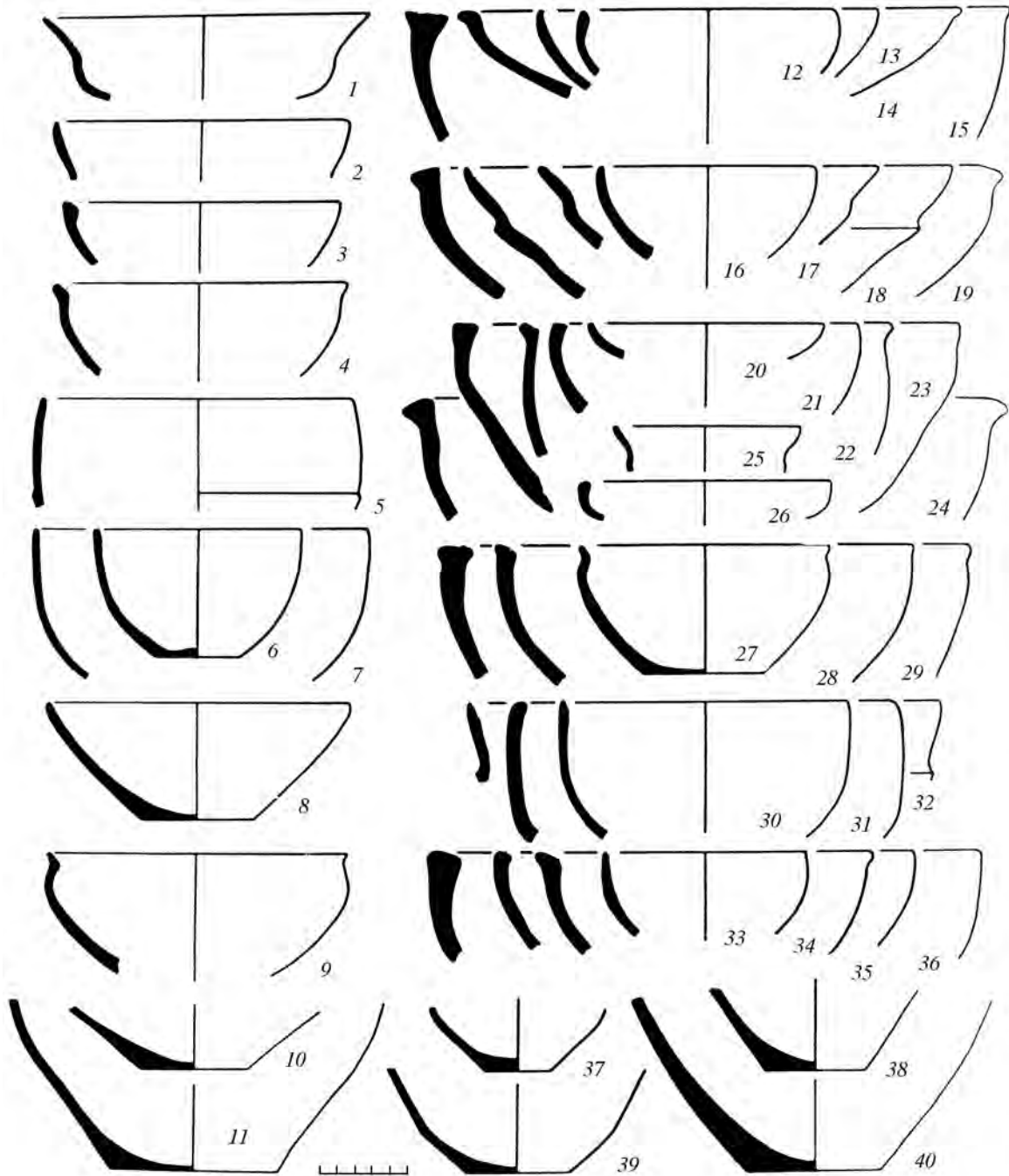

Рис. 6. Сосуды открытого типа.

(рис. 2, 13). Наряду с массивными явно хозяйственными лоханями имеются изделия, не лишенные изящества (рис. 2, 12). Они, возможно, использовались как столовые “вазы”.

31. Тазы с полусферической формой тулова и утолщенным с внутренней стороны венчиком (рис. 6, 36).

32. Глубокие тазы с утолщающимся в обе стороны венчиком, верхняя его площадка плоская (рис. 6,

15, 29). Постановка верхней части стенки близка к вертикальной, некоторые экземпляры имеют почти цилиндрический силуэт (рис. 6, 23). Диаметр венчиков – до 44 см.

33. Жаровни (сковороды). Массивные плоские диски с невысокими вертикально поставленными бортиками. Диаметр жаровен – 30–40 см (рис. 3, 33, 34).

Количественное распределение керамики по типам затруднено плохой сохранностью материала

Количественные данные о разных видах керамических изделий с поселения Дашлы 45

Виды изделий	Количество	%
Хумы	9	1.05
Корчаги	56	6.58
Горшки большие	244	28.79
Горшки малые	41	4.82
Узкогорлые горшки и кувшины	56	6.58
Фляги	2	0.23
Чаши и бокалы	223	26.23
Миски	125	14.70
Тазы	52	6.11
Кухонные горшки	6	0.70
Жаровни	8	0.94
Сосуды на ножке	5	0.58
Точно неопределенные	24	2.84
Всего	851	100.0

и обилием переходных не устоявшихся типов. По этим причинам возможны лишь самые общие подсчеты (таблица). Численность закрытых и открытых форм примерно одинакова. Наиболее представительны широкогорлые корчаги, горшки средних размеров и чаши в виде шарового сегмента. Из-за сильной фрагментированности некоторые формы остались вне пределов классификации. Например, отсутствует представление о полной форме сосудов с носиками: среди находок имеется два обломка трубчатых носиков разного диаметра (рис. 3, 27). Находки фрагментов высоких ножек указывают на существование каких-то вазообразных сосудов (рис. 2, 4, 15). В комплекс входили также кувшины или горшки с ручкой, прикрепленной только к плечу (рис. 2, 17).

Наиболее показательными формами комплекса следует считать корчаги и горшки со слабовыраженным, деградирующим “подкосом”, чаши, миски и бокалы со ступенчатым перегибом стенки. Оригинальны также тазы с двухсторонне утолщенными венчиками. Как особенность комплекса следует рассматривать локальное использование красного (бурого) ангоба на некоторых сосудах, преимущественно столового назначения.

Помимо керамики в раскопе найдено около двух десятков фрагментов “зернотерок” из серого и розоватого песчаника. Выделяются следующие типы. Первый – крупные прямоугольные плиты со слегка вогнутой рабочей поверхностью. Одна такая целая зернотерка имеет рабочее поле размерами 35x20 см (рис. 7, 3). Вторую более многочисленную разновидность составляют узкие зернотерки ладьевидной формы. Их ширина – 10–12 см, длина реконструируется в пределах 30–35. Целых экземпляров нет. Рабочая поверхность в продольном сечении

слегка вогнутая, а в поперечном, напротив, выпуклая (рис. 7, 2). Тыльная сторона округлая, обычно без тщательной обработки. Мелкие заглаженные обломки зернотерок использовались как куранты (рис. 7, 5, 6). Найдена нижняя часть каменной ступки. Она изготовлена также из песчаника и имеет вид цилиндра: наружный диаметр – 18 см, внутренний – 14, сохранившаяся высота – 11 (рис. 7, 7). Из камня изготовлена также грубая поделка с замкнутым желобком посередине (рис. 7, 4). Это мог быть каменный молот или грузило, использующееся при изготовлении циновок. Как подпятник, или своеобразный подшипник, могла использоваться круглая галька с небольшим углублением в центре (рис. 7, 1).

Обитатели поселения использовали также оселки, имеющие вид овальных или прямоугольных в сечении пластин (рис. 8, 4, 5). Небольшим обломком стенки представлен выточенный на станке сосуд из мягкого розоватого камня (гипс?). Сохранилась средняя цилиндрическая часть сосуда диаметром 13.5 см. Внешняя его поверхность украшена мелкими горизонтальными канелюрами (рис. 8, 6).

К числу важных для датировки находок принадлежит бронзовый наконечник стрелы. Он трехпе-

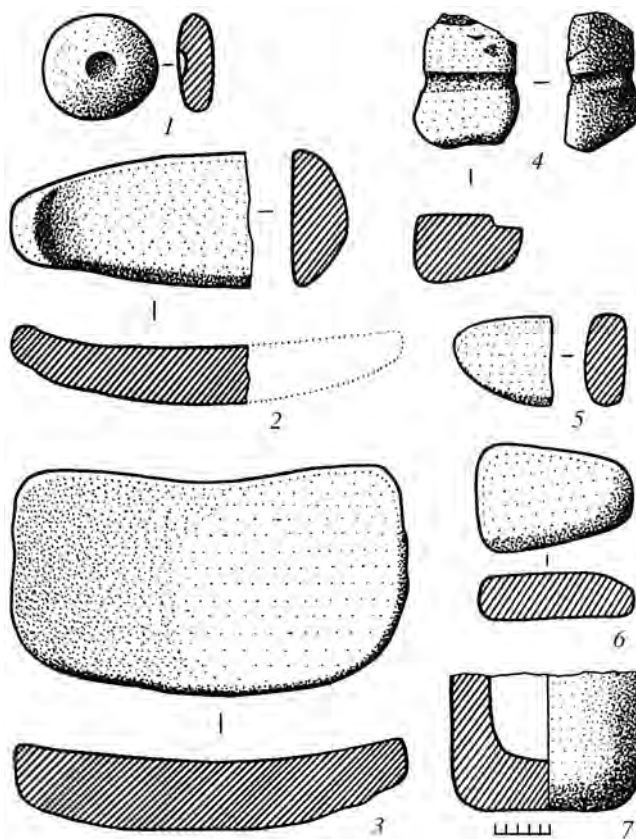

Рис. 7. Каменные изделия.

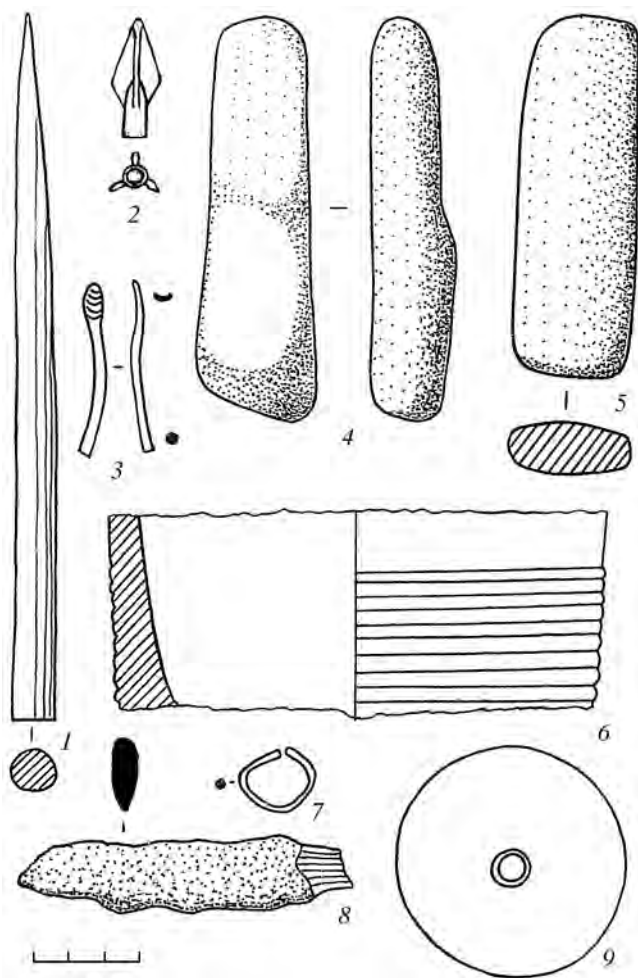

Рис. 8. Мелкие находки.

рый с короткой выступающей втулкой. Очертание головки можно определять как листовидное или сглаженное ромбовидное. Лопастие тонкие, четко выделенные. Общая длина наконечника – 3.5 см (рис. 8, 2). Наконечник найден в заполнении мусорной ямы третьего (верхнего) стратиграфического горизонта. Среди других изделий из бронзы имеются две кольцевые серьги, изготовленные из тонкой круглой в сечении проволоки (рис. 8, 7), и обломок косметической палочки, от которой сохранилась лишь часть стержня диаметром 0.3 см, расплюснутый его конец образует небольшую вогнутую лопаточку (рис. 8, 3). Железные изделия представлены лишь одной находкой. Это сильно сточенный нож с прямым лезвием и плоским черешком, сохранившим следы насадки деревянной ручки (рис. 8, 8). Из подшлифованного обломка керамического сосуда изготовлено “пряслице”. Это плоский диск диаметром 6.6 см, диаметр центрального отверстия – 0.8 (рис. 8, 9). Костяные изделия представляет длинный конический стержень. Поверхность первоначально обработана каким-то грубым

абразивом, а затем заполирована (возможно, в процессе использования). Один конец ровно спилен, второй заострен. Длина стержня – 20.1 см, наибольший диаметр – 1.3 (рис. 8, 1). Назначение его не ясно.

Памятники эллинистического периода в Дашлинском оазисе представлены небольшими обособленными расположенными однослойными поселениями. Их относительная и абсолютная хронология определяется только на основании сравнительного анализа. Некоторые ориентиры для датировки Дашлы 45, казалось бы, должен дать наконечник стрелы. Подобные бронзовые трехпалые наконечники с листовидной головкой и выступающей втулкой известны в обширном ареале, включающем Среднюю Азию, и уверенно датируются VII–IV вв. до н.э. (Смирнов, 1961. С. 44, 45; Ягодин, 1984; Шишкина и др., 1985. Табл. СXXX; Литвинский, 2001. С. 69–71).

Сравнение керамики Дашлы 45 с другими среднеазиатскими комплексами V–IV вв. до н.э. показывает, что рассматриваемый памятник относится к более позднему времени². Здесь нет мелких цилиндроконических “банок”, присущих всем “ахеменидским” комплексам основных земледельческих областей Средней Азии. Нет также фигурных (манжетовидных) венчиков корчаг. Вместе с тем прослеживается определенная преемственная связь. Прежде всего она проявляется в использовании традиционного для раннего железного века способа формовки сосудов в чашевидных подставках. Следствие применения подобной технологии – “подкос”, резкий перегиб профиля в придонной части сосуда. В керамике Дашлы 45 этот прием себя уже изживает, подкосы становятся очень низкими и слабо выраженными. Сосуды часто не подвергаются дополнительной обработке в перевернутом виде и сохраняют следы песчаной подсыпки на дне и подкосе. Вторым связующим звеном служат чаши и миски со ступенчатым изгибом стенки. В ахеменидский период такая форма профиля чаш первоначально была выработана в торежке, а затем получила распространение в керамике. Подобные изделия известны среди материалов Персеполя (Schmidt, 1957. Pl. 72, 1, 2) и Пасаргад (Stronach, 1978. Fig. 106). В эллинистический период керамические чаши подобной формы распространились практически по всему Ирану, особенно они были популярны в северных и восточных его областях (Haerink, 1983. P. 246).

При рассмотрении среднеазиатских комплексов эллинистического периода необходимо обращать внимание не только на технологические и морфо-

² В Дашлинском оазисе этот комплекс наиболее полно представлен материалами поселения Дашлы 3 (Пилипко, 1986).

логические новации. Изменения коснулись и количественного соотношения отдельных видов сосудов. Эллинистический период характеризуется резким увеличением доли мелких столовых чаш и бокалов. В ахеменидский период господствовала традиция совместного приема пищи из сосудов большого объема. Греки принесли в Среднюю Азию обычай использования индивидуальной посуды. Эта манера приема пищи постепенно была воспринята местным населением, что привело к массовому изготовлению мелкой столовой посуды.

Появление бокалов, фляг, чаш с отогнутым наружу венчиком, увеличение количества кувшинов, небольших по размерам горшков, хумов с манжетовидными венчиками сближает комплекс Дашлы 45 с керамическими наборами раннеаршакидского периода II–I вв. до н.э.), наиболее ярко представленными в Каахкинском р-не материалами с поселения Коша-депе у Бабадурмаза (Пилипко, 1980).

Между тем при несомненной преемственной связи достаточно отчетливо прослеживаются и различия. В раннеаршакидских комплексах окончательно исчезает традиция изготовления сосудов в чашевидных подставках, соответственно выходят из употребления изделия с подкосами. Среди тарных сосудов основной емкостью становятся хумы, соответственно значительно уменьшается доля корчаг.

Таким образом, сравнительный анализ керамики показывает, что комплекс Дашлы 45 занимает промежуточное положение между комплексами позднего этапа раннего железного века (V–IV вв. до н.э.) и комплексами, датируемыми II–I вв. до н.э. Соответственно его можно относить к III в. до н.э.

Сопоставление Дашлы 45 с другими памятниками эллинистического периода, расположенными в этом же регионе: средний слой поселения Коша-депе у Бабадурмаза (Пилипко, 1987) и Капыр-кала у Каушута (Пилипко, 1990), дает основания предполагать, что Дашлы 45 на несколько десятилетий моложе Коша 2 и на несколько десятилетий старше Капыр-кала. Однако надежных данных для уточнения датировки всех трех памятников в пределах эллинистического периода пока нет.

Что касается наконечника стрелы, датировка которого противоречит предложенному выше хронологическому определению, то на данном, начальном этапе исследований этот конфликт можно объяснить следующим образом. Появление наконечника на поселении могло быть обусловлено случайностью. Дашлинский оазис активно осваивался в ахеменидский период, ближайшее поселение этого времени расположено примерно в километре от Дашлы 45. Поднятый на недавних руинах наконечник стрелы вполне мог быть принесен на рассматриваемое по-

селение. Необходимо также учитывать, что сведения о продолжительности использования наконечников того или иного типа постоянно уточняются. Нельзя исключить, что наконечники данного вида в небольшом количестве могли использоваться и в III в. до н.э. Существует мнение, что в Средней Азии замена одних видов наконечников другими происходила более медленными темпами. Показательно, что на Тахти Сангине, памятнике эллинистической эпохи, такие наконечники также имеются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии. Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Вост. литература, 2001. 528 с.
- Пилипко В.Н.* Парфянский слой поселения Коша-депе у Бабадурмаза // СА. 1980. № 4. С. 213–231.
- Пилипко В.Н.* Некоторые итоги разведывательного изучения Дашлинского оазиса в Каахкинском районе ТССР // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. Ашхабад, 1982. № 5. С. 12–15.
- Пилипко В.Н.* Ранний железный век Этека (Туркменистан) // Информ. бюлл. МАИКЦА. Вып. 11. М.: Наука, 1986. С. 8–18.
- Пилипко В.Н.* Средний слой юго-западного холма поселения Коша-депе у Бабадурмаза // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. Ашхабад, 1987. № 5. С. 52–59.
- Пилипко В.Н.* Раннеантичное поселение Капыр-кала у Каушута // Древняя и средневековая археология Средней Азии. Ташкент, 1990. С. 60–76.
- Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР, 1961 (МИА; № 101). 176 с.
- Сверчков Л.М.* Опыт синхронизации керамических комплексов эпохи эллинизма (Кампыртепа, Термез, Джигатеп, Курганзол) // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 5. Ташкент: San'at, 2006. С. 105–124.
- Шишкина Г.В., Сулейманов Р.Х., Кошеленко Г.А.* Согд // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.: Наука, 1985 (Археология СССР). С. 273–292.
- Ягодин В.Н.* Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии // Древняя Бактрия. Вып. 3. М.: Наука, 1984. С. 33–57.
- Haerinck E.* La ceramique en Iran pendant la periode parthe. Gent: Gent University (Belgium), 1983 (Iranica Antique; Suppl. II). 261 p.
- Schmidt E.F.* Persepolis, II. Chicago, 1957 (Orient Institute University of Chicago Press Publications; V. 69). 166 p., 89 pl.
- Stronach D.* Pasargadae. Oxford: Clarendon Press, 1978. 326 p.

ХРАМЫ ОГНЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

© 2014 г. В.А. Гаибов, Г.А. Кошеленко

Институт археологии РАН, Москва (koshelenko@mail.ru)

Ключевые слова: *Парфияна, Маргиана, храм огня, зороастризм, Парфия, Сасаниды.*

The article considers four buildings (Mansur-depe, Ak-depe, Mele-Heiran, Gebekly) studied on the territory of the South Turkmenistan which the authors identify as Zoroastrian Temples of Fire dated by the Parthian and Sasanian period.

Проблемы характера сакральной архитектуры Центральной Азии античной и раннесредневековой эпох (времени от Александра Македонского до арабского завоевания) в последние годы стали объектом пристального внимания исследователей. Причина этого – открытия значительного числа святилищ, среди которых важнейшее место принадлежало ряду храмов городища Ай Ханум (Северный Афганистан), и замечательного комплекса Тахти Сангин (Южный Таджикистан) (Пичикян, 1987; 1991. С. 144–157; Bernard, 1990; Rapin, 1992; Рапэн, 1994; Литвинский, 1996. С. 3–16; Литвинский, Пичикян, 2000).

Однако эти крупные открытия как бы “заслонили” собой некоторые не столь яркие памятники религиозной архитектуры Центральной Азии. Эти оставшиеся вне внимания исследователей памятники практически не учитываются в общих построениях, но без них создаваемые схемы в значительной мере теряют свою убедительность. В соответствии с этим авторы в данной статье хотят представить ряд памятников, которые они считают зороастрийскими храмами огня и которые в предшествующих дискуссиях практически не учитывались. В этот список входят так называемый северо-западный храм городища Мансур-депе, небольшой храм на поселении Ак-депе близ Артыка, Меле-Хейран (Серахский оазис) и загадочное сооружение ранне-сасанидского времени на городище Гебеклы-депе.

Все эти памятники датируются парфянским и сасанидским временем и относятся к одному историко-культурному ареалу. При этом Мансур-депе и Ак-депе находились на территории Парфии – исторического ядра Парфянского государства. Маргиана также очень рано вошла в состав Парфии и культурно мало отличалась от Парфии. Эпиграфические документы, во всяком случае, свидетельствуют о том, что в Мервском оазисе говорили на

парфянском языке (Livshits, Nikitin, 1992). Что касается Серахского оазиса, то в настоящее время нельзя безоговорочно говорить о его административной принадлежности: он вполне мог зависеть и от Ареи (Гератский оазис), и от Маргианы. Принципиально это не меняло картину, так как Арея также входила в состав Парфянской державы с очень раннего времени. В первые века н.э., судя по монетным находкам, Серахский оазис зависел от Маргианы (Оразов, 1975. С. 75–77).

Что касается хронологического аспекта проблемы, то необходимо указать на отсутствие принципиальных различий между культурой этих областей в парфянское и сасанидское время. Такого полного слома культурных моделей, который произошел в данном регионе после арабского завоевания, в период перехода от парфян к Сасанидам, не было. Конечно, некоторые изменения имели место, но они носили эволюционный характер и определялись общими культурными моделями.

Эти обстоятельства ставят вопрос о необходимости достаточно подробной публикации упомянутых памятников, а также позволяют их рассматривать как некий единый комплекс.

Мансур-депе. Древнейший из храмов огня, исследованных на территории Южного Туркменистана, – храм в Мансур-депе. Этот монументальный комплекс, датируемый примерно II–I вв. до н.э., исследован не полностью, тем не менее можно с большой степенью надежности говорить о функциях и характере этого памятника. Мансур-депе представляет собой большую загородную резиденцию какого-то представителя высшего слоя парфянского общества (рис. 1). Аналогий этому памятнику достаточно много в западных областях государства (Абу Кубур, Хура, Ниппур). Мансур-депе отличается от них одной деталью – здесь в состав монументального комплекса входит и небольшое

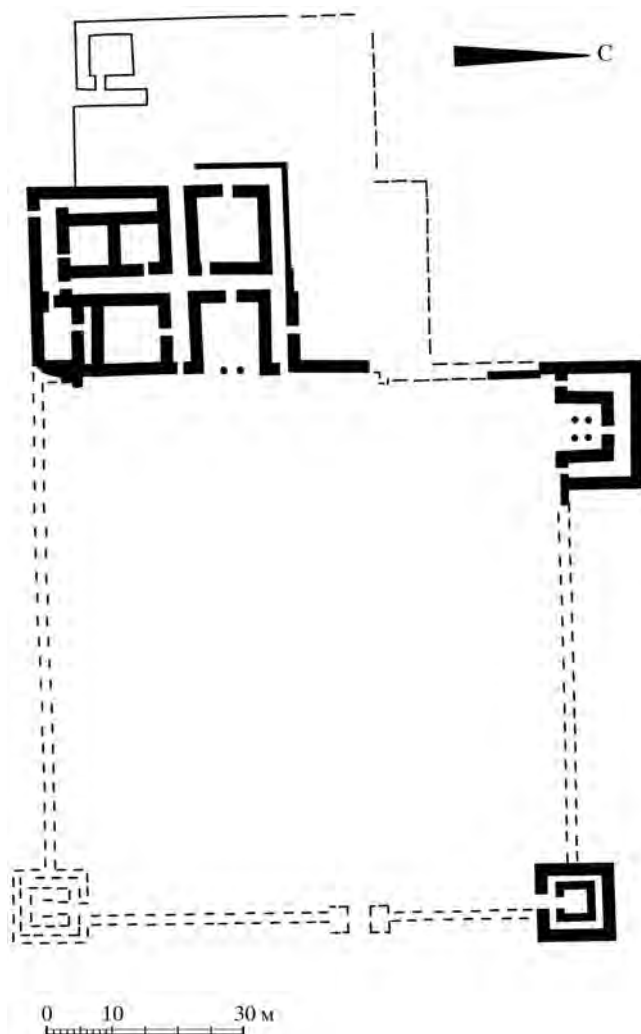

Рис. 1. Мансур-депе. Общий план.

сооружение, которое авторы определяли как храм огня (Gaibov et al., 1991. P. 86–88; Кошеленко, Гаиров, 2003; 2011).

Это небольшая постройка (размеры: С–Ю – 13 м, З–В – 20), расположенная в северо-западном углу обширного двора (рис. 2). В основном она выполнена из сырцового кирпича (размеры: 40–42×40–42×10–12 см) на глиняном растворе. Ядро здания – айван, открытый на юг. Торцовые стены айвана сложены из камней, связанных ганчевым раствором. Айван с трех сторон охвачен коридором. Внутри айвана находились четыре колонны (видимо, деревянные), образующие в плане квадрат. Сами колонны не сохранились, но остались *in situ* фундаменты для баз колонн. Они были сложены из крупных камней с тщательно отесанной верхней поверхностью, на которую, очевидно, устанавливались базы.

Стены айвана были покрыты ганчем и окрашены в красный цвет. Характерно заполнение айвана:

почти вся площадь его была покрыта слоем очень тонкого и чистого пепла и золы; в тех местах, где эта зола достигала стен, она меняла их окраску – она как бы выцветала. Очень хорошо видна разница в цвете стен: там, где нет золы, окраска стен яркая и насыщенная, там, где зола примыкала к стене, красный цвет терял свою насыщенность и местами становился просто серым. Можно предположить, что эти изменения – результат того, что пепел высыпался тогда, когда он был еще горячим.

Видимо, ритуал, осуществлявшийся здесь, предполагал наличие специального контейнера для огня, который приносился в это здание. Такой контейнер (с длинной округлой ручкой) виден на живописном панно из Варахши (Шишкин, 1963. Табл. XIV). Пепел после ритуала запрещалось выносить из здания, и он оставался здесь. Подобное отношение к золе, образовавшейся в результате горения священного огня, типично для зороастризма и засвидетельствовано как археологическими исследованиями, так и наблюдениями над практикой современных зороастрийцев (Литвинский, Пичикян, 2000. С. 59, 307–310).

Естественно, что особое внимание привлекает планировочная схема храма. Многие исследователи такую квадратную в плане целлу с четырьмя колоннами¹ и системой обводных коридоров считают наиболее типичной для самых ранних храмов огня (Персеполь, айдана Суз, Кух-и Хваджа, Сурх Котал). Не приводя всю предшествующую литературу, укажем только на публикации последнего времени (Пичикян, 1987; Stronach, 1985; Литвинский, Пичикян, 2000. С. 53–61). Необходимо только отметить, что Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян подобное устройство целлы считали лишь одним из “диагностирующих” признаков храма огня. Они полагали, что не менее важный признак – наличие атешгаха, т.е. специального помещения для хранения “вечно-го” огня (Литвинский, Пичикян, 2000. С. 206–209). В то же время попытка К. Рапэна (Rapin, 1992; Рапэн, 1994) отвергнуть данную схему не может быть принята. Автор абсолютно аналогичные по плану сооружения относит к различным религиозным и художественным традициям, что представляется довольно странным.

Не входя сейчас в рассмотрение всех сложных проблем, порожденных концепцией, предлагаемой Б.А. Литвинским и И.Р. Пичикяном, отметим только, что в случае с Мансур-депе сталкиваемся с определенным дериватом данной модели. Во всех упомянутых выше памятниках целла всегда

¹ Подобное устройство Р. Гиршман несколько условно называл “тетрастиль” (Ghirshman, 1976. V. I. P. 40; V. II. Pl. XII–XIV).

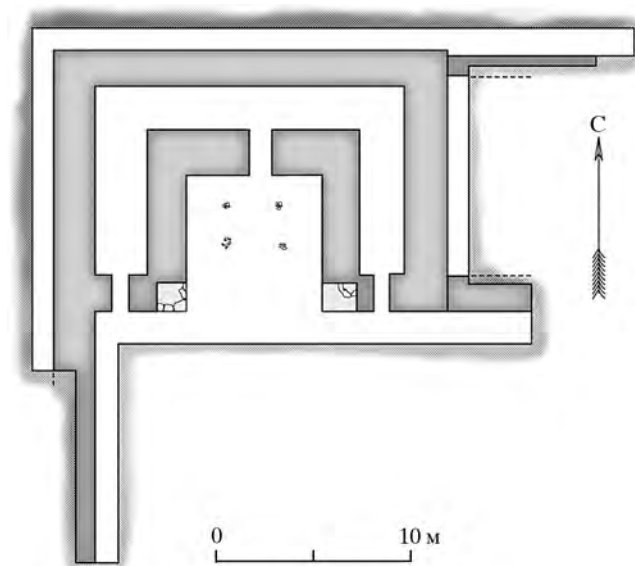

Рис. 2. План северо-западного храма в Мансур-депе.

представляла собой обычное замкнутое помещение с единственным входом, тогда как на Мансур-депе целла представляла собой айван, т.е. это было помещение без передней стены. Естественно, что отклонение от принятой схемы означало и наличие определенного своеобразия в ритуалах.

Подобная схема не была уникальной. Имеется, по крайней мере, три памятника, существовавших в древности и раннем средневековье, с подобным устройством: храм на террасе Бард-е Нешанде (Ghirshman, 1976. V. I. P. 39–51) и два храма Пенджикента (Шкода, 2009). Что касается Бард-е Нешанде, то Р. Гиршман датирует объект (или, как он отмечает, последнюю фазу его существования) II в. н.э. Основное отличие данного храма от храма на Мансур-депе состоит в том, что здесь обводные коридоры не объединены в единую систему, а каждый представляет собой изолированное помещение. Необходимо указать, что присутствующая на плане передняя стена не относится к первоначальному плану, а является следствием поздней перестройки.

Что касается храмов Пенджикента, то они были возведены в специально выделенной – сакральной – части города, стояли на высоких платформах². Они были построены в самый ранний период существования города и пережили несколько периодов перестроек, большинство их приходится

на V – первую половину VI в. н.э., но эти перестройки не меняли основных элементов плана. По мнению исследователей архитектуры Пенджикента, эти храмы представляли собой специфический тип здания, восходящий к таким храмам, как Тахти Сангин, Дильберджин, Сурх Котал. Именно к этим образцам восходят такие особенности устройства, как четырехколонный зал, обводные коридоры и т.д. Возжигание огня перед изображениями божеств было основным ритуальным действием (Škoda, 1987. P. 63–72; Шкода, 2009. С. 122–124).

Таким образом, храм Мансур-депе входит в определенную группу храмов огня, памятники которой встречаются на обширной территории от Элимаиды до Согды, они достаточно надежно фиксируются во времени: от II–I вв. до н.э. до VI в. н.э. Такой хронологический и территориальный разброс памятников подобного типа заставляет думать о наличии особой ветви сакральной архитектуры зороастрийцев, существовавшей помимо более общей и популярной ветви.

Ак-депе. В предгорной полосе Копетдага имеется еще один памятник, который можно достаточно надежно определить как храм огня: храм на поселении Ак-депе (у Артыка). В литературе хорошо представлены результаты раскопок замка Ак-депе, но примыкающее к нему поселение почти не исследовалось, и соответственно оно почти не упоминается в литературе.

Памятник расположен на южной окраине поселения, он был открыт случайно, при “спасательных” работах, когда необходимо было провести исследования территории перед строительством оросительного канала. Храм огня был создан на руинах сооружений предшествующего времени. Одно из них представляло собой винодельню.

Храм входил в состав значительного по своим размерам комплекса, но не имел никакой прямой связи с остальными частями этого сооружения (Gaibov et al., 1991. P. 88–90). Та часть здания, которая стала служить храмом огня, была возведена на кирпичной вымостке, перекрывшей сверху руины предшествовавшего здания (размеры сырцового кирпича этой выкладки – 38×36×8 см). Стены храма выполнены из сырцового кирпича на глиняном растворе (размеры кирпича – 37×36×9 см).

Комплекс собственно храма – прямоугольник в плане, вытянутый в направлении С–Ю (рис. 3). Размеры его составляют примерно: С–Ю – 14 м, З–В – 10. Вход находится в середине северной стены. Храм разделен на два помещения: основное, занимающее большую часть сооружения, и подсоб-

² Иногда оспаривается всеобщее мнение о храмовом предназначении этих сооружений (Хмельницкий, 2000. С. 191–193, 286), что не выглядит убедительным. Достаточно посмотреть на место этих зданий в общей системе планировки города, чтобы понять полную необоснованность подобных представлений.

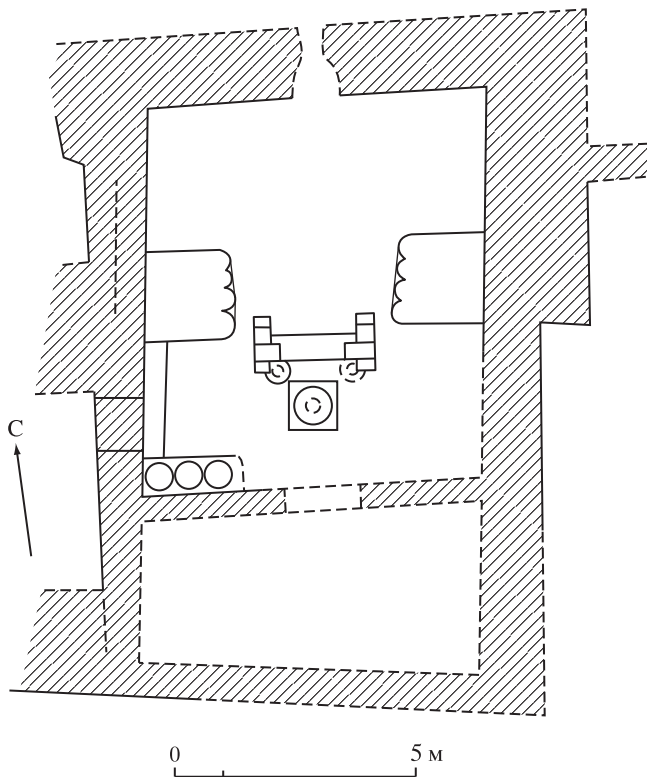

Рис. 3. Ак-депе. План храма.

ное – в южной части здания. В главном помещении строго на центральной оси, прямо против входа находится алтарь. К нему ведут две ступеньки, выложенные из кирпича-сырца. Они покрыты ганчем. Эти ступени ограничены с боков небольшими пилонами и полуколоннами. К обеим продольным стенам непосредственно перед алтарем пристроены два достаточно мощных устоя, верхние части которых оформлены в виде полуколонн. Эти устои как бы делят основное помещение надвое, оставляя алтарь во внутренней части. Все они были покрыты ганчем.

Алтарь состоял из ганчевой плиты (104,5×101 см, толщина 6–8 см), которая служила базой для алтаря. Собственно алтарь был выполнен в форме усеченного конуса, имевшего диаметр у основания 75 см, сохранившаяся высота – 45 (рис. 4). Алтарь выполнен из фрагментов сырцовых кирпичей с глиняным раствором. Верхняя часть его, естественно, разрушена. При разборке алтаря выяснилось, что он неоднократно ремонтировался. Первоначальное его устройство разительно отличалось от конечного. В центре плиты имелось круглое отверстие, в котором видны следы какого-то медного предмета.

Алтарь огня – один из самых важных и часто встречающихся сюжетов на сасанидских монетах. Однако алтари подобного устройства на монетах

практически не зафиксированы, но его устройство, кажется, совпадает с изображением алтаря в живописи Варахши (Шишкин, 1963. Табл. XIV).

Вдоль западной стены (на пространстве от пилона до поперечной стены) находится небольшая суфа. Еще одна суфа – у южной стены главного помещения. На ней в ряд располагались остатки трех малых алтарей, также выполненных в виде конусов. Диаметр основания наиболее хорошо сохранившегося алтаря – 60 см, высота (над суфой) – 12.

Среди находок, сделанных в храме, необходимо отметить фрагмент сосуда с пехлевийской надписью и куски ганчевого покрытия с полихромной росписью. На полу обоих помещений находилось значительное количество очень чистого пепла.

Датировка памятника не вызывает больших сложностей. Он существовал в самый последний период жизни замка и поселения: в середине VI – первой половине VII в.

Рассмотренный храм – весьма скромное святилище, расположенное на окраине поселения. В этом и состоит его ценность, поскольку, как правило, ученым известны только монументальные храмы огня³, скромные деревенские святилища сохраняются и привлекают внимание исследователей не часто.

Меле-Хейран. Еще один храм огня был обнаружен на восточной окраине Серахского оазиса. Он носит название “Меле-Хейран” и исследуется польско-туркменской археологической экспедицией (Kaïm, 2001; 2002; 2011). Здесь зафиксирован один большой искусственный холм и четыре малых, расположенных к западу от него. Именно большой холм и скрывал под собой руины храма огня. Монетные находки позволяют определить время функционирования этого храма, среди находок представлены парфянские монеты II в. н.э. и сасанидские, охватывающие время от Варахрана II (276 – около 292 гг.) до Шапура II (309–379 гг.).

Раскопки храма проводятся несколько своеобразно – до сего времени ни в одном из мест не выявлены внешние грани стен здания (рис. 5), поэтому некоторые утверждения Б. Каим, руководящей раскопками памятника, приходится принимать на веру.

Все конструкции выполнены из сырцового кирпича (размеры: 41–48×41–48×11–15 см) на глиняном растворе. Сохранность стен здания – от 0,5 до 3,5 м. Вход в здание – с востока, он еще не пол-

³ Достаточно полный список см. Schippmann, 1971. Дополнения к этому списку см. Vanden Berghe, 1984. P. 201–225. О чартаке как ведущем (несмотря на все ограничения) типе храма огня сасанидского времени см. Boucharlat, 1985.

Рис. 4. Алтарь храма в Ак-депе.

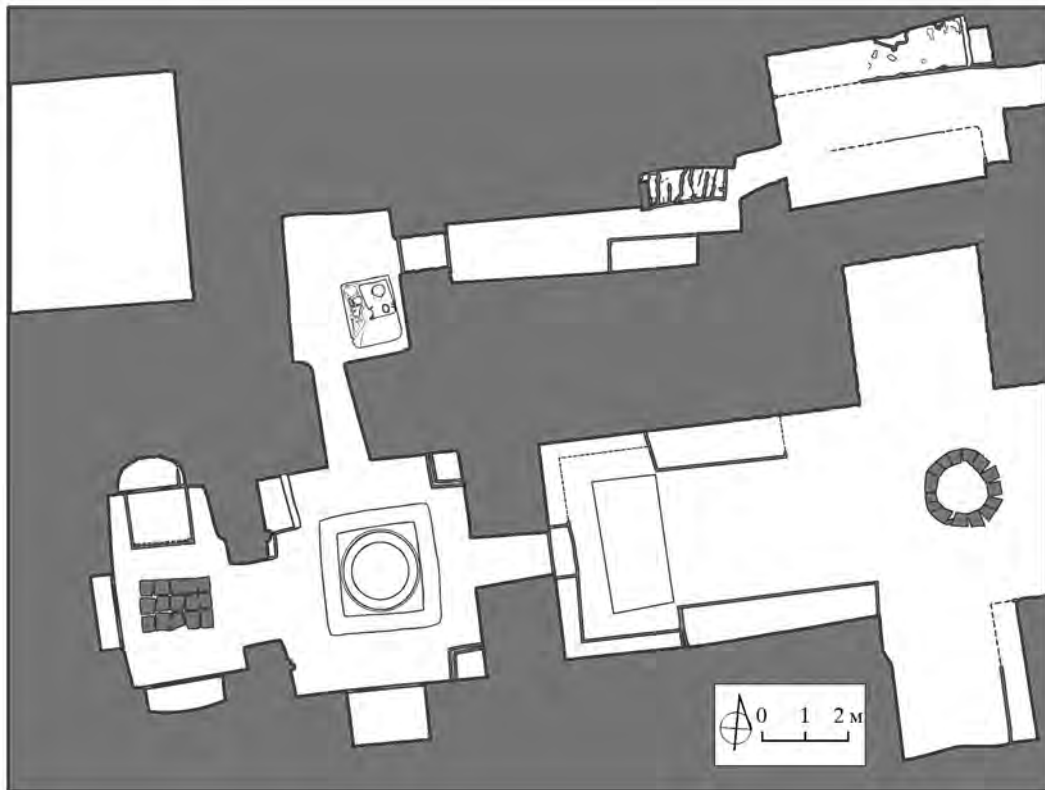

Рис. 5. Меле-Хейран. План комплекса (по: Каим, 2011).

Рис. 6. Алтарь в храме Меле-Хейран.

ностью исследован. Затем следовал открытый дворик, в центре которого находился колодец. Наличие этого колодца очень важно. Не приводя всех аргументов, сошлемся на исследование Б.А. Литвинского и И.Р. Пичикяна, которые показали, насколько тесно были связаны храмы огня с культом воды (2000. С. 312–323). Отметим, что Б. Каим оставляет этот факт без внимания.

Затем шло довольно значительное по размерам (7.5×5 м) сводчатое помещение, предварявшее собственно “святая святых” – помещение с алтарем огня. Перед входом в него находился своеобразный покрытый ганчем подиум высотой 0.9 м, затруднявший доступ в это самое главное помещение храма. Ганчевый декор украшал и суфы, примыкавшие к боковым стенам. Зафиксированы также остатки росписей, украшавших потолок помещения. В помещении, где располагался алтарь, вел узкий коридор. В этом практически квадратном зале, куда, видимо, имели право входить только жрецы, было устроено несколько ниш и три суфы. В самом центре помещения – прямо против входа – находился алтарь (рис. 6), имевший интересное устройство: он располагался внутри квадратного углубления в полу, имел круглый план (диаметр внизу 1.46 м, сохранившаяся высота 0.76) и был выполнен из глины. Мелкая зола – результат возжигания огня на алтаре – была найдена на суфах.

Из этого помещения имелись еще выходы: один вел в комнату к западу, которая служила, видимо, местом хранения сакральных предметов, необходимых при священнодействиях, а второй – на север, где была еще одна группа помещений, назначение которых пока не ясно.

Необходимо отметить, что в ряде помещений стены были украшены резьбой по ганчу, а среди находок – несколько высококачественных произведений, выполненных из слоновой (?) кости (Kaım, 2010).

К сожалению, храм еще не полностью раскопан и поэтому некоторые детали его устройства остаются не совсем ясными. Пока же отметим, что его устройство достаточно своеобразно. Однако попытки Б. Каим сопоставить его с известным храмом в Тахт-и Сулейман не кажутся достаточно убедительными. Комплекс Тахт-и Сулейман огромный и очень сложный по планировке, и в силу этого он не сопоставим с маленьким и очень простым по устройству храмом Меле-Хейран. Кроме того, необходимо помнить, что центральная часть Тахт-и Сулеймана состоит из двух по существу равноправных помещений, в то время как в Меле-Хейране – только одно. Утверждать в таких условиях (как это делает Б. Каим), что Меле-Хейран может помочь понять все загадки устройства святилища Тахт-и Сулейман (Kaım, 2003. Р. 323–327), несколько преждевременно.

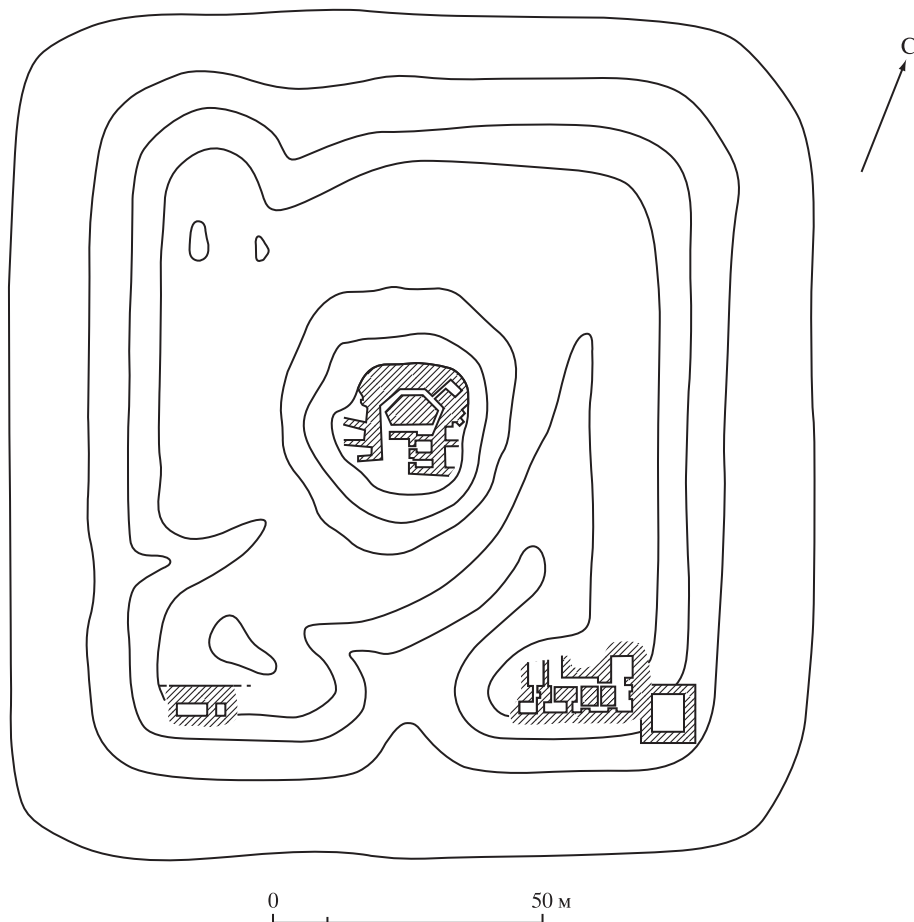
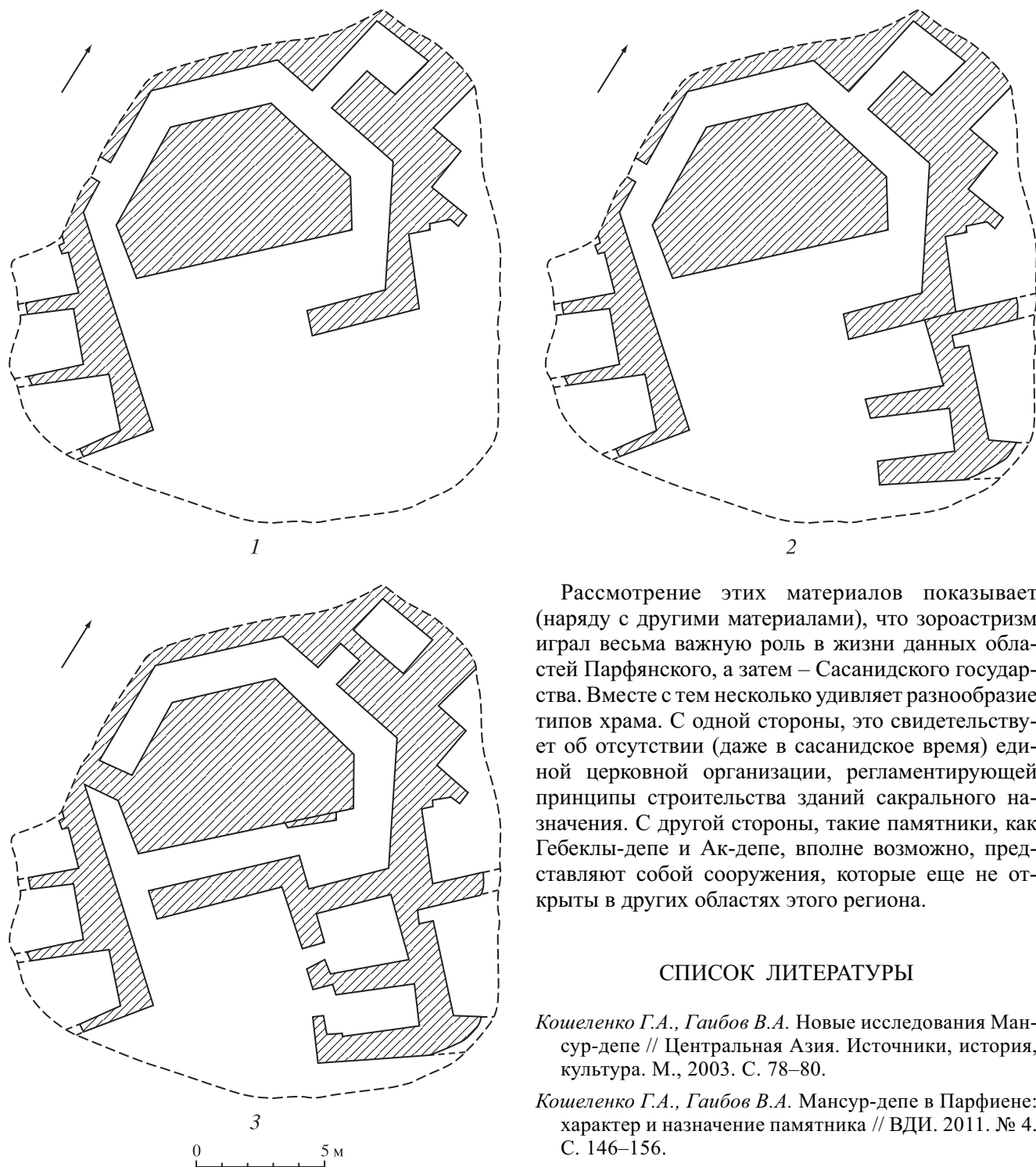

Рис. 7. Гебеклы-депе. Общий план сооружений сасанидского времени.

Гебеклы-депе. На северо-западной окраине Мервского оазиса находится памятник Гебеклы-депе. Поселение на этом месте существовало в эпоху Яз-III, затем оно было заброшено на достаточно длительное время. В парфянский период (видимо, в I в. до н.э.) на руинах раннего поселения возводится небольшая парфянская крепость. Она просуществовала до конца IV в. Монетные находки позволяют выделить два этапа в жизни памятника: парфянский и сасанидский (до конца IV в.). (Кошеленко, Никитин, 1991). Парфянский период достаточно подробно освещен в публикациях, а на сасанидском следует акцентировать внимание. В это время создается новая система фортификации, затем она утрачивает свое значение и стрелковая галерея на стенах превращается в комплекс жилых помещений. В центре же памятника монументальное здание парфянского времени, которое там находилось, полностью забывается, и на этой искусственной платформе создается новое здание (рис. 7), к сожалению, сохранившееся далеко не полностью (Gaibov et al., 1991. P. 90–92).

Оно имеет довольно своеобразный план (рис. 8), основу которого составляет шестиугольная монолитная платформа (размеры: С–Ю – 5.9 м, З–В – 9.2). Платформа с пяти сторон охвачена узким коридором (шириной 1.51–1.7 м). К нему примыкают помещения, к сожалению, очень сильно разрушенные. Вся конструкция сложена из сырцовых кирпичей (размеры: 40–41×40–41×12 см). Сохранившаяся высота платформы и стен – 0.9–1.2 м. Фиксируются некоторые перестройки в данном комплексе, важнейшее из таких новшеств – создание стены, которая закрывала большую часть платформы. Необходимо подчеркнуть, что внешние поверхности и платформы, и стен коридора были сильно обожжены, слой очень мелкой золы (толщиной более 0.3 м) покрывал полы коридора. Кроме того, в одном из помещений, входящих в состав этого комплекса, находился большой хум, наполненный такой же золой. Некоторое количество ее было насыпано и на пол возле хума.

Данное сооружение можно определить как храм огня, в котором монолитная платформа представляла собой основу алтаря огня. Тип золы показы-

Рис. 8. Гебеклы-депе: три этапа существования сооружения на центральном холме.

вает, что это не следы пожара (как предполагалось при первичной публикации материалов раскопок, см. Gaibov et al., 1991. P. 92), а результат возжигания священного огня.

Рассмотрение этих материалов показывает (наряду с другими материалами), что зороастризм играл весьма важную роль в жизни данных областей Парфянского, а затем – Сасанидского государства. Вместе с тем несколько удивляет разнообразие типов храма. С одной стороны, это свидетельствует об отсутствии (даже в сасанидское время) единой церковной организации, регламентирующей принципы строительства зданий сакрального назначения. С другой стороны, такие памятники, как Гебеклы-депе и Ак-депе, вполне возможно, представляют собой сооружения, которые еще не открыты в других областях этого региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. Новые исследования Мансур-депе // *Центральная Азия. Источники, история, культура.* М., 2003. С. 78–80.

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. Мансур-депе в Парфии: характер и назначение памятника // *ВДИ.* 2011. № 4. С. 146–156.

Кошеленко Г.А., Никитин А.Б. Монетные находки и проблемы стратиграфии Гебеклы-депе // *Информ. бюлл. МАИКЦА.* Вып. 18. М.: Наука, 1991. С. 108–121.

Литвинский Б.А. К генезису архитектурно-планировочных схем восточноиранского эллинизма // *ВДИ.* 1996. № 4. С. 3–16.

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (южный Таджикистан). Т. I: Раскоп-

- ки, архитектура, религиозная жизнь. М.: Вост. литература, 2000. 503 с.
- Оразов О.* Находки монет из Серахского оазиса // ВДИ. 1975. № 1. С. 75–78.
- Пичикян И.Р.* Композиция храма Окса в контексте архитектурных сопоставлений // Информ. бюлл. МАИКЦА. Вып. 12. М.: Наука, 1987.
- Пичикян И.Р.* Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М.: Наука, 1991. 343 с.
- Рапэн К.* Святилища Средней Азии в эпоху эллинизма (состояние вопроса) // ВДИ. 1994. № 4. С. 128–140.
- Хмельницкий С.* Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V–VIII вв. Берлин; Рига: Gatamun, 2000. 294 с.
- Шшикин В.А.* Варахша. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 250 с.
- Шкода В.Г.* Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V–VIII вв.). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. 279 с.
- Bernard P.* L'architecture religieuse de l'Asie Centrale à l'époque hellénistique // Akten des XIII. International Kongresses für klassische Archäologie. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern. 1990. P. 51–59.
- Boucherlat R.* Chahartaq et temple du feu sassanides: quelques remarques // De l'Indus aux Balkans. Recueil à la mémoire de Jean Deshayes. Paris, 1985. P. 461–472.
- Gaibov V., Koshelenko G., Novikov S.* Nouveaux documents pour une histoire des religions dans Turkménistan méridionale à l'époque parthe et sasanide // Histoire et cultes de l'Asie Centrale préislamique. Sources écrites et documents archéologiques. Sous la direction de P. Bernard et F. Grenet. Paris, 1991. P. 85–94.
- Ghirshman R.* Terrasses sacrées de Bard-è Néchadeh et Masjid-e Soliman. L'Iran du Sud-Ouest du VIIIe s. av. n. ère au Ve s. de n. n. ère. V. I–II. Paris, 1976. 350 p. (V. I). CXXXVI, 83 p. (V. II).
- Kaim B.* Zaratusztryjska świątynia ognia. Odkrycia w Turkmenistaanie. Warszawa, 2001. 22 s.
- Kaim B.* Un temple du feu sassanide découvert à Mele Hairam, Turkménistan méridionale // Studia Iranica. Paris, 2002. T. 31. Fasc. 2. P. 215–230.
- Kaim B.* Bone reliefs from fire temple at Mele Hairam // Iranica Antiqua. 2010. V. 46. P. 337–352.
- Kaim B.* Victorious fire at Mele-Hairam // Памятники истории и культуры Туркменистана. Научные открытия, исследовательские и реставрационные работы за 20 лет независимости. Ашхабад: Туркм. изд. гос. служба, 2011. С. 303–313.
- Livshits V.A., Nikitin A.B.* The Parthian Remains from Göbekly-depe and some other Parthian inscriptions // Corolla Iranica: Papers in honour of Prof. Dr. D.N. MacKenzie / Eds. R.E. Emmerick, D. Weber. Frankfurt am Main; Bern; N.Y.; Paris: Peter Lang, 1992. P. 109–126.
- Rapin C.* Les sanctuaries de l'Asie Centrale à l'époque hellénistique: état de la question // Études et lettres. Revue de la Faculté des lettres de l'Université de Lausanne. 1992. № 4. P. 101–124.
- Schippmann K.* Die iranischen Feuerheiligtümer. Berlin; N.Y., 1971. 467 p.
- Škoda V.G.* Le culte de feu dans les sanctuaries de Pendžikent // Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale préislamique. Paris, 1987. P. 63–72.
- Stronach D.* On the evolution of the early Iranian fire temples // Papers in honor of Prof. M. Boyce. Leiden, 1985 (Acta Iranica. Hommages et Opera Minora; V. XI). P. 605–627.
- Vanden Berghe L.* Le chahār tāq de Qanāt-I Bāgh (Fārs) et l'inventaire de chahār tāqs en Irān // Iranica Antiqua. 1984. V. XIX. P. 201–225.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИУ	– Археологические исследования в Украине		ства народов Востока Государственного музея Востока
АРТ	– Археологические работы в Таджикистане	ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
БНЦ СО РАН	– Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН	РФ НОА УИИЯЛ	– Рукописный фонд Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН
БФ СО АН СССР	– Бурятский филиал Сибирского отделения АН СССР		– Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства
ВААЭ	– Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень	САИПИ	– Сибирское отделение Русского географического общества
ВУАК	– Воронежская ученая архивная комиссия	СОРГО	– Тверской археологический сборник
ЗабГГПУ	– Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет	ТАС	– Харьковский государственный университет
ЗОРСА	– Записки Отделения русской и славянской археологии	ХГУ	– Харківський держаний інститут культури
ИИАЭ ДВО РАН	– Институт истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН	ХДІК	– Харьковский исторический музей
ИКМЗ УР “Иднакар”	– Историко-культурный музей-заповедник Удмуртской Республики “Иднакар”	ХИМ	– Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
ИМКУ	– История материальной культуры Узбекистана	ЮТАКЭ	– American Journal of Archaeology
ИрГТУ	– Иркутский государственный технический университет	АЖА	– Archäologische Mitteilungen aus Iran. Berlin
ИЭА РАН	– Институт этнологии и антропологии РАН	АМІ	– Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin
КемГУ	– Кемеровский государственный университет	АМІТ	– Bulletin of the Asia Institute
МАИКЦА	– Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии	BAI	– Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient
МИАК	– Материалы и исследования по археологии Кубани	BEFEO	– Bulletin of the School of Oriental and African Studies
МИАСК	– Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа	BSOAS	– Memoires de la Delegation archeologique française en Afganistan
МИАР	– Материалы и исследования по археологии России	MDAFA	– Mitteilungen der Deutschen Orient Gesellschaft
МПАЭ	– Материалы Пенджикентской археологической экспедиции	MDOG	– Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia, Königsberg i. Pr.
НАВ	– Нижневолжский археологический вестник. Волгоград	Prussia	– Schriften der Physikalisch-Ökonomischer Gesellschaft zu Königsberg i. Pr.
ОИМК и ДИ ГМВ	– Отдел истории материальной культуры и древнего искусства	SPÖG	